

X629.2
Г-939

2/32

Р. Гукасян

ПРОБЛЕМА
ИНТЕРЕСА
В СОВЕТСКОМ
ГРАЖДАНСКОМ
ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ПРАВЕ

У/32
16.17.87

Х629.2
Г-939

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

Саратовский юридический институт им. Д. И. КУРСКОГО

У/88

Р. ГУКАСЯН

375384

**ПРОБЛЕМА
ИНТЕРЕСА
В СОВЕТСКОМ
ГРАЖДАНСКОМ
ПРОЦЕССУАЛЬНОМ
ПРАВЕ**

код экземпляра

336142

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ
1970

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение категории интереса в советском гражданском процессуальном праве способствует уяснению социального назначения этой отрасли права, раскрытию содержания принципов, определяющих движение гражданского процесса и собирание процессуального материала, правильному применению гражданских процессуальных норм, дальнейшему совершенствованию правового регулирования деятельности правоохранительных органов.

Роль интереса объясняется тем, что советское гражданское процессуальное право, как и правовое регулирование вообще, вызвано к жизни объективными потребностями развития социалистического общества и служит их удовлетворению специфическими средствами. Цель деятельности правоохранительных органов — защита личных и общественных интересов.

Функционирование правоохранительных органов, в свою очередь, способствует формированию юридического (процессуального) интереса, обязанного своим возникновением наличию правоохранительных органов и удовлетворяемого их деятельностью. Юридический (процессуальный) интерес представляет собой одно из условий обращения за судебной защитой, вступления в гражданский процесс. Поэтому всестороннее теоретическое исследование юридического интереса имеет большое практическое значение, служит одной из гарантий законности правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Совершенствование советского гражданского процессуального права требует глубокого анализа закрепленных в нормативных актах принципов и правил с тем, чтобы установить их действительное соответствие нуждам дальнейшей демократизации правосудия. Изучение категории интереса способствует этому, помогает обоснованию отдельных принципов советского гражданского процессуального права. В первую очередь это относится к принципу диспозитивности.

Диспозитивные начала советского гражданского процессуального права имеют в своей основе обусловленность в конечном итоге воли лица его интересом, в силу чего в условиях социалистического государства, глубоко заинтересованного в удовлетворении личных интересов, воле лица предоставляется широкая возможность в принятии мер по защите своих материальных прав. Такое понимание принципа диспозитивности ориентирует на дальнейшее усиление значения воли материально (лично) заинтересованных лиц в движении гражданского процесса и может служить теоретической базой для решения многих спорных вопросов теории советского гражданского процессуального права.

Принцип активной помощи суда, прокурора, органов государственного управления и социалистических организаций в защите прав и охраняемых законом интересов лиц базируется на сочетании личных и общественных интересов. Глубокое и всестороннее исследование соотношения личных и общественных интересов способствует правильному осмысливанию и дальнейшему совершенствованию норм процессуального права, регулирующих деятельность суда, других государственных органов и общественных организаций, принимающих участие в процессе с целью защиты прав и охраняемых законом интересов других лиц.

Исследование категории интереса в перечисленных выше аспектах составляет содержание настоящей работы. В ней дается определение интереса как социологической и правовой категории. Всесторонне исследуется вопрос о значении юридического интереса. Анализируется соотношение воли и интереса, личных и общественных интересов. На этой основе раскрывается содержание принципа диспозитивности и обосновывается принцип активной помощи в защите права.

Часть I

ИНТЕРЕС КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

ИНТЕРЕС КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

§ 1.

ОБЪЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ИНТЕРЕСА

В марксистской философской литературе проблема интереса как социологической категории стала усиленно исследоваться с конца пятидесятых годов. Это вызвано запросами практики, «ибо опыт социалистического строительства показал, насколько важно учитывать интересы людей для эффективного использования преимуществ социалистической системы хозяйства»¹.

Разработка теории интереса непосредственно связана с проводимой в настоящее время хозяйственной реформой, в которой одним из стержневых положений является всемерное использование материальных стимулов.

С этих позиций к изучению категории интереса подходят в философской литературе.

По вопросу о сущности (природе) интереса в социологической теории сложились два взгляда. Одни авторы исходят из того, что интерес как социологическая категория объективен². Другие, не

¹ Г. Е. Глезерман. Интерес как социологическая категория. — «Вопросы философии», 1966, № 10, стр. 18.

² См.: Г. М. Гак. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме. — «Вопросы философии», 1965, № 4, стр. 19; Его же. Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1960, стр. 64 и след.; Г. Глезерман. Экономические отношения и интересы людей при социализме. — «Коммунист», 1964, № 12, стр. 45; Его же. Исторический материализм и закономерности развития социалистического общества. — «Коммунист», 1966, № 9, стр. 88; Его же. Интерес как социологическая категория. — «Вопросы философии», 1966, № 10, стр. 18; А. С. Айзикович. Важная социологическая проблема. — «Вопросы философии», 1965, № 11, стр. 167; В. Н. Лавриненко. Интерес как категория исторического материализма. — «Вестник Московского университета». Серия VIII. Экономика, философия, 1964, стр. 64; И. Е. Фарбер. Правосознание как форма общественного сознания. М., «Юридическая литература», 1963, стр. 32; Г. В. Мальцев. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан. — «Советское государство и право», 1965, № 10, стр. 19; С. Сабикенов. Изучение категории интереса в праве. — «Советское государство и право», 1968, № 5, стр. 112 и след.; Ю. С. Завьялов. Личность, интересы, право. — «Советская юстиция», 1967, № 15, стр. 6; Его же. Взгляды Р. Иеринга на государство и право. — «Правоведение», 1968, № 3, стр. 113; В. М. Чхиквадзе. Государство, демократия, закон-

отрицающая объективного содержания интереса, его социальной обусловленности, считают, что интерес неразрывно связан с сознанием и вне сознания, вне психики существовать не может¹.

С мнением о том, что интересы не могут существовать вне субъективной формы, согласиться нельзя. Недопустимо отождествлять интерес как социологическую категорию с его осознанием.

Очень убедительно обосновывает объективный характер интереса Г. Глезерман. «Объективность интереса, — отмечает он, — означает, что сама природа и положение данного субъекта (общества, класса, человека и т. п.) порождает у него определенные потребности и необходимо требует от него определенных действий для их удовлетворения, причем эта необходимость порождается не сознанием, а условиями его общественного бытия»². Далее, Г. Глезерман отмечает, что интерес объективен и по своему содержанию. Содержание интереса составляет то, что объективно необходимо для жизни и развития общества, класса, человека, для удовлетворения его жизненных потребностей и нужд. Объективность интереса заключается и в том, что он существует независимо от осознания его субъектом-носителем. Осознание инте-

ность. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 306 и след.; Д. М. Чечот. Субъективное право и формы его защиты. Изд-во Ленинградского университета, 1968, стр. 29; Философский словарь. М., Изд-во политической литературы, 1968, стр. 133.

¹ См.: А. Г. Здравомыслов. Интерес как категория исторического материализма. — «Вестник Ленинградского университета», № 17. Серия экономики, философии, права. Выпуск 3. Л., 1959, стр. 166; Его же. Категория интереса в марксистской социологии. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1959, стр. 16; Его же. Проблема интереса в социологической теории. Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 31; В. Я. Давидович. Общество и личность. М., «Высшая школа», 1962, стр. 11; О. К. Лебедева. Сочетание общественных и личных интересов и всестороннее развитие личности в процессе строительства коммунизма. М., «Мысль», 1964, стр. 6—7; В. А. Медведев. Закон стоимости и материальные стимулы социалистического производства. М., «Экономика», 1966, стр. 10; А. Спиркин. Курс марксистской философии. М., «Мысль», 1966, стр. 339; В. Михны. Соотношение общества и личности при социализме. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1956, стр. 41; В. Г. Нестеров. О соотношении общественного и личного интереса при социализме. — Ученые записки ВПШ при ЦК КПСС, выпуск 1. М., 1959, стр. 77; И. С. Кон. Социология личности. М., Изд-во политической литературы, 1967, стр. 27; С. С. Вишнеvский. Интересы и управление общественными процессами. — «Начальное управление обществом», выпуск 1. М., «Мысль», 1967, стр. 179; Л. С. Бляхман. Экономические интересы молодежи. — «Общество и молодежь», М., «Молодая гвардия», 1968, стр. 86 и след.; Д. А. Кикнадзе. Потребность. Поведение. Воспитание. М., «Мысль», 1968, стр. 60; А. В. Кузнецов. Уголовноправовая охрана интересов личности. М., «Юридическая литература», 1969, стр. 20.

² Г. Глезерман. Интерес как социологическая категория, стр. 18.

ресов ничего не добавляет к их содержанию, так как оно определяется условиями жизни людей¹.

Из сказанного не следует, что между интересом и сознанием нет никакой связи. Такая связь существует. Она проявляется, во-первых, в том, что интерес — категория социальная и существование его предполагает сознательную деятельность. Вне человечества интересы существовать не могут. Во-вторых, интерес может быть реализован только после осознания его носителем, через сознательную практическую деятельность. В процессе реализации объективных интересов достигается единство объективного и субъективного. Реализация объективного интереса включает в качестве необходимого момента осознание интереса носителем в форме стремлений, желаний, мнений, идей, их превращение в идеальные побудительные силы социальных действий людей². Лишь осознанный интерес выступает как стимул, определенное побуждение к действию. Неосознанный интерес никаких стимулов породить не может. При этом интерес может отразиться в сознании людей не только в виде понятий, раскрывающих его содержание и побуждающих к сознательной деятельности за его удовлетворение, но и в виде инстинктивного влечения к какой-то цели³.

Категория интереса выработана в истории социальной мысли для обозначения реальных причин общественных и индивидуальных действий⁴, так как во всех сферах общественной жизни движущей силой деятельности людей являются в конечном итоге их интересы⁵. Все то, за что человек борется, связано с его интересом⁶. Стимулом к деятельности служит и потребность. Каково соотношение между этими категориями?

Между категориями потребности и интереса много общего⁷. Однако между ними имеются и существенные различия. Категория потребности применима ко всему живому, категория интереса — только к общественной жизни⁸. Следовательно, категория интереса — социальная категория. Она — тоже потребность, но особого вида, социальная потребность, или потребность, обусловленная социальными условиями жизни.

¹ Г. Глезерман. Интерес как социологическая категория, стр. 18.

² См.: А. С. Айзикович. Важная социологическая проблема, стр. 167.

³ См.: Г. Глезерман. Интерес как социологическая категория, стр. 20.

⁴ См.: А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории, стр. 8.

⁵ См.: Г. Глезерман. Интерес как социологическая категория, стр. 16.

⁶ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 72.

⁷ Поэтому в социологической литературе иногда вообще обходятся без понятия «интерес», заменяя его понятием «потребность». См.: В. А. Афанасьев. О целостности личности. — «Коллектив и личность». М., «Мысль», 1968, стр. 36 и след.; Д. А. Кикнадзе. Потребность. Поведение. Воспитание. М., «Мысль», 1968, стр. 10; Ю. Е. Еремин. О противоречии между производством и потреблением. Изд-во Московского университета, 1968, стр. 19.

⁸ См.: В. Г. Нестеров. О соотношении общественного и личного ин-

Не все потребности индивида являются интересами. Таковы физиологические потребности (например, потребность в пище). Интересы, как справедливо указывает А. С. Айзикович, — это социальные, то есть экономические, политические, духовные, потребности¹.

Этой стороне вопроса, на наш взгляд, в работах, посвященных интересу как социологической категории, достаточного внимания не уделяется. Правильно, что определению самой структуры интереса мешает неразработанность понятия «потребность»². Однако на том уровне понимания вопроса, которое существует в настоящее время, предлагаемое А. С. Айзиковичем определение представляется единственно правильным.

Нельзя согласиться с таким пониманием потребности, когда она как социологическая категория определяется через психику: потребность есть недостаток чего-то, который человек ощущает, который отражается в сознании и вызывает стремление к устранению данного недостатка. Вызывает возражение и такое определение человеческих потребностей, согласно которому любая потребность (в том числе и физиологическая) выступает как социальная³. Поэтому мы считаем, что нет необходимости рассматривать интерес как выражение объективных потребностей⁴. Интерес есть сама объективная социальная потребность.

Высказав идею, что интерес — это социальная потребность, А. С. Айзикович не раскрыл подробно это понятие, указав лишь на то, что это экономические, политические, духовные потребности. Суть социальных потребностей, на наш взгляд, сводится к тому, что эти потребности вызваны к жизни социальными причинами и удовлетворяются также через общественные связи, общественные отношения⁵. Интерес (потребность в определенных социальных условиях) проявляется только в обществе и реализуется через сознательную деятельность. Он носит исторический и классовый характер, поскольку одни социальные группы имеют потребность в одном направлении развития общества, другие — в ином.

Взгляд на интерес как объективную категорию находится в

интереса при социализме, стр. 77; А. Г. Здравомыслов. Интерес как категория исторического материализма, стр. 164.

¹ См.: А. С. Айзикович. Важная социологическая проблема, стр. 167.

² Там же, стр. 168.

³ См.: А. Спиркин. Курс марксистской философии, стр. 339.

⁴ См.: Г. Глезерман. Экономические отношения и интересы людей при социализме, стр. 45; В. Кузнецов. Уголовноправовая охрана интересов личности, стр. 19.

⁵ Термином «социальная потребность» иногда пользуются для обозначения потребности людей в активном участии в организации и управлении общественной жизнью (см.: Ю. Е. Еремин. О противоречии между производством и потреблением, стр. 57). Данную потребность следует рассматривать как частный случай социальной потребности.

полном соответствии с ролью права в общественном развитии как регулятора общественных отношений¹.

Право выражает интересы определенного класса, а в социалистическом обществе после ликвидации эксплуататорских классов — интересы всего общества. Экономические отношения, проявляясь как интересы класса, находят свое выражение в правосознании и праве². В свою очередь, право выступает как регулятор общественных отношений, право охраняет интересы господствующего класса, а в социалистическом обществе после ликвидации эксплуататорских классов — интересы всего народа, способствуя закреплению и дальнейшему развитию выгодных господствующему классу или же всему народу общественных отношений.

Специфическим средством правового регулирования является установление субъективных прав и обязанностей. Осуществление субъективного права происходит через исполнение обязанным лицом своей обязанности, а в некоторых случаях через совершение действий управомоченным лицом.

Однако и в этом случае право обязывает остальных лиц не препятствовать осуществлению управомоченным лицом своего субъективного права. Охраняя субъективные права управомоченных лиц, право способствует созданию условий, необходимых для удовлетворения интересов, социальных потребностей. За эти пределы право перейти не может. Следовательно, роль права (правового регулирования) в аспекте удовлетворения интересов ограничивается созданием необходимых социальных условий. Конечный момент действия права есть не воздействие на сознание и волю людей, а создание определенных социальных условий путем воздействия на сознание и волю обязанного лица. Интерес удовлетворяется созданием определенных внешних условий, хотя бы это обстоятельство заинтересованное лицо и не осознавало. Это еще раз подтверждает, что интересы существуют объективно и определяются социальным положением личности, совокупностью общественных связей. Интересы личности меняются с изменением

¹ Изучение категории интереса в философии базируется главным образом на данных философских, исторических и экономических наук. Исследования в области правового воздействия на интересы людей и социальных групп не используются, что в некоторой степени влияет на выработку понятия интереса. Правда, А. Г. Здравомыслов отмечает, что понятие интереса используется в правовых науках, однако дальше констатации факта он не идет (см.: А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории, стр. 4). Возможно, в этом отношении правовая наука еще сделала мало и сама нуждается в выводах других наук. Тем не менее некоторые аспекты использования категории интереса в правовой науке бесспорно могут помочь в решении проблемы.

² См.: И. Е. Фарбер. Правосознание как форма общественного сознания, стр. 32.

ее положения в обществе, что связано с возрастными особенностями, состоянием здоровья и т. п. Интересы личности зависят от того, к какому классу, нации она принадлежит, и от целого ряда других общественных связей и личных особенностей.

Если исходить из того, что вне сознания интересы существовать не могут, то придется признать, что малолетние, а также лица с нарушенной психикой интересов не имеют. Бесспорно, что такое суждение неверно. Малолетние имеют интересы. Как справедливо отмечает В. Н. Лавриненко, это — интересы их правильного физического и умственного развития и воспитания¹. Лица с нарушенной психикой также нуждаются в определенных социальных условиях, следовательно, имеют свой интерес, который признается государством и берется под правовую охрану.

В перечисленных выше случаях реализация интереса также может осуществляться только через осознание его и совершение волевых действий. Однако интересы осознаются, и волевые действия по их удовлетворению совершаются не носителями интересов, а другими лицами.

Изложенное еще раз подтверждает, что интерес — это объективно существующая социальная потребность, определяемая положением лица в обществе и не зависящая от осознания ее носителем.

Момент в развитии интереса, когда он осознается носителем и выступает как стимул к действию, иногда именуется заинтересованностью². С подобным суждением согласиться нельзя. Осознание интереса — это момент в его реализации, переход объективного в субъективное. Если признать, что заинтересованность — это осознанный интерес, то получится, что у малолетних детей нет заинтересованности в создании социальных условий, необходимых для их нормального развития. Это было бы совершенно неправильно. Лицо, имеющее интерес, является заинтересованным лицом. Заинтересованность, как и интерес, — объективное состояние, вытекающее из положения лица в обществе. Поэтому совершенно правильно в литературе для обозначения осознанной заинтересованности пользуются термином «субъективная заинтересованность»³.

¹ См.: В. Н. Лавриненко. Интерес как категория исторического материализма, стр. 66.

² Там же, стр. 65.

³ См.: Г. В. Мальцев. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан, стр. 20. Такое словоупотребление имеет место и в философской литературе ГДР (см.: А. С. Айзикович. Важная социологическая проблема, стр. 166).

В философской литературе интересы классифицируются по признаку носителя интереса, сферы и времени действия интереса.

По первому признаку интересы могут быть разделены на индивидуальные (личные), носителем которого является индивид, отдельная личность; групповые, носителем которых являются любые группы или общности; общественные, то есть интересы развития всего общества. Перечисленные интересы взаимопроникают друг друга как отдельное, особенное и общее¹.

Общественные интересы не всегда выступают как общие интересы. В антагонистическом обществе общественные интересы выражает прогрессивный класс. В социалистическом — они представляют собой общие интересы, то есть интересы всех членов общества, так как интересы развития социалистического общества одновременно выражают и интересы развития личности².

По сфере действия интересы могут быть разделены на материальные (экономические), политические и духовные. Материальные — это интересы производства, обмена и распределения. Политические — интересы государственной власти. Духовные — связаны с духовными ценностями, продуктами духовного творчества. Это интересы науки, искусства, нравственности³.

Особо должно выделить правовой интерес. Он не может быть поглощен политическим интересом, ибо сфера действия политических и правовых интересов различна, различны и способы их удовлетворения.

Сфера действия интереса предопределяет средства его удовлетворения. Экономические интересы удовлетворяются материальными (экономическими) средствами, духовные — духовными средствами и т. п. К правовым относятся такие интересы, которые удовлетворяются правовыми средствами. Многие материальные, духовные и другие интересы опосредствуются правовым интересом.

Как личные, так и групповые интересы могут быть классифицированы по времени действия. Они могут быть разделены на коренные и частные, длительные и временные, отдаленные и бли-

¹ См.: А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории, стр. 31; А. С. Айзикович. Важная социологическая проблема, стр. 169.

² См.: Г. Глезерман. Интерес как социологическая категория, стр. 22; М. Петросян. Социалистическое общество и личность — «Коммунист», 1966, № 3, стр. 63.

³ См.: А. Г. Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории, стр. 32—35.

жайшие¹. Подобная классификация особенно важна для правовой науки, так как дает ключ к уяснению причин совершения людьми действий, противоречащих их интересам.

Люди прежде всего осознают свои ближайшие интересы, с которыми встречаются в повседневной жизни. Данные интересы могут быть осознаны в рамках обыденного сознания, тогда как познание коренных интересов требует известной теоретической мысли². Побуждаемые к действиям своими ближайшими интересами, люди могут совершать правонарушения, корыстные и некоторые другие преступления. Поэтому нет никакой необходимости для объяснения причин совершения корыстных преступлений признавать интересы только сознательным побуждением, неправильно отражающим реальную действительность, как это делает В. П. Грибанов³. Лицо может руководствоваться правильно осознанными ближайшими интересами, вопреки своим коренным интересам, связанным с интересами развития всего социалистического общества⁴.

Конечно, действия, противоречащие интересам лица, могут быть и результатом неправильного осознания субъектом своих интересов. Подобное объяснение поступков лиц в некоторых случаях возможно, но за правило принять его нельзя. Не следует забывать, что процесс реализации интереса его носителем зависит не только от осознания интереса, но и от индивидуальных качеств субъекта — воли, дисциплинированности и других психических черт, социальной установки личности⁵. Вследствие этого однотипный интерес, будучи осознанным различными лицами, выступает как побудительная сила различной величины, а в некоторых случаях вообще нейтрализуется. Механизм этой трансформации в сознании может быть раскрыт только психологами.

Поэтому, как правило, люди действуют вопреки своим интересам (правильнее сказать — вопреки своим коренным интересам) не потому, что ими неправильно осознан интерес, а в целях удовлетворения ближайших, временных интересов⁶.

Наиболее сложным и противоречивым является соотношение личных, групповых и общественных интересов.

Преимущества социалистического строя выражаются в том, что интересы общественного прогресса выступают в форме общественного интереса. На этой основе возникает необходимость и

возможность «органического сочетания и объединения личных, коллективных и общенародных интересов во всех областях общественной жизни и прежде всего в сфере производства и экономики»¹. Однако это не означает, что не может возникнуть разности интересов, их противоречие. Разность социального положения социальных групп определяет и разность специфических интересов рабочего класса, крестьянства и интеллигенции².

Единство коренных личных и общественных интересов не исключает возможности противоречия между личными и общественными интересами. Это положение имеет существенное значение для правовой науки в тех случаях, когда приходится решать вопрос о конкуренции интересов, что имеет место в гражданском праве.

Г. М. Гак различает понятия «интерес личности» и «личный интерес». Личный интерес, по его мнению, это то, что необходимо данному индивиду для его личного утверждения и развития. Интерес личности шире личного интереса, так как его содержание составляют как личные, так и общественные интересы. Стимулом к деятельности может быть не только личный, но и общественный интерес, воспринимаемый лицом как свой интерес³. К такому выводу приходит и Г. Глезерман. Исходя из того, что интересы класса, нации и т. д. выступают для индивида как его собственные интересы, поскольку он является членом этих форм общностей, Г. Глезерман относит их к личным интересам, но отличает от непосредственно личных⁴. Следовательно, Г. М. Гак и Г. Глезерман среди интересов личности (личных интересов) различают интересы непосредственно личные (то, что непосредственно необходимо личности) и иные личные интересы, в основе которых лежит общественный интерес.

Взаимосвязь личного и общественного интересов так велика, что отдельные философы, напротив, предлагают и личный интерес включить в общественный. Так, А. С. Айзикович отмечает, что «употребление термина «общественные интересы» целесообразно именно в собирательном смысле для подчеркивания социальной природы и социальной детерминированности всех возникающих у людей, как социальных существ, потребностей и нужд. В этом смысле и личные (индивидуальные) интересы тоже разновидность общественных. Однако в нашей литературе сложилась традиция обозначать под общественными интересами при социализ-

¹ См.: Г. Глезерман. Интерес как социологическая категория, стр. 20.

² Там же.

³ См.: В. П. Грибанов. Интерес в гражданском праве. — «Советское государство и право», 1967, № 1, стр. 51.

⁴ См.: А. В. Кузнецов. Уголовноправовая охрана интересов личности в СССР, стр. 31.

⁵ См.: Л. П. Буева. Социальная среда и сознание личности. Изд-во Московского университета, 1968, стр. 98.

⁶ См.: Г. Глезерман. Интерес как социологическая категория, стр. 21.

¹ А. С. Айзикович. Важная социологическая проблема, стр. 169.

² См.: Г. Глезерман. Интерес как социологическая категория, стр. 25—26; М. Петросян. Социалистическое общество и личность. — «Коммунист», 1966, № 3, стр. 63.

³ См.: Г. М. Гак. Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме, стр. 20.

⁴ См.: Г. Глезерман. Экономические отношения и интересы людей при социализме, стр. 45.

ме интересы общества в целом, и поэтому анализ соотношения интересов общества и интересов личности при социализме трактуется как проблема «соотношения общественных и личных интересов»¹.

Однако с точки зрения гражданского процессуального права деление интересов на общественные и личные с несколько возможно точной конкретизацией очень важно для решения комплекса вопросов, связанных с процессуальным положением участвующих в деле лиц.

Итак, интерес как социологическая категория — это объективно существующая социальная потребность, обусловленная положением личности (или общности) в обществе и направленная на создание необходимых социальных условий, способствующих самоутверждению и дальнейшему развитию личности (или общности). Будучи осознанным, интерес выступает как стимул к деятельности.

ОХРАНЯЕМЫЙ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕС КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

§ 1.

ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ ИНТЕРЕСА СУБЪЕКТИВНЫМ ПРАВОМ КАК ФОРМА ОХРАНЫ ИНТЕРЕСА

Одним из способов удовлетворения общественных и личных интересов является их правовая охрана. «Социалистическое государство поставлено на службу интересам личности и в силу своего социального назначения призвано во имя этих интересов посредством права регулировать общественную деятельность людей, т. е. предоставлять им права и возлагать на них обязанности, допускать одни действия и запрещать другие, некоторых членов общества поощрять, других — наказывать, принуждать к известным действиям и т. д.»¹.

Правовое регулирование определяется потребностями развития социалистического общества и служит удовлетворению этих потребностей своими специфическими, правовыми средствами.

Регулирующее воздействие правовые нормы оказывают еще до возникновения правоотношения. Граждане и социалистические организации соблюдают свои действия с предписаниями правовых норм. Наиболее мощное регулирующее воздействие правовые нормы все же проявляют в возникающих правоотношениях.

Правоотношение — важнейшая форма реализации норм права. Оно представляет собой определенную связь между лицами, в силу которой одно лицо обладает определенными субъективными правами, а другое несет обязанности. Субъективные права дают возможность их обладателю совершать в рамках закона определенные действия, пользоваться определенными социальными благами, требовать соответствующего поведения от других лиц и обращаться в случаях необходимости за защитой к органам государства².

Субъективное право гарантирует создание необходимых социальных (правовых) условий для удовлетворения интересов управомоченного лица. Иными словами, субъективное право служит

¹ Г. В. Мальцев. Социалистическое право и свобода личности М., «Юридическая литература», 1966, стр. 28—29.

² См.: Н. И. Матузов. Субъективные права граждан СССР. Изд-во Саратовского университета, 1966, стр. 46.

¹ А. С. Айзикович, Важная социологическая проблема, стр. 169.

охране интереса, а интерес, охраняемый субъективным правом, есть охраняемый законом интерес¹. Любое субъективное право служит охране не только личных, но и общественных интересов, так как во всяком субъективном праве и на любой стадии его осуществления найдут выражение сочетание общественных и личных интересов².

Неверно утверждение, будто бы «субъективное право нельзя связывать с каким-либо определенным интересом, так как оно по своей природе способно обеспечивать удовлетворение разнообразных интересов управомоченного лица»³. Законодатель, издавая ту или иную норму права, всегда имеет в виду охрану определенных интересов⁴. Сущность субъективного права раскрывается через формулу: право на что⁵.

Так, договор розничной купли-продажи имеет своей целью удовлетворение личных потребностей. В этих пределах возможны различные варианты. Гражданин может приобрести товар как в целях личного пользования, так и с целью преподнесения приобретенной вещи кому-нибудь в дар. Закон допускает совершение подобных сделок. Приобретение же товаров в целях спекуляции закон запрещает, так как подобный интерес выходит за рамки охраняемого законом.

Неразрывная связь субъективного права и интереса не свидетельствует о том, что интерес (личный или общественный) входит в содержание субъективного права⁶. Этого нет не потому, что советское законодательство не требует для осуществления и защиты субъективного права доказательств не только наличия права, но и интереса⁷. Наличие интереса может презюмироваться и

¹ См.: С. С. Алексеев. Социальная ценность социалистического права как регулятора общественных отношений. — «Советское государство и право», 1968, № 3, стр. 17; Ю. Завьялов. Личность, интересы, право. — «Советская юстиция», 1967, № 15, стр. 6.

² См.: В. П. Грибанов. Интерес в гражданском праве. — «Советское государство и право», 1967, № 1, стр. 54.

³ Там же, стр. 55.

⁴ См.: В. А. Тархов. Некоторые вопросы охраны имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству. — Ученые труды Саратовского юридического института им. Д. И. Курского, выпуск II. Саратов, 1965, стр. 89; Гражданско-правовая охрана интересов личности. М., «Юридическая литература», 1969, стр. 23.

⁵ См.: С. С. Алексеев. Об объекте права и правоотношения. — «Вопросы общей теории советского права». М., 1960, стр. 289; Н. И. Матузов. Субъективные права граждан СССР. Изд-во Саратовского университета, 1966, стр. 39.

⁶ См.: А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М., Изд-во АН СССР, 1948, стр. 38; Ю. К. Толстой. Понятие права собственности. — «Проблемы гражданского и административного права». Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 193.

⁷ См.: В. А. Тархов. Некоторые вопросы охраны имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству. — Ученые труды Саратовского юридического института им. Д. И. Курского, выпуск II. Саратов, 1965, стр. 87.

лишь в случае оспаривания подлежать доказыванию. Интерес не входит в содержание права потому, что не является правовой категорией. Интерес — социальное явление, охране которого служит субъективное право, представляющее собой специфическую форму реализации интереса.

§ 2.

ОХРАНА ИНТЕРЕСОВ, НЕ ОПОСРЕДСТВОВАННЫХ СУБЪЕКТИВНЫМИ МАТЕРИАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ

Субъективное материальное право не является единственной формой охраны интереса. В связи с большим разнообразием интересов реализация их гарантируется социалистическим государством не только с помощью опосредствования субъективными материальными правами, но и непосредственной охраной интересов соответствующими государственными органами, минуя предоставление носителю интереса субъективных материальных прав¹. Поэтому ст. 3 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик предусматривает, что предметом судебной защиты являются не только субъективные права, но и охраняемые законом интересы.

В различных отраслях права существует различное соотношение между охраной интересов опосредствованием субъективными материальными правами и непосредственной охраной интересов. Административное, уголовное право, например, предоставляют больший простор для непосредственной охраны интересов, чем гражданское право, где почти все типические интересы опосредствованы субъективными правами².

Однако и в области, регулируемой гражданским правом, имеет место непосредственная охрана интереса соответствующими правоохранительными органами.

Иногда закон содержит прямое указание на это. В соответствии со ст. 514 ГК РСФСР подлежат охране интересы гражданина, изображенного в произведениях изобразительного искусства³. В других случаях прямых указаний нет, но к подобному выводу можно прийти из анализа нормы права. В частности, сказанное

¹ См.: Г. В. Мальцев. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан. — «Советское государство и право», 1965, № 10, стр. 25; М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия. — Труды ВЮЗИ, т. III. Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. М., ВЮЗИ, 1965, стр. 86.

² См.: Г. В. Мальцев. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан, стр. 26.

³ См.: Д. М. Чечот. Субъективное право и формы его защиты, 1968, стр. 41.

относится к ст. 7 ГК РСФСР, предоставляющей гражданам и организациям право требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности. В ст. 7 ГК РСФСР нет прямых указаний на то, что речь идет об охране интереса. Однако, как совершенно правильно указывает Д. М. Чечот, в данном случае имеется в виду защита интересов, а не субъективных прав. Субъективное право предполагает корреспондирующую ему обязанность других лиц. Но пока честь и достоинство лица не нарушены, оно не имеет права совершать какие-либо действия либо требовать совершения их от других лиц¹.

Охрана интересов, но не защита субъективного материального права осуществляется судом, когда предъявляются иски в защиту чести и достоинства умершего лица². В данном случае речь идет о защите интересов лица, заявившего иск, ибо со смертью лица прекращается его правоспособность и не может быть речи о защите субъективных прав умершего. Исключается и защита интересов умершего, так как интересы — это социальные потребности, а у умерших никаких (ни социальных, ни иных) потребностей быть не может.

С подобным явлением приходится встречаться при применении ст. 499 ГК РСФСР, предусматривающей право наследников требовать защиты неприкосновенности произведения или других личных неимущественных прав автора. В этих случаях истцы не требуют защиты своего права, так как право на имя, на неприкосновенность произведения им не принадлежит. Они полномочны лишь на обращение в суд, что представляет собой одну из форм охраны законом интересов, не опосредствованных субъективными материальными правами. Предметом судебной защиты выступает личный интерес заявителя.

Из изложенного вытекает общий вывод, что предметом судебной защиты выступают интересы заявителя (истца) в тех случаях, когда им заявлен иск в целях восстановления справедливости, против искажения личных достоинств, достижений и чести умерших лиц.

Требует некоторого уточнения вопрос о характере интереса, являющегося предметом судебной защиты в перечисленных случаях. Бесспорно, что носителем интереса выступает лицо, заявившее иск. Предметом судебной защиты выступает личный интерес,

¹ См.: Д. М. Чечот. Субъективное право и формы его защиты, стр. 41—42. В связи с этим нельзя согласиться с отнесением чести и достоинства как правовых категорий к субъективным гражданским правам. (См.: Л. Н. Рафиева. Честь и достоинство как правовые категории. — «Правоведение», 1966, № 2, стр. 64; Гражданскоправовая охрана интересов личности. М., «Юридическая литература», 1969, стр. 58 и след.)

² См.: Г. В. Мальцев. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан, стр. 26.

либо судебное решение удовлетворяет личные духовные потребности (потребность в справедливости). Но в основе личного интереса лежит общественный: личный и общественный интерес как бы проникают друг друга.

Подобными случаями не исчерпывается возможность непосредственной защиты интересов в советском гражданском праве. В ходе развития общества возникают отношения, не урегулированные нормами права, возникают социально значимые интересы, охрана которых нормами права не предусмотрена и для обеспечения которых заинтересованное лицо не облечено соответствующим субъективным правом¹. Судам приходится решать дела, исходя из общих начал гражданского законодательства. Применяя право по аналогии, суд защищает интерес, не опосредствованный субъективным материальным правом.

В общей теории права признано, что во всех случаях применения права по аналогии, то есть решения спорного вопроса на основании общих начал и смысла гражданского законодательства, имеет место не установление, а применение права². Нет установления нормы права по той простой причине, что решение суда распространяется только на те отношения, которые были предметом судебного разбирательства. Однако само применение права в данном случае имеет существенные особенности.

Разрешая гражданскоправовой спор, суд, как правило, ограничивается установлением наличия у истца субъективного материального права и оказывает ему защиту. Суд не устанавливает наличие у лица интереса, не оценивает этот интерес с государственных и общественных позиций. Такая оценка дана в нормах права, регулирующих данный вид отношений.

Иначе обстоит дело при применении права по аналогии. В этих случаях ограничиться установлением принадлежности лицу субъективного права суд не может, так как не может подвести интерес лица ни под одну норму права по той причине, что такой нормы права нет вообще. Законодатель не имел суждения по данному типическому интересу. Однако, учитывая, что такие интересы могут возникнуть, законодатель устанавливает общее правило, общую норму права о том, что гражданские права и обязанности возникают также из действий граждан и организаций, которые хотя и не предусмотрены законом, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают права и обязанности (ч. 1 ст. 4 Основ гражданского законодательства). Приведен-

¹ См.: О. А. Красавчиков. Характерные особенности правового регулирования недействительности сделок по новому гражданскому законодательству. — «Советское государство и право», 1965, № 10, стр. 40—41; К. И. Комиссаров. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе. — «Советское государство и право», 1969, № 4, стр. 55.

² См.: П. Е. Недбайло. Применение советских правовых норм. М., Госюриздат, 1960, стр. 468.

ное правило, слагаемое из двух взаимосвязанных суждений: дозволено не только то, что прямо предусмотрено законом; не все, прямо не запрещенное законом, признается дозволенным¹, — нельзя оценить иначе, как охрану интересов, не опосредствованных субъективными материальными правами.

Обратимся к обязательствам, возникающим вследствие спасения социалистического имущества. До принятия Основ гражданского законодательства, предусматривавших возникновение такого обязательства, подобной нормы права не было. Несмотря на это, суды признавали существование такого обязательства и оказывали защиту интересу². При этом суды исходили из общих начал гражданского законодательства, давали оценку интересу с общественных и государственных позиций. Если признать, что до принятия Основ гражданского законодательства в данном случае речь шла о защите интересов, опосредствованных субъективными правами, то совершенно стираются грани между интересами, опосредствованными субъективными правами и не имеющими такового опосредствования. Очевидно, что такое суждение неправильно. Гражданское право пополнилось новой нормой, охраняющей интересы советских граждан. Благодаря этой норме интересы граждан, спасающих социалистическое имущество, опосредствуются субъективными правами, установление которых судом достаточно для защиты интереса.

Можно привести и другой аргумент в пользу сказанного. Применяя право по аналогии, суд конструирует правило, используемое им для разрешения спора, исходя из определенных принципов права³. Однако принципы права — общие положения, их конкретизация производится применительно к отдельным общественным отношениям. Конкретная норма права может не совпадать с общим принципом. Такая аномалия ликвидируется приведением нормы права в соответствие с общим принципом. Однако норма права, не согласующаяся с принципом права, пока она не отменена, может служить предпосылкой возникновения субъективного материального права, подлежащего судебной защите.

Применяя право по аналогии, суд исходит из общих принципов, и, следовательно, его суждение не может противоречить им. Защищая интерес, суд обязан всесторонне обсудить его с государственных и общественных позиций, то есть, по существу, сделать то же, что и законодатель при установлении нормы права. Поэтому при применении права по аналогии недостаточно лишь

¹ См.: Гражданскоправовая охрана интересов личности. М., «Юридическая литература», 1969, стр. 5.

² См.: В. П. Грибанов. Интерес в гражданском праве. — «Советское государство и право», 1967, № 1, стр. 54.

³ См.: П. Е. Недебайло. Применение советских правовых норм. М., Госюриздат, 1960, стр. 468.

исходить из общих начал, общих принципов, необходимо суждение об особенностях их применения к данному конкретному случаю¹. Если не принять во внимание сказанное, то окажется непонятным, почему суды применяли право по аналогии при решении вопроса о возмещении вреда, причиненного при спасении социалистического имущества, и почему не применяли право по аналогии, разрешая вопросы о возмещении вреда, причиненного при спасении граждан; почему в настоящее время есть норма права, регулирующая первый вид ответственности, и нет нормы права, регулирующей второй вид ответственности, хотя в гражданско-правовой литературе и периодической печати были и есть суждения о необходимости предусмотреть и второй вид ответственности².

Поэтому следует признать, что при применении права по аналогии имеет место непосредственная охрана интереса, предметом судебной защиты выступает охраняемый законом интерес.

В связи с изложенным нельзя не отметить различие в подходе к охране и защите интересов в гражданском и гражданском процессуальном праве.

В гражданском праве явно видна тенденция к признанию характера субъективного права за всеми общественными отношениями и благами, подлежащими судебной защите, хотя бы эти отношения не подпадали под устоявшиеся конструкции, как, например, аналогия права и т. д.

Гражданское процессуальное право, помимо защиты субъективных материальных прав, акцентирует внимание и на защите законных интересов, в связи с чем отпадает необходимость подведения любого подлежащего защите интереса под категорию субъективного права. Иными словами, гражданское процессуальное право признает, что не все подлежащее защите есть субъективное материальное право, в то время как гражданское право склоняется именно к такой конструкции. Поэтому гражданское право, признавая, по существу, непосредственную охрану (защиту) интереса, конструирует это положение как возникновение прав и обязанностей.

Рассмотрим подробнее вопрос об охраняемом законом интересе как предмете судебной защиты применительно к отдельным видам гражданского судопроизводства и отдельным участвующим в деле лицам.

¹ См.: К. И. Комиссаров. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе. — «Советское государство и право», 1969, № 4, стр. 55.

² См., например: П. Ставиский. Подвиг и закон. — «Известия», 1969, № 4, (16009), 5 января; С. В. Поленина. Аналогия в гражданском праве. — «Советское государство и право», 1969, № 5, стр. 36.

§ 3.
ОХРАНЯЕМЫЙ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕС
КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ
В ДЕЛАХ ИСКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

В связи с тем что в гражданском и других отраслях материального права, как правило, интересы опосредствуются субъективными правами, предметом судебной защиты в делах искового производства выступает субъективное материальное право. Это положение в теории гражданского процессуального права никем не оспаривается применительно к искам о присуждении.

Спорным является вопрос о предмете судебной защиты в исках о признании. Нет ясности и в вопросе о том, что является предметом судебной защиты в тех случаях, когда иск заявлен в интересах других лиц.

Известны два вида исков о признании: положительный и отрицательный.

В положительных исках о признании истец требует признания за ним субъективного материального права, которое оспаривается должником (ответчиком) или же нарушено им. Оспаривание прав истца выражается в том, что ответчик не согласует свои действия с правами истца, что в конечном итоге может привести к нарушению права в будущем¹. Но в исках о признании может стоять вопрос и о восстановлении нарушенного права. Таковы иски о признании авторства, присвоенного другим лицом².

В отрицательных исках о признании истец требует установления отсутствия правоотношения, отсутствия его обязанности в спорном правоотношении.

По мнению А. А. Добровольского, во всех исках о признании независимо от характера этих исков предметом судебной защиты является субъективное право³. Противоположного взгляда придерживается М. А. Гурвич, полагающий, что в исках о признании предметом судебной защиты выступает не субъективное право, а интерес в определенности права⁴.

Ни первое, ни второе мнение не может быть признано безусловно правильным. Вопрос должен быть решен отдельно для положительного и отрицательного исков.

В отрицательных исках о признании предметом судебной за-

¹ См.: А. Ф. Клейнман. Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессуальном праве. М., Изд-во Высшей школы МВД СССР, 1959, стр. 7.

² См.: А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права. Изд-во Московского университета, 1965, стр. 169.

³ См.: А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права, стр. 161.

⁴ См.: М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 83.

щиты выступает не субъективное право истца, а охраняемый законом интерес.

В литературе по гражданскому процессуальному праву обычно не раскрывают содержания интереса, а исходят из того, что все подлежащее судебной защите и не носящее характера субъективного материального права есть интерес. Такое негативное определение интереса, в общем, соответствует действительному положению вещей (предметом судебной защиты всегда выступает либо право, либо интерес), с одной лишь поправкой, что и в случае защиты субъективного права в конечном итоге речь идет о защите интереса. Поэтому нельзя признать обоснованной озабоченность А. А. Добровольского тем, что если считать целью исков о признании не защиту права, а защиту интереса, то снижается значение этих исков¹.

Интерес истца в исках о признании отсутствия правоотношения заключается в общем плане в создании необходимых внешних условий (определенных общественных связей) и ликвидации всяких препятствий, ограничивающих его права и свободу. Например, неправильная запись лица отцом ребенка в книге записей актов гражданского состояния незаконно ограждает его свободу, возлагает на него определенные обязанности. У лица возникает интерес в освобождении от обязанностей. Данный интерес и выступает предметом судебной защиты.

Конечно, эти интересы тесно связаны с правом. В конечном итоге и в данном случае речь идет о защите прав и свобод в широком смысле слова, ибо суд имеет дело с правовыми категориями. Решение суда может воздействовать только на правоотношения. Однако это не дает повода к отождествлению понятия охраняемого законом интереса с субъективным материальным правом. Вне понятия прав и свобод в широком смысле слова субъективные права и охраняемые законом интересы представляют собой различные правовые категории, и не различать их нельзя.

Интерес в исках о признании отсутствия правоотношения по своему содержанию отличается от интереса, служащего предметом судебной защиты при применении права по аналогии. В последнем случае социально значимый интерес истца не опосредствуется субъективным материальным правом в связи с тем, что объективное право не содержит правовой нормы, регулирующей охрану данного интереса, хотя это и вполне возможно. Иначе обстоит дело с содержанием интереса истца в исках о признании отсутствия правоотношения. Данный интерес вообще не может быть опосредствован субъективным материальным правом, ибо это интерес признания отсутствия обязанности. Отсутствие обя-

¹ См.: А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права, стр. 161.

зависности не равнозначно наличию права, поэтому у заинтересованного лица имеется лишь одна из трех возможностей, составляющих содержание субъективного материального права, — правомочие на обращение за судебной защитой. Указанное полномочие свидетельствует только о том, что данный интерес подлежит судебной защите, то есть является интересом, охраняемым законом.

В положительных исках о признании предметом судебной защиты служит субъективное материальное право истца. Однако характер защиты субъективного права в исках о признании и в исках о присуждении различен.

В исках о присуждении ответчик обязывается к совершению определенных действий. В положительных исках о признании речь идет не о понуждении должника к совершению определенных действий, а об установлении принадлежности права истцу, о ликвидации спорности права, которая достигается вынесением судебного решения или же решения иного органа, уполномоченного на защиту субъективных прав¹. Однако этого недостаточно для вывода, что решением по положительному иску о признании защита оказывается не субъективному праву, а материальноправовому интересу. М. А. Гурвич указывает, что не существует «материального субъективного права на определенность права, но существует материальноправовой (то есть относящийся к сфере пользования материальными правами) интерес, охраняемый нормой процессуального права в форме исковой защиты; существует и процессуальное субъективное право заинтересованного лица на обращение в суд за такой защитой»².

С этим согласиться трудно потому, что исками о признании защищаются не только оспариваемые, но и нарушенные права. Так, если предъявлен иск о признании авторства на произведение, присвоенное другим лицом, нельзя говорить о том, что право было лишь оспорено, а поэтому у истца имеется лишь интерес в определенности права. В данном случае налично нарушение личного неимущественного права, и восстановление его производится при помощи иска о признании³. Решением по данному иску будет признано наличие спорного права у истца и отсутствие его у ответчика. Таким образом, в этом случае иск о признании выступает как иск о восстановлении нарушенного права, и речь идет о защите субъективного права, но не интереса в определенности права.

Нельзя считать интерес в определенности права предметом су-

¹ См.: М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 89.

² Там же.

³ См.: А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права, стр. 159.

дебной защиты и в тех случаях, когда речь идет о защите оспариваемого права. Субъективное право служит охране интереса. Все формы защиты права в конечном итоге являются формами защиты интересов. Однако если защита интересов осуществляется посредством защиты субъективного права, то в этом случае говорят о защите права, но не интереса. Поэтому в указанных исках предметом судебной защиты выступает субъективное материальное право истца, что полностью согласуется со ст. 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, рассматривающей признание права как одну из форм его защиты.

В делах искового производства непременно участвующими в деле лицами выступают истец и ответчик. До настоящего времени мы анализировали деятельность суда в рамках защиты права или интереса истца, обращающегося в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса. Однако истец и ответчик — равноправные субъекты процесса. Суд в равной мере защищает как права и охраняемые законом интересы истца, так и ответчика.

Как уже было отмечено, рассматривая иски о признании, суд оказывает защиту либо субъективному праву истца, либо охраняемому законом интересу. Необходимость изучения и расчленения этих правовых категорий в отношении истца определяется содержанием ст. 5 Основ гражданского судопроизводства, где сказано, что всякое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса. Из текста ст. 5 вытекает, что она в первую очередь имеет в виду лиц, обращающихся в суд за судебной защитой (истцов). Ответчик к участию в деле привлекается. Поэтому к вступлению в процесс ответчика ст. 5 Основ гражданского судопроизводства отношения не имеет. Но это не означает, что суд в процессе защищает только субъективное право истца. В равной мере он защищает и субъективные права ответчика, и его охраняемые законом интересы.

В исках о признании на рассмотрении суда находится спор о существовании правоотношения. В правоотношении всегда имеются две стороны: управомоченная и обязанная. Управомоченная — носитель субъективного права, обязанная — носитель обязанности. Если заявляется отрицательный иск о признании, то истец занимает в предпологаемом спорном материальном правоотношении положение обязанного, а ответчик — управомоченного лица. Соответственно с этим суд оказывает защиту охраняемому законом интересу истца и субъективному праву ответчика. Если иск удовлетворяется — защищается охраняемый законом интерес истца. В случае отказа в иске защищается субъективное материальное право ответчика. Если предъявляется положительный иск о признании, предметом судебной защиты выступают субъектив-

ное право истца и охраняемый законом интерес ответчика. Соответственно с этим в случае удовлетворения иска будет оказана защита субъективному праву истца, в противном случае — охраняемому законом интересу ответчика.

То обстоятельство, что при рассмотрении судом исков о признании обязательно речь должна идти о защите субъективного права либо истца, либо ответчика, не дает еще повода считать, что во всех исках о признании речь идет о защите субъективного материального права. В соответствии со ст. 5 Основ гражданского судопроизводства за основу нужно взять объект правовой (судебной) защиты заявителя иска, а таким объектом может быть как субъективное материальное право, подлежащее защите, так и охраняемый законом материальный интерес.

В отличие от исков о признании в исках о присуждении не может идти речи о защите субъективного материального права ответчика. В исках о присуждении положение истца занимает предполагаемый носитель субъективного права, а положение ответчика — предположительный носитель обязанности. Поэтому в исках о присуждении предметом судебной защиты всегда выступает охраняемый законом интерес ответчика. В отношении истца, как правило, говорят о защите субъективного материального права и лишь в исключительных случаях — о защите охраняемого законом интереса.

Кроме истца и ответчика, в исковом производстве принимают участие и другие заинтересованные лица: прокурор, третьи лица, органы государственного управления, профсоюзы, государственные учреждения, предприятия, колхозы и иные кооперативные и общественные организации или отдельные граждане, выступающие в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц. В процессе принимают участие и представители общественности.

Участвующих в процессе лиц в целях определения предмета судебной защиты можно разбить на следующие группы:

первая — лица, выступающие с целью защиты своих интересов (третьи лица);

вторая — лица, заявляющие иски в защиту интересов других лиц (п. 3 ст. 6 Основ гражданского судопроизводства);

третья — лица, вступающие в процесс с целью дачи заключения (ч. 2 ст. 30 Основ гражданского судопроизводства).

В связи с тем что третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, пользуются всеми правами и несут все обязанности истца (ч. 1 ст. 27 Основ гражданского судопроизводства), вопрос о предмете судебной защиты специального рассмотрения не требует. Он решается так же, как и для истцов: предметом судебной защиты может быть субъективное право или охраняемый законом интерес.

Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на

предмет спора, могут вступить в дело на сторону истца или ответчика, если решение по делу может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон (ч. 2 ст. 27 Основ гражданского судопроизводства). Суд не разрешает спора между стороной и третьим лицом, вследствие чего исключается возможность защиты субъективного права третьего лица. Предметом судебной защиты служит его интерес в таком разрешении спора, при котором впоследствии не были бы нарушены его права и не возникли бы обязанности относительно одной из сторон¹. Этот интерес носит материально-правовой характер².

В тех случаях, когда иск предъявляется в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц, предметом судебной защиты выступает право или же охраняемый законом интерес лиц, в защиту которых был предъявлен иск.

Однако нельзя отрицать и того обстоятельства, что наряду с правами и охраняемыми законом интересами сторон, предметом судебной защиты выступают и интересы заявителей³.

Предъявляя иски в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц, заявители действуют в общественных, государственных интересах. Государство, общество заинтересовано в том, чтобы установленные государством законы исполнялись, чтобы управомоченные лица осуществляли предоставленные им субъективные права, а обязанные лица — обязанности, чтобы строго соблюдалась социалистическая законность. Этот интерес конкретизируется в интересе прокуратуры, осуществляющей надзор за точным исполнением законов всеми гражданами и должностными лицами. Он конкретизируется и в деятельности органов государственного управления, профсоюзов, государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций или отдельных граждан, выступающих в защиту прав и интересов других лиц. Поэтому, предъявляя иски в защиту прав других лиц, заявители требуют одновременно и защиты общественного интереса, трансформировавшегося в их собственный интерес, то есть защиты своего интереса, интереса в беспрепятственном осуществлении другими лицами своих прав. Поэтому их интерес выступает также предметом судебной защиты⁴.

¹ См.: М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 83; Д. М. Чечот. Субъективное право и формы его защиты, стр. 41; Д. Р. Джалилов. Лица, участвующие в гражданских делах искового производства. Душанбе, «Ирфон», 1965, стр. 24.

² Нельзя согласиться с мнением А. А. Мельникова, что у третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, нет материально-правового интереса к процессу (см.: А. А. Мельников. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., «Наука», 1969, стр. 125).

³ См.: Г. В. Мальцев. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан, стр. 25.

⁴ В связи с этим вызывает возражения такое определение субъективно-

Следует признать, что предметом судебной защиты является интерес прокуратуры и органов государственного управления и в том случае, когда они вступают в процесс (или привлекаются к участию в деле) с целью дачи заключения. И в этом случае речь идет об охране общественного интереса, трансформировавшегося в интерес данного лица, принимающего участие в гражданском процессе.

Высказанные выше соображения о том, что предметом судебной защиты выступает интерес заявителей, когда они предъявляют иски в защиту прав других лиц, не дают основания к тому, чтобы отнести их к истцам. Заявители участниками спорного правоотношения не являются, а поэтому не могут считаться истцами.

Иначе складываются обстоятельства, когда лица предъявляют иски в защиту общественных интересов, не сопутствующих защите субъективных прав других лиц. Такое положение, например, складывается в случае предъявления иска в защиту чести и достоинства умершего лица. В этом случае предметом судебной защиты выступает личный интерес управомоченного на обращение в суд лица. Аналогичные последствия наступают при предъявлении прокурором иска о признании сделки недействительной, если он не предъявляется в интересах лиц, совершивших сделку. Обращение прокурора в суд имеет своей целью не защиту прав или охраняемых законом интересов участников данной сделки, а только защиту общественного, государственного интереса в том, чтобы не совершались противозаконные сделки. Этот интерес конкретизирован в интересе прокуратуры, осуществляющей надзор за соблюдением социалистической законности.

В связи с тем что в приведенных выше примерах предметом судебной защиты выступает непосредственно общественный интерес, конкретизированный в интересе государственного органа, последнего следует считать истцом, хотя бы потому, что ему в полной мере принадлежит право распоряжения как движением гражданского процесса, так и процессуальными средствами защиты. В подобной ситуации его процессуальные права не ограничены, как это имеет место при предъявлении иска в защиту прав других лиц, которым в этом случае принадлежат все процессуальные права в полном объеме¹.

Предметом судебной защиты выступает и интерес общественной организации, выделяющей представителя для участия в судебном разбирательстве (ст. 36 Основ гражданского судопроиз-

го гражданского процессуального права, когда его объектом рассматривается либо государственный и общественный, либо личный интерес (см.: А. А. Мельников. Субъективные права участников гражданского процесса. — «Советское государство и право», 1968, № 7, стр. 40).

¹ См. подробнее § 2 главы 5 настоящей работы.

водства). Это также общественный интерес, проявляющийся через групповой (коллективный) интерес данной общественной организации.

§ 4.

ОХРАНЯЕМЫЙ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕС КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ АДМИНИСТРАТИВНОПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений, включает производство по спорам, относящимся к сфере государственного, административного и финансового права. Так именуются эти отношения для отличия их от гражданскоправовых (в широком смысле).

На рассмотрении суда в этих случаях находится спор из административноправовых отношений. Особенность административноправовых отношений, дела по которым находятся на рассмотрении суда, заключается в том, что их возникновение основано не на взаимном соглашении сторон (договоре), а на властных действиях одной из сторон. Эти властные действия приводят к возникновению правоотношения, в котором управомоченным лицом всегда выступает соответствующий орган государственного управления, а обязанной стороной гражданин.

По своему содержанию административноправовое отношение ничем не отличается от гражданскоправового, ибо любое правоотношение по своему содержанию есть связь прав и обязанностей. Поэтому суд по своей природе способен разрешать споры, возникающие из административноправовых отношений. Разрешая споры, суд придает административному акту исполнительную силу (если на рассмотрение суда вопрос был поставлен органом управления) или лишает административноправовой акт этой силы (в случаях рассмотрения жалоб граждан на действия административных органов)¹.

Разрешение административноправового спора связано с решением вопроса о правомерности действия административного органа, действия, послужившего юридическим фактом, породившим данное правоотношение². Эта задача всегда стоит перед судом независимо от того, по чьей инициативе (гражданина или же органа государственного управления) возбуждается процесс. Поэтому во всех случаях в производстве по спорам, возникающим из административноправовых отношений, так же, как и в искомом производстве, разрешается правовой спор. Предметом

¹ См.: А. Т. Боннер. Судебный надзор за действиями органов управления и дела, возникающие из административноправовых отношений. — Труды ВЮЗИ, т. V. М., ВЮЗИ, 1966, стр. 161.

² Там же, стр. 178.

судебной защиты выступает либо субъективное право, либо охраняемый законом интерес лица, обращающегося в суд за судебной защитой.

В делах о взыскании с граждан недоимок по государственным и местным налогам и сборам, обязательному окладному страхованию заявителем выступает орган государственного управления, чьи властные действия послужили основанием возникновения обязанности у гражданина. В возникшем материальном правоотношении управомоченным лицом выступает орган государственного управления. Ему принадлежит субъективное право, которое служит охране общественного интереса, конкретизированного в интересах данного органа государственного управления. Поэтому орган государственного управления обращается в суд за защитой своего субъективного права, реализуемого действиями обязанного лица-гражданина, которое должно внести в доход государства соответствующий налог. Одновременно предметом судебной защиты выступает охраняемый законом интерес гражданина как обязанного лица в спорном правоотношении.

Иначе обстоит дело в производствах по жалобам на действия административных органов. В суд обращается гражданин, оспаривающий правильность действий административного органа, правомерность возложения на него определенных обязанностей, их вид или же размер. Возложение на лицо не предусмотренных законом обязанностей представляет собой нарушение интересов данного гражданина¹. Предметом судебной защиты выступает охраняемый законом интерес заявителя и одновременно субъективное право административного органа, наложившего соответствующую обязанность на заявителя.

Гражданские процессуальные кодексы союзных республик предоставляют право любому лицу, не согласному с решением исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся по его заявлению о неправильности в списках избирателей, в случаях, предусмотренных законом, подать на решение исполнительного комитета жалобу в суд по месту нахождения соответствующего избирательного участка (ст. 233 ГПК РСФСР). Заявителем по делу может выступать само лицо, не включенное в списки, а также лица, избирательных прав которых решение исполнительного комитета не коснулось.

В первом случае заявитель выступает в защиту субъективного избирательного права, нарушенного исполнительным комитетом местного Совета депутатов трудящихся. Во втором — предметом судебной защиты выступает субъективное избирательное право лица, не включенного в списки избирателей, а также интерес заявителя.

¹ См.: Г. В. Мальцев. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан, стр. 25.

§ 5.
**ОХРАНЯЕМЫЙ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕС
КАК ПРЕДМЕТ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ
В ДЕЛАХ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА**

Особое производство объединяет группу довольно разнообразных дел. Характеризуются они отсутствием спора о праве, подведомственного судебным органам. Если в течение процесса такой спор возникает, суд оставляет заявление без рассмотрения и разъясняет заинтересованным лицам, что они вправе предъявить иск на общих основаниях (ст. 246 ГПК РСФСР).

К особому производству отнесены дела: 1) об установлении фактов, имеющих юридическое значение; 2) о признании гражданина безвестно отсутствующим и об объявлении гражданина умершим; 3) о признании гражданина ограниченно дееспособным и недееспособным; 4) о признании имущества бесхозным; 5) об установлении неправильностей записей в книгах актов гражданского состояния; 6) по жалобам на действия нотариусов и органов, выполняющих нотариальные действия; 7) о восстановлении прав по утраченным документам на предъявителя (вызывное производство) (ст. 245 ГПК РСФСР).

Рассмотрим вопрос о предмете судебной защиты применительно к каждой из перечисленных категорий дел.

В делах об установлении фактов, имеющих юридическое значение, непосредственная защита субъективного материального права не осуществляется. Суд не признает наличия у заявителя субъективного материального права, не обязывает других лиц к совершению действий в интересах заявителя. Он ограничивается констатацией определенного факта, имеющего юридическое значение.

Исключение составляют дела об установлении факта владения строением на праве личной собственности. По правовым последствиям решения по этим делам не отличаются от решений по искам о признании права собственности на строение. Разница лишь в предмете судебного разбирательства. В искомом производстве на рассмотрении суда находится правоотношение собственности, оспариваемое конкретным лицом, в особом производстве — правоотношение собственности, поколебленное в своей основе отсутствием документальных данных, подтверждающих его. Решением суда субъективному праву придается характер бесспорности в обоих случаях. Однако отсутствие в последнем случае спора о праве лишает производство характера искового. Поэтому оно отнесено к особому производству.

Предметом судебной защиты в делах об установлении фактов, имеющих юридическое значение, служит интерес заявителя, носящий материальноправовой характер, но по своему содержанию несколько иной, чем интерес истца в искомом производстве, а так-

же интерес заявителя в делах, возникающих из административно-правовых отношений¹. В исковых делах, в делах, возникающих из административно-правовых отношений, защита судом интереса представляет собой конечную цель, равнозначную защите субъективного права. В делах особого производства защита интереса служит промежуточным звеном для осуществления или приобретения субъективного права. Установление правовых обстоятельств непосредственного материального преимущества лицу не дает. Оно лишь служит ступенью к удовлетворению материального интереса, ступенью, порожденной правовым регулированием.

В делах о признании гражданина безвестно отсутствующим и об объявлении гражданина умершим, о признании гражданина недееспособным и ограниченно дееспособным предметом судебной защиты служит интерес заявителя. Обращение в суд в этих случаях не преследует цель защиты субъективного материального права заявителя на признание лица недееспособным и т. д., ибо такое субъективное материальное право вообще существовать не может. У заявителя имеется интерес в установлении данного обстоятельства, который удовлетворяется постановлением судебного решения, подтверждающего наличие этого обстоятельства.

Кроме интереса заявителя, в делах о признании лица недееспособным и ограниченно дееспособным предметом судебной защиты служит интерес лица, чье правовое состояние определяется судом. Ограничивая порочную волю лица, суд действует в его интересе, способствует созданию необходимых ему социальных условий².

В делах о восстановлении прав по утраченным документам на предъявителя (вызывное производство) предметом судебной защиты также выступает интерес заявителей, который по своему содержанию аналогичен интересу заявителей в делах об установлении фактов, имеющих юридическое значение. Интерес удовлетворяется признанием утраченного документа недействительным.

Иначе должен быть решен вопрос о предмете судебной защиты в делах о признании имущества бесхозяйным. Если бы суд в этих делах ограничивался констатацией того факта, что имущество признается бесхозяйным, а вопрос о передаче имущества в собственность государства или колхоза решался другим органом, можно было признать, как это делает Д. М. Чечот, что речь идет

¹ По изложенным соображениям мы не можем согласиться с мнением И. Жеруолиса, что в делах особого производства предметом судебной защиты служит субъективное материальное право (см.: И. Жеруолис. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, «Минтис», 1969, стр. 180).

² Совершенно правильно недееспособность малолетних в юридической литературе рассматривается как одна из форм охраны интересов (см.: А. Белякова. Охрана прав несовершеннолетних. — «Советская юстиция», 1967, № 14, стр. 12).

о защите интереса, но не субъективного права¹. Но суд не ограничивается одной констатацией факта. Он одновременно решает вопрос о передаче имущества в собственность государства или колхоза, что свидетельствует о защите субъективного материального права, но не интереса в удостоверении определенных обстоятельств в целях последующего приобретения или осуществления прав.

Решение вопроса о предмете судебной защиты в делах по жалобам на действия нотариусов и органов, выполняющих нотариальные действия, и об установлении неправильностей записей актов гражданского состояния затруднено тем, что материальные интересы заявителей осложняются административным правоотношением между гражданином, с одной стороны, и нотариальным органом или органом загса, с другой.

Исходя из того, что в этих случаях граждане обращаются в суд за защитой своего административно-процессуального права, нарушенного одним из перечисленных органов, Д. М. Чечот полагает, что предметом судебной защиты является субъективное административно-процессуальное право гражданина, обратившегося в суд с жалобой на действия соответствующих органов. Поэтому, по его мнению, перечисленные дела должны быть изъяты из особого производства и перенесены в производство по делам, возникающим из административно-правовых отношений².

Оставляя в стороне вопрос о необходимости такой перестановки, так как он выходит за пределы настоящей работы, мы выразим лишь несогласие с мнением Д. М. Чечота о том, что предметом судебной защиты выступает субъективное административно-процессуальное право заинтересованного лица. На наш взгляд, осложнение административным процессуальным правоотношением материального интереса или субъективного права не препятствует ему быть предметом судебной защиты.

В связи с тем что деятельность органов нотариата и загса в большинстве случаев связана с удовлетворением законных интересов граждан, в перечисленных категориях дел предметом судебной защиты, как правило, выступает охраняемый законом интерес, но в отдельных случаях возможна и защита субъективного материального права. Так, если нотариус отказывает в удостоверении договора купли-продажи домовладения, суд, рассматривая жалобу на действия нотариуса, защищает субъективное материальное право заявителя. Точно так же, если орган загса допустил искажение имени заявителя в составленных актах граждан-

¹ См.: Д. М. Чечот. Проблема защиты субъективных прав и интересов в порядке неисковых производств гражданского процесса. Автореферат докторской диссертации. Л., 1969, стр. 31.

² См.: Там же.

ского состояния и гражданин обратился в суд с заявлением об установлении неправильности записи (независимо от того, каковы были мотивы обращения в суд), предметом судебной защиты выступает его субъективное право, нарушенное искажением при составлении актовой записи.

§ 6.

ПОНЯТИЕ ОХРАНЯЕМОГО ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСА КАК ПРЕДМЕТА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ

Сказанное позволяет сделать вывод о понятии охраняемого законом интереса как предмета судебной защиты.

Понятие интереса определено нами как объективно существующая социальная потребность. Это определение вполне приемлемо и для характеристики интереса как предмета судебной защиты.

Интерес в гражданском праве как потребность определяет В. П. Грибанов. Но, не акцентируя внимание на том, что интерес не просто потребность, а социальная потребность (потребности бывают и физиологические), В. П. Грибанов определяет интерес как **осознанную** потребность, то есть потребность, принявшую форму сознательного побуждения. Как уже было отмечено, такое понимание интереса, когда последний из области объективного для носителя этого интереса переносится в область субъективного, — неправильно. В. П. Грибановым проблема интереса, по существу, подменена проблемой воли.

Нельзя согласиться с пониманием охраняемого законом интереса как выгоды. Это определение, данное М. А. Гурвичем¹, подвергнуто в юридической литературе справедливой критике².

Предметом судебной защиты выступает не любой, а охраняемый законом интерес. В связи с тем что защита субъективного права выступает как опосредствованная защита интереса, правомерно охраняемый законом интерес рассматривать в широком и узком смысле.

В широком смысле понятие «охраняемые законом интересы» охватывает как интересы, опосредствованные в субъективных правах, так и интересы, не имеющие такого опосредствования. Поэтому вполне правомерно употребление в научной литературе термина «защита интереса» в тех случаях, когда речь идет о защите субъективного права³.

¹ См.: М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 86.

² См.: В. П. Грибанов. Интерес в гражданском праве, стр. 52; В. А. Тархов. Некоторые вопросы охраны имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству, стр. 87—88.

³ Например, диссертация Б. Ю. Колоскова именуется: «Защита интересов

Под охраняемыми законом интересами в узком смысле следует понимать только те интересы, которые не опосредствованы субъективными правами (не являются элементом правоотношения), но взяты законодателем под правовую охрану с использованием иных форм и средств правовой охраны, чем предоставленные его носителю субъективного материального права.

К таким формам относятся, в частности, следующие:

1. Прямое указание в нормах материального права об охране интереса (ст. 514 ГК РСФСР и др.).

2. Применение права по аналогии, то есть правовая охрана интересов, не опосредствованных субъективными материальными правами вследствие того, что законодатель не имел суждения по данному типическому интересу (ст. 4 Основ гражданского законодательства).

3. Предоставление непосредственной судебной защиты:

- а) интересам, возникающим в связи с незаконным возложением на лицо обязанностей (наложение незаконного штрафа и т. п.);
- б) интересам, служащим промежуточным звеном к приобретению или осуществлению субъективных материальных прав (подавляющее большинство дел особого производства);
- в) интересам лиц, выступающим в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц и т. п.

Охранительные нормы содержатся как в материальном, так и в процессуальном праве. В материальном гражданском праве такие нормы содержатся, в частности, в ст. 4 Основ гражданского законодательства, ст. ст. 7, 499, 514 ГК РСФСР и др.¹ В процессуальном — в ст. 12 ч. 3 Основ гражданского судопроизводства, а также в статьях, предоставляющих право на обращение в суд на защиту интересов, не опосредствованных субъективными ма-

потерпевших в связи с повреждением здоровья на производстве», хотя в ней исследуется вопрос о защите соответствующих прав (см.: Б. Ю. Колосков. Защита интересов потерпевших в связи с повреждением здоровья на производстве. Автореферат кандидатской диссертации. Свердловск, 1965). Книга Ю. А. Львовича именуется «Охрана интересов покупателей», хотя речь идет об охране прав покупателей (Ю. А. Львович. Охрана интересов покупателей. М., «Юридическая литература», 1966). Исследуя вопрос о неимущественных правах в советском гражданском праве, В. Рясенцев именует их неимущественными интересами (В. Рясенцев. Неимущественный интерес в советском гражданском праве. — Ученые записки Московского юридического института НКЮ СССР, выпуск 1. М., Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1939, стр. 22). См. также: Гражданскоправовая охрана интересов личности. М., «Юридическая литература», 1969; А. В. Кузнецов. Уголовноправовая охрана интересов личности в СССР. М., «Юридическая литература», 1969.

¹ Поэтому нельзя согласиться с выводом М. А. Гурвича о том, что интерес, охраняемый законом, не может быть обеспечен нормой материального права (см.: М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 86).

териальными правами (например, ст. 245 ГК РСФСР). В последнем случае охрана интересов выражается в предоставлении субъективного процессуального права. Наделение процессуальными правами не превращает материальный интерес, подлежащий судебной защите, в субъективное материальное право, так как интерес, охраняемый законом, относится к области материального права, а лицо наделяется субъективными процессуальными правами.

Таким образом, охраняемые законом интересы — это социальные потребности, взятые законом под свою охрану не путем предоставления их носителям субъективных материальных прав, а предоставлением им (или же другим лицам) права прибегнуть к судебной или иным правовым формам защиты¹.

¹ См. определение, даваемое М. А. Гурвичем (М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 86).

ЮРИДИЧЕСКИЙ (ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ) ИНТЕРЕС

§ 1. ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО (ПРОЦЕССУАЛЬНОГО) ИНТЕРЕСА

Советское гражданское процессуальное право, глубоко демократическое в своей сущности, предоставляет возможность любому заинтересованному лицу в порядке, установленном законом, прибегнуть к судебной защите (ст. 5 Основ гражданского судопроизводства). Из смысла приведенной нормы, однако, не вытекает, что волеизъявление любого лица служит достаточным основанием для возникновения процесса и что всякое изъявившее волю лицо может принять в нем участие. Необходимо, чтобы оно было **заинтересовано** в процессе. Только воля и интерес в единстве служат предпосылкой возникновения процесса или участия в нем.

Интерес к процессу, являясь разновидностью правового интереса, представляет собой самостоятельное социальное явление, характеризующее специфическим правовым содержанием и удовлетворяемое деятельностью правоохранительных органов. В самом общем виде интерес к процессу означает нужду, потребность лица в возникновении процесса и участии в нем. Но такое широкое понимание заинтересованности в процессе не может служить критерием для правильного применения норм советского гражданского процессуального права по двум причинам. Во-первых, законодатель, как это будет видно из дальнейшего изложения, считает основанием для возбуждения процесса и участия в нем не любую, а юридическую заинтересованность. Во-вторых, детально регламентируя вопросы, связанные с возбуждением гражданского процесса и вступлением в него лиц, законодатель исключает во многих случаях необходимость использования юридического интереса в качестве самостоятельного основания к возникновению процесса и участию в нем. В связи с изложенным необходимо разграничение юридического и фактического интереса, а также установления той области гражданского процессуального права, где юридический интерес играет самостоятельное значение и не поглощается другими правовыми категориями.

С общесоциологических позиций между фактическим и юридическим интересом к процессу различий нет. Оба интереса по

своему содержанию являются правовыми в том смысле, что удовлетворяются с помощью правовых средств (судебной деятельности). С позиций же гражданского процессуального права эти интересы различны. Юридический интерес служит основанием к вступлению в процесс, фактический таким качеством не обладает. Потенциально любой фактический интерес может стать юридическим. Достаточно, чтобы законодатель признал за ним такое значение. Но пока этого нет, фактический интерес процессуальноправового значения не имеет.

Сущность юридического интереса состоит в том, что решение суда может отразиться на правах или обязанностях лица, возбуждающего процесс или принимающего в нем участие. При фактической заинтересованности такие последствия не наступают (п. 1 ст. 6 Основ гражданского судопроизводства). Так, в деле по иску трудящегося о взыскании заработной платы бесспорно заинтересованы все члены семьи, так как заработная плата используется в общих интересах. Но эта заинтересованность не дает право членам семьи ни возбуждать процесс, ни принимать в нем участие. Такая возможность имеется только у самого трудящегося, так как решение суда непосредственно отражается на его правах, то есть у него имеется юридический интерес к процессу. Если же на рассмотрении суда находится спор по поводу пользования занимаемым семьей жилым помещением, то все члены семьи в равной степени имеют к процессу юридический интерес и имеют право на участие в процессе, так как суд решает вопрос об их общем праве.

Основы гражданского судопроизводства (п. 3 ст. 6), предоставляя органам государственного управления, социалистическим организациям и отдельным гражданам в предусмотренных законом случаях право на возбуждение процесса в интересах других лиц, признали за общественным, служебным интересом перечисленных организаций и граждан юридическое (процессуальное) значение. До новой кодификации гражданского процессуального права в теории господствовало мнение, что юридическим является только интерес тех лиц, на чьих правах или обязанностях может отразиться судебное решение. Этот вывод базировался на ст. 2 ГПК РСФСР, где отмечалось, что суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной в том стороны. Основы гражданского судопроизводства точнее определили отношение участвующих в деле лиц к процессу. Приблизив значение правового понятия заинтересованности к философскому понятию интереса, Основы гражданского судопроизводства всех участвующих в деле лиц отнесли к заинтересованным лицам¹.

¹ См.: Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения. Изд-во Саратовского университета, 1965, стр. 29; М. А. Визит. Интерес как основание участия в гражданском деле. — Материалы конференции по итогам

Действующим гражданским процессуальным законодательством не отнесена к участвующим в деле лицам общественность, представитель которой принимает участие в деле, но из этого не следует, что социалистические организации и коллективы трудящихся не имеют юридического интереса. Общественный по своему содержанию¹, интерес перечисленных организаций состоит в том, чтобы своим участием содействовать вынесению правильного судебного решения. Этот интерес носит юридический характер, так как служит основанием к участию в процессе (ст. 147 ГПК РСФСР).

Юридический интерес органов государственного управления, социалистических организаций и граждан, обращающихся в суд за защитой прав и охраняемых законом интересов других лиц, носит самостоятельный характер в том смысле, что служит удовлетворению собственного материального интереса (например, интереса органа государственного управления, вытекающего из его компетенции). С другой стороны, юридический интерес перечисленных организаций находится в определенной связи с интересом лица, в защиту прав которого заявлен иск, ибо при отсутствии юридического интереса у последнего не может быть юридического интереса и у заявителя иска.

Рассматривая вопрос о месте юридического интереса в системе оснований к отказу в принятии искового заявления, следует сразу же отметить, что юридический интерес может пониматься в очень широком смысле, приниматься как обобщающая основа всех возможных случаев наличия права на обращение в суд. Но в таком случае понятие юридического интереса теряет всякий практический смысл, так как в нем растворяются все предпосылки права на обращение за судебной защитой. Понятие юридического интереса становится неопределенным по своему содержанию и дает большой простор судье по своему усмотрению решать вопрос о принятии искового заявления. Признавая по самым различным основаниям отсутствие у лица, обратившегося за судебной защитой, юридического интереса, судья может отказать в принятии заявления, то есть, по существу, отказать в иске, в то время как разрешение спора относится к компетенции коллегияльного органа — суда.

На это обстоятельство неоднократно указывалось в юридической литературе². При этом подчеркивалось, что в капиталистично-научно-исследовательской работы за 1963—1964 гг. Изд-во Саратовского университета, 1965, стр. 109; Е.е же. Строго соблюдать права лиц, участвующих в рассмотрении гражданского дела. — «Советская юстиция», 1968, № 18, стр. 5; Д. Р. Джалилов. Лица, участвующие в гражданских делах искового производства. Душанбе, «Ирфон», 1965, стр. 15.

¹ См.: С. С. Сатыбеков. Участие общественности в советском гражданском процессе. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1967, стр. 6.

² См.: Демократические основы советского социалистического правосудия. М., «Наука», 1965, стр. 179.

ческих государствах «предпосылка права на предъявление иска в виде «наличия юридического интереса» служит неплохим средством обходить буржуазную же законность там и постольку, где и поскольку ее соблюдение идет вразрез с интересами монополистического капитализма»¹.

В связи с тем что юридический интерес способен стать всеобъемлющей процессуальной категорией без определенного содержания и тем самым таит в себе возможность нарушения законности при отправлении правосудия, требуется особенно внимательный подход к его исследованию и использованию в судебной практике. Задача сводится к тому, чтобы правильно раскрыть содержание юридического интереса, точно конкретизировать его, указать границы его применения.

Юридический интерес, являясь разновидностью социальной потребности, носит объективный характер. Он не зависит от осознания его носителем и его волевой направленности. Нельзя согласиться с мнением, что юридический интерес не только положение, в силу которого его обладатель имеет право на обращение в суд с требованием о защите своего права, но и субъективная направленность, мотив, заставляющий лицо возбуждать деятельность по правосудию, доказывать свою правоту, добиваться вынесения решения в свою пользу².

Юридический интерес — это социальная потребность, удовлетворяемая деятельностью правоохранительного органа. Как и любой иной интерес, будучи осознанным, он выступает как стимул к действию. Но правовое значение интерес имеет не как субъективная направленность, а как правовое положение. Субъективная направленность (мотивы) для гражданского процессуального права юридического значения не имеет, поскольку она не выражается вовне в волевых действиях. Воля и интерес имеют в гражданском процессуальном праве самостоятельное значение, и одно определять через другое нет никакого смысла.

Между юридическим (процессуальным) интересом и материальноправовым интересом, служащим предметом судебной защиты, существует неразрывная связь, заключающаяся в том, что юридический интерес может наличествовать лишь при возможности существования материальноправового интереса (предмета судебной защиты)³. Если отсутствует предположение о существ-

¹ М. А. Гурвич. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. М., ВЮЗИ, 1961, стр. 62.

² См.: С. В. Курылев. Объяснение сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М., Госюриздат, 1956, стр. 12; М. А. Вилкут. Предпосылки права на участие в гражданском процессе. — «Правоведение», 1967, № 3, стр. 106; Е. Е. же. Стороны — основные лица искового производства. Саратов, 1968, стр. 12—13; А. А. Мельников. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., «Наука», 1969, стр. 125.

³ См.: Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения,

в отношении предмета судебной защиты, судебный процесс становится беспредметным, процесс лишается цели¹.

Особенно наглядно это видно в делах об установлении фактов, от которых зависит возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей. Прежде чем принять заявление к производству, судья должен убедиться, что заявитель просит установить существование такого факта, с которым связано возникновение для него прав. Отсутствие правового значения данного факта для заявителя служит основанием прекращения производства по делу в любой стадии гражданского процесса².

Это положение применимо и к исковому производству. Судья примет к своему производству дело лишь в том случае, если предметом судебного разбирательства выступает **правовой**, а не иной (скажем, теоретический) спор. Поэтому юридический интерес наличествует лишь в том случае, когда предметом судебного рассмотрения выступает **спор о праве**. Если спор не о праве, то у лица, обратившегося за судебной защитой, нет юридического интереса. В принятии искового заявления должно быть отказано на основании ст. ст. 5 и 31 п. 1 Основ гражданского судопроизводства.

На этом вопросе следует остановиться подробнее, так как неправовой характер спора в юридической литературе и судебной практике понимают слишком широко, что чревато опасностью необоснованных отказов в принятии заявлений.

Неправовой характер спора большинство процессуалистов видит в том, что требование лица не основывается на нормах материального права³. Наиболее полно этот взгляд отражен в рабо-

стр. 19; М. П. Ринг. К вопросу о гражданских процессуальных правоотношениях. — Ученые записки ВЮИОН, № 16. М., Госюриздат, 1963, стр. 36.

¹ См.: Н. А. Чечина. Судебная деятельность и предмет судебного решения. — «Вестник Ленинградского университета», № 5. Серия экономики, философии и права, выпуск 1, 1959, стр. 91.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1966 г. «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение», п. 2. — «Советская юстиция», 1966, № 9; А. А. Мельников. Особое производство в советском гражданском процессе. М., «Наука», 1964, стр. 92; Е. Е. же. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., «Наука», 1969, стр. 206; Д. М. Чечот. Проблема защиты субъективных прав и интересов в порядке неисковых производств советского гражданского процесса. Автореферат докторской диссертации. Л., 1969, стр. 31.

³ См.: М. П. Ринг. Вопросы гражданского процесса в практике Верховного Суда СССР. М., Госюриздат, 1957, стр. 148—171; Е. Е. же. К вопросу о гражданских процессуальных отношениях. — Ученые записки ВЮИОН, № 16. М., Госюриздат, 1963, стр. 36; В. К. Пучинский. Судопроизводство по гражданским делам. — «Научный комментарий судебной практики по гражданским делам». М., Госюриздат, 1961, стр. 97—111; Е. Е. же. Производство дел в суде первой инстанции. — «Советское государство и право», 1962, № 3, стр. 45; Ц. Апарникова. Рецензия на книгу М. Ринга «Вопросы гражданского процесса в практике Верховного Суда СССР». — «Социалистическая

тах В. К. Пучинского. «Юридический интерес, — указывает В. К. Пучинский, — рассматриваемый с субъективной точки зрения, имеется только у истцов, которые считают нарушенными их лично принадлежащие им права...

Объективным признаком заинтересованности является допустимость предъявления данного требования с позиций действующего законодательства. Таким образом, отказ в приеме заявления правомерен, если: а) требование не охраняется по определенному основанию, б) требование не защищается для данного истца или против данного ответчика, в) требование вообще не подлежит защите (собственность на землю и т. п.)»¹.

С таким пониманием правового характера спора как критерия юридической заинтересованности согласиться нельзя.

Юридический (процессуальный) интерес — это интерес к процессу, потребность участвовать в нем для выяснения спорного положения, установления существования спорного материального права или охраняемого законом интереса, оказания ему защиты. Если на рассмотрении суда вопрос о существовании субъективного материального права или охраняемого законом интереса — значит, на рассмотрении спор о праве.

Действительно, что означает «требование, не охраняемое по определенному основанию». К нему может быть отнесено требование жилищного органа о выселении лица по мотивам длительного нежизна к квартирной платы. В соответствии со ст. 333 ГК РСФСР по этим основаниям могут быть выселены наниматели только из дома, принадлежащего лицу на праве личной собственности. Следовательно, требование жилищного органа о выселении нанимателя по этому мотиву не основано на правовых нормах. В то же время по другим основаниям (например, наличие дома на праве личной собственности) жилищный орган имеет право требовать выселения нанимателя.

Приведенный пример может одновременно служить иллюстрацией и для другого основания, указанного В. К. Пучинским. Можно сказать, что в данном случае требование о выселении не охраняется для данного истца (жилищного органа), а для другого истца (лица, владеющего домом на праве личной собственности), охраняется законом. Таким образом, по существу эти основания однотипны и нет необходимости их различать.

законность», 1959, № 5, стр. 89; Л. И. Анисимова. Последствия установления судом неправового характера спора. — «Социалистическая законность», 1959, № 5, стр. 65; Е. Рябова. Отказ в принятии заявления по гражданскому делу. — «Советская юстиция», 1962, № 23, стр. 12; А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права. Изд-во Московского университета, 1965, стр. 135—137.

¹ В. К. Пучинский. Судопроизводство по гражданским делам. — «Научный комментарий по гражданским делам». М., Госюриздат, 1961, стр. 108.

Что касается третьего основания, указанного В. К. Пучинским, то оно просто нежизненно. О таких примерах совершенно правильно говорит М. А. Гурвич, что они не могут считаться реальными, а поэтому и «теоретически» значимыми¹.

Нельзя признать удачным и такое определение правового спора, когда за основу принимается охрана интереса законом. «Суд, — указывает Н. А. Чечина, — не примет заявление безотносительно к правоотношению, а примет только такое заявление, из которого предположительно усматривается, что интерес, о защите которого просит сторона, охраняется законом, усматривается, что общественные отношения, из которых возник спор, регулируются правом или не безразличны для него. Требование лица, не основанное на правовых нормах, интерес, не защищаемый правом, не может быть предметом судебного разбирательства, а вследствие этого и предметом иска»².

Охрана интересов законом в широком смысле включает в себя опосредствование интереса субъективным правом и оказание непосредственной защиты интересу. Как вопрос о существовании материального субъективного права, так и вопрос об охране интереса законом разрешается судом при постановлении решения по существу дела. Если интерес охраняется законом и доказан с фактической стороны, иск удовлетворяется. В случае отсутствия любого из этих оснований в иске должно быть отказано.

Критерий для признания спора правовым необходимо искать не в конкретных нормах материального права, предусматривающих правовую охрану интереса, а в самом содержании интереса, служащего предметом судебной защиты. Для признания спора правовым достаточно, чтобы интерес, подлежащий судебной защите, носил **имущественный** характер. Правовым будет требование (а следовательно, и спор) о взыскании суммы денег, истребовании конкретной вещи, признании права собственности на определенную вещь, взыскании периодических платежей на содержание и т. п. и т. д. Вопрос об обоснованности требования на нормах материального права, об охране интереса законом решается судом в коллегиальном составе. Правовая охрана интереса может служить критерием лишь для определения правового характера спора, связанного с неимущественным (личным) интересом. Такой вывод находит свое обоснование в ст. 1 Основ гражданского законодательства, в соответствии с которой имущественные отношения подлежат правовой охране, как правило, а личные неимущественные — лишь в случаях, предусмотренных законом.

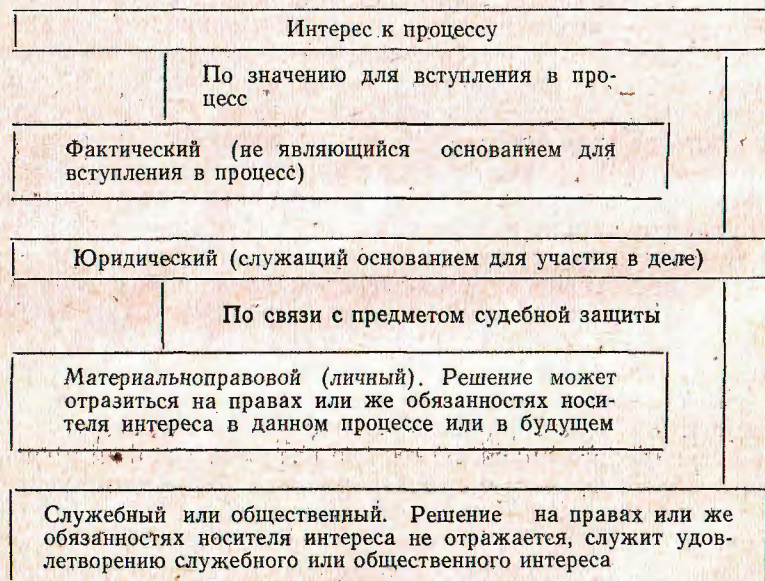
¹ См.: М. А. Гурвич. Право на иск. М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 67.

² Н. А. Чечина. Судебная деятельность и предмет судебного решения. — «Вестник Ленинградского университета», № 5. Серия экономики, философии и права, выпуск 1, 1959, стр. 91.

Юридический (процессуальный) интерес по своему содержанию един, но может быть классифицирован по предмету, подлежащему судебной защите, на материальноправовой и служебный или общественный¹. Подобная классификация юридического интереса имеет существенное значение для определения процессуального положения участвующих в деле лиц.

Неправильно после введения в действие Основ гражданского судопроизводства различать интерес юридический и служебный². Такая классификация не имеет под собой никакой основы, поскольку интерес всех участвующих в процессе лиц является юридическим, служащим основанием для участия в деле. «Юридический интерес» — понятие родовое, а «служебный», «общественный» интерес — понятия видовые. Классифицировать понятия одновременно по родовым и видовым признакам нельзя. Не правильно и деление юридического интереса на материальноправовой и процессуальный³. Юридический интерес — это инте-

Общая классификация юридического интереса (схема)

¹ См.: М. А. В и к у т. Интерес как основание участия в гражданском деле, стр. 109; Д. Р. Д ж а л и л о в. Лица, участвующие в гражданских делах искового производства, стр. 15.

² См.: М. А. В и к у т. Интерес как основание участия в гражданском деле, стр. 110.

³ См.: Д. М. Ч е ч о т. Участники гражданского процесса. М., Госюриздат, 1960, стр. 29; А. А. М е л ь н и к о в. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М., «Наука», 1969, стр. 124.

рес к процессу, то есть процессуальный интерес. И в данном случае классификация производится по родовому и видовому признакам.

Изложенное позволяет дать определение юридического (процессуального) интереса, в котором должны быть отражены существенные признаки последнего, а именно: 1) юридический интерес по своему социальному содержанию ничем не отличается от любого интереса, представляет собой социальную потребность; 2) юридический интерес, как и любой иной интерес, формируется объективно и лишь впоследствии осознается; 3) удовлетворение юридического (процессуального) интереса не является самоцелью, а служит удовлетворению материальноправового интереса, хотя последний иногда может и не удовлетворяться ввиду его отсутствия. Необходимо отметить и то, что социальная потребность (нужда в процессе) приобретает правовое значение лишь в силу того, что ей придается правовое значение нормами процессуального права.

Таким образом, процессуальный юридический интерес (заинтересованность) представляет собой основанную на юридических нормах объективно существующую социальную потребность в гражданском процессе, выражающуюся в таком отношении граждан и юридических лиц, прокурора, органов государственного управления и других социалистических организаций к гражданскому делу, при котором защита права или охраняемого законом интереса, осуществление служебных функций и удовлетворение общественного интереса находятся в зависимости от судебного решения в данном процессе.

Короче, юридический интерес — это объективно существующая связь, зависимость между решением в данном процессе и предполагаемыми правами, обязанностями и охраняемыми законом интересами лица.

§ 2. ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ВСТУПЛЕНИЯ В ПРОЦЕСС

Вопрос о праве на предъявление иска в теории советского гражданского процессуального права наиболее полно разработан М. А. Гурвичем в монографии «Право на иск»¹.

М. А. Гурвич различает предпосылки права на предъявление иска и условия осуществления этого права. Предпосылки права на предъявление иска М. А. Гурвич делит на субъективные и объективные. К субъективным автор относит правоспособность истца и ответчика и отсутствие заявленного в установленном поряд-

¹ М. А. Г у р в и ч. Право на иск. М., Изд-во АН СССР, 1949.

ке отказа от осуществления права на предъявление иска (договор третьей записи). Все остальные — к объективным. Юридическому интересу не нашлось места ни в субъективных, ни в объективных предпосылках¹.

Однако это сделано М. А. Гурвичем не потому, что юридический интерес не имеет никакого значения для процесса. Напротив, по мнению М. А. Гурвича, юридический интерес является необходимой предпосылкой возникновения гражданского процесса: «Всякая защита имеет цель, предмет и практическое оправдание, если она способна произвести какое-нибудь действие, т. е. укрепить, восстановить или обеспечить известное положение. Если что-либо не требует ни укрепления, ни восстановления, ни обеспечения, то защита бы оказалась бесцельной, беспредметной и напрасной, как сражение с ветряными мельницами. Это простое и общее положение вполне применимо и к судебной защите. Поэтому правильно и бесспорно, что при отсутствии юридического интереса в процессе последний недопустим»².

Делает это М. А. Гурвич потому, что отсутствие юридического интереса, по его мнению, всегда связано с отсутствием иных предпосылок права на предъявление иска (например, наличие судебного решения по тождественному иску, неподведомственность спора суду и т. п.) или же с отказом от права на предъявление иска, а поэтому «для указанных фактов отсутствие юридического интереса истца или же обеих сторон к судебному решению утрачивает теоретическое значение обобщающей основы»³. Во всех же остальных случаях всегда имеется интерес у одной из спорящих сторон к процессу, «что необходимо и достаточно для процессуальной эффективности решения и, следовательно, для осуществления правосудия»⁴.

А как быть в тех случаях, когда лицо предъявляет иск от своего имени, но в интересах другого лица, не имея на это права, а также, когда на рассмотрении суда находится неправовый спор? Автором учтены и эти обстоятельства. В первом случае, по мнению автора, у заявителя отсутствует процессуальная правоспособность, так как на обращение в суд по чужим правоотношениям лица не полномочны, если по этому вопросу нет специальных указаний в законе. Во втором случае, по мнению автора, речь идет о неподведомственности суду споров, то есть о компетенции судебных органов⁵.

С выводом автора о процессуальном значении выступления

¹ См.: М. А. Гурвич. Право на иск, стр. 87.

² Там же, стр. 78.

³ Там же, стр. 81.

⁴ Там же, стр. 79.

⁵ См.: М. А. Гурвич. Право на иск, стр. 80; Л. Волохова. Право на обращение с иском в суд. — «Советская юстиция», 1968, № 19, стр. 5—6.

лица в чужом интересе без специального указания об этом в законе и неправового характера спора согласиться нельзя.

Ст. 31 ГПК РСФСР четко определяет понятие процессуальной правоспособности, подразумевая способность иметь гражданские процессуальные права и обязанности. Гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами СССР, а также за государственными учреждениями, предприятиями, колхозами и иными кооперативными и общественными организациями, пользующимися правами юридического лица.

Следовательно, понятие правоспособности относится не только к сторонам и третьим лицам, но и ко всем участвующим в процессе лицам. С другой стороны, в понятие правоспособности не включается выступление лица в защиту своего права. Оно, как обязательная предпосылка права на предъявление иска (права на обращение за судебной защитой), предусмотрено п. 1 ст. 4 ГПК РСФСР. Поэтому выступление лица в защиту своего права есть не элемент (составная часть) процессуальной правоспособности, а составная часть юридического интереса. Включение заинтересованности (в смысле выступления в защиту своего права) в понятие процессуальной правоспособности понадобилось М. А. Гурвичу для того, чтобы исключить всякий повод для признания за юридическим интересом самостоятельного значения в советском гражданском процессе¹.

Неправовой характер спора не может быть охвачен понятием неподведомственности. Подведомственность представляет собой круг споров о праве и иных правовых вопросов, разрешение которых отнесено законом к компетенции определенного органа государства либо общественности².

В этой связи можно различать неподведомственность судов и иных органов. Иное значение имеет неправовый характер спора. Он говорит о том, что интерес заявителя вообще не может быть удовлетворен деятельностью органов, осуществляющих защиту прав и охраняемых законом интересов.

Разграничение правового и неправового спора идет не только по линии разграничения правового и теоретического спора, как это обычно считают. Оно может идти и по линии разграничения правового и технического спора. Во втором случае для разрешения спора назначается экспертиза.

Отрицательное отношение М. А. Гурвича к использованию в

¹ См.: М. А. Вилкут. Стороны — основные лица искового производства, стр. 6—8.

² См.: П. С. Дружков. Судебная неподведомственность споров о праве и иных правовых вопросов, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства. Автореферат кандидатской диссертации. Свердловск, 1966, стр. 5.

советском гражданском процессуальном праве юридического интереса как самостоятельной предпосылки права на предъявление иска вытекает из неточного определения юридического интереса как правовой выгоды, которую приносит истцу судебное решение¹. Если решение будет вынесено в пользу истца, то окажется, что у истца был юридический интерес. В противном случае — интерес к процессу будет у ответчика. В таком понимании интерес действительно, не может выступать в качестве предпосылки права на предъявление иска, так как он обнаруживается только после вынесения решения и всегда наличествует либо у истца, либо у ответчика.

Юридический интерес надо рассматривать не как правовую выгоду, а как определенную связь, в силу которой решение суда может отразиться на правах лиц, участвующих в процессе, и первую очередь сторон, или же служить удовлетворению общественного интереса. Иными словами, юридический интерес имеется у лиц, чьих прав и обязанностей может коснуться решение суда, или же у лиц, которым законом предоставлено право заявлять иски в чужих интересах.

При таком понимании юридического интереса последний выступает как самостоятельная предпосылка права на обращение в суд (в частности, права на предъявление иска)², аккумулирующая в себе два момента: выступление лица в защиту своего права или охраняемого законом интереса и наличие правового характера спора, находящегося на рассмотрении суда.

Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, выступают в процессе на положении истцов. Поэтому специально на характере интересов третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, останавливаться нет смысла.

Основанием для вступления в процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, служит юридический интерес, выражающийся в том, что решение по делу может повлиять на их права или же обязанности по отношению к одной из спорящих сторон (ст. 38 ГПК РСФСР). В юридической литературе обычно отмечают, что юридический интерес третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, существует объективно, в то время как заинтересованность истца носит субъективный характер. Мы уже отме-

¹ См.: М. А. Гурвич. Право на иск, стр. 76.

² См.: М. А. Витух. Интерес как основание участия в гражданском деле, стр. 109—110; Е.е же. Предпосылки права на участие в гражданском процессе. — «Правоведение», 1967, № 3, стр. 104; Е.е же. Стороны — основные лица искового производства. Саратов, 1968, стр. 6; Л. Волохова. Право на обращение с иском в суд. — «Советская юстиция», 1968, № 19, стр. 5.

чали, что юридический интерес к процессу всегда объективен и дан существующим положением вещей. Поэтому нет никакой необходимости в учебной литературе выделять особо эту сторону юридического интереса третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, в сравнении с интересом истца. Независимо от того, вступает ли третье лицо в процесс или же привлекается к участию в деле, обязательно, как предпосылка права на участие в процессе, у него должен наличествовать интерес к данному процессу. В противном случае третье лицо к участию в деле допущено не будет.

Как уже было отмечено, интерес прокурора, органов государственного управления и т. п., заявляющих иски в защиту прав других лиц, является юридическим, служащим основанием для вступления в процесс. В связи с тем что прокуратура обладает широкими полномочиями и имеет право заявить любой иск и принимать участие для дачи заключения в любом деле, а органы государственного управления принимают участие в процессе в строго ограниченных процессуальным законом случаях, возможны сомнения в необходимости установления заинтересованности прокурора и органов государственного управления как основания для вступления в процесс. Они необоснованны.

Действительно, вследствие того что прокурор имеет право участвовать в любом гражданском деле, возможность отсутствия у него юридического интереса исключается. Но в конкретном гражданском деле возможны сомнения в характере юридического интереса: материальноправовой он или служебный. Сообразно с этим решается вопрос о его процессуальном положении (будет ли он принимать участие в качестве истца или же представителем органа, осуществляющего надзор за точным исполнением законов).

То же самое можно сказать и об органах государственного управления. Их интерес к процессу бывает либо материальноправовым, либо служебным. Имея служебный интерес, они принимают участие в процессе только в случаях, предусмотренных законом. Поэтому установление заинтересованности, помимо всего, предполагает еще обнаружение правовой нормы, предусматривающей право этих органов на участие в процессе.

Следует отметить, что обращение в суд за защитой прав других лиц возможно только в том случае, когда таким правом обладает лицо, в интересах которого заявлен иск¹. Поэтому и при заявлении иска в защиту прав или же охраняемых законом интересов других лиц, обязательна такая предпосылка права на предъявление иска, как правовой характер спора. Предпосылки права

¹ См.: Д. Р. Джалилов. Лица, участвующие в гражданских делах искового производства, стр. 57.

на предъявление иска в виде выступления в защиту своего права не требуется. Она имеет самостоятельное значение тогда, когда лицо, обратившееся в судебные органы, не вправе предъявлять иски в интересах других лиц. Если же такое право у заявителя есть, предпосылка ликвидируется. Иск считается предъявленным правомерно, хотя бы и оказалось, что речь идет не о защите прав лица, первоначально указанного в качестве истца, а другого лица.

§ 3.
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС КАК КРИТЕРИЙ
ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦА
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Как уже отмечалось (§ 1), юридический интерес классифицируется на материальноправовой (если можно так сказать — личный) и служебный или общественный. Такая классификация важна для определения процессуального положения лиц, принимающих участие в рассмотрении дела, для разграничения, с одной стороны, сторон, третьих лиц, заявителя и заинтересованных лиц в делах особого производства и сторон в делах, возникающих из административноправовых отношений, и прокурора, органов государственного управления, предприятий и иных социалистических организаций, а также отдельных граждан, выступающих в защиту прав других лиц, — с другой.

Однако деление интереса на материальноправовой и общественный или служебный недостаточно для выявления процессуального положения лица в каждой из этих групп. Для этого необходимо еще различать интерес по содержанию. Так, в исковом производстве материальноправовой (личный) интерес имеют стороны и третьи лица. Другие участвующие в исковом производстве лица материальноправового интереса не имеют (это — прокурор, органы государственного управления, предприятия и иные социалистические организации и граждане, выступающие в защиту прав других лиц, в соответствии со ст. 30 Основ гражданского судопроизводства, и общественность на основании ст. 147 ГПК РСФСР).

Юридическая заинтересованность сторон характеризуется тем, что стороны являются субъектами спорного материального правоотношения, находящегося на рассмотрении суда. Решение суда может непосредственно сказаться на их правах или же обязанностях, хотя это бывает не всегда. То обстоятельство, что решение суда непосредственно отражается на правах и обязанностях сторон, отличает стороны от других участвующих в процессе лиц. При этом у сторон противоположные интересы. Истец заинтересован в удовлетворении иска, а ответчик — в отказе в иске

Эта противоположность интересов и является критерием, отграничивающим истца от ответчика. Если на одной из сторон имеется соучастие, то оно характеризуется тем, что интересы соучастников не противоречат друг другу.

Иное положение складывается при вступлении в процесс третьего лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора. Его интересы и интересы первоначального истца взаимно исключают друг друга, хотя, по существу, третье лицо, заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, занимает в процессе положение истца.

Интересы третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, как правило, совпадают с интересами одной из сторон. Но это совпадение интересов временное. Впоследствии (при предъявлении регрессного иска) интересы третьего лица и стороны становятся противоположными.

Интересы третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, отличаются от интересов сторон и по содержанию. Если стороны заинтересованы в предмете спора, то третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, заинтересованы в исходе дела, потому что решение суда непосредственно их прав или же обязанностей не касается, но от решения суда будет зависеть в дальнейшем судьба этих прав или же обязанностей. Таким образом, от характера заинтересованности зависит решение вопроса о том, в каком качестве лицо принимает участие в процессе.

Иногда в практике судебных органов не учитывают это обстоятельство и допускают ошибки. Суды, как правило, по делам о принудительном обмене жилого помещения привлекают к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, нанимателей, с которыми должен быть произведен обмен жилого помещения. Но эти лица не могут быть привлечены к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, потому что на их правах или же обязанностях решение суда отразиться не может. Суд не имеет права обязать этих нанимателей произвести обмен занимаемого ими жилого помещения. Следовательно, они не имеют юридического интереса к процессу и не должны принимать в нем участие.

Нет необходимости использовать критерий заинтересованности для определения процессуального положения прокурора. Прокурор — самостоятельный участник гражданского процесса. Иного положения прокурор в процессе занимать не может. Характер заинтересованности прокурора мог бы иметь значение лишь для решения вопроса о том, является ли прокурор, предъявивший иск в интересах других лиц, истцом по делу. Поскольку этот вопрос ясно решен гражданскими процессуальными кодексами союзных республик и нет никаких теоретических предпосылок к его

пересмотру, характер заинтересованности прокурора не имеет практического значения для определения его процессуального положения. Лишь только в тех редких случаях, когда прокурор предъявляет иски о признании сделок недействительными, можно признать, что прокурор действует как истец. Иногда возникает необходимость исследования характера заинтересованности в связи с тем, что иск прокурором может быть заявлен в интересах прокуратуры как юридического лица.

Иначе обстоит дело с зависимостью процессуального положения органов государственного управления, предприятий и иных социалистических организаций от их интереса в процессе. В связи с тем что органы государственного управления, профсоюзы, предприятия и другие организации, являющиеся юридическими лицами, и отдельные граждане могут принимать участие в процессе как в качестве сторон и третьих лиц, так и на основании ст. 42 ГПК РСФСР, для правильного определения их процессуального положения необходимо каждый раз устанавливать характер заинтересованности и на этом основании решать вопрос об их процессуальном положении.

Регулирование данного вопроса гражданским процессуальным законодательством нельзя считать удачным. Дело в том, что ст. 42 ГПК РСФСР предоставляет органам государственного управления возможность участвовать в процессе для дачи заключения по делу только в **предусмотренных законом случаях**. Вследствие отсутствия в законе специальных указаний нередко суды, не имея возможности привлечь к участию в деле орган государственного управления для дачи заключения, вынуждены привлекать его к участию в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, без указания, на чьей стороне, так как для этого никаких специальных указаний закона не требуется.

Именно так поступил Пленум Верховного Суда СССР, предложив судам привлекать к участию в деле по иску о предоставлении в пользование жилого помещения в домах ЖСК в качестве третьих лиц (без указания, на чьей стороне) исполкомы местных Советов¹, в то время как последние должны были бы принимать участие в процессе в качестве органов государственного управления, дающих заключение по делу.

Такое решение вопроса можно было бы оправдать до принятия Основ гражданского судопроизводства. В то время вопрос о специальном участии в процессе органов государственного уп-

¹ См.: Постановление № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 23 февраля 1967 г. «О некоторых вопросах применения законодательства при рассмотрении судами дел по спорам между гражданами и жилищно-строительными кооперативами», п. 2.

равления хотя и был теоретически разработан¹, но законодательно закреплен не был. После принятия Основ гражданского судопроизводства привлечение органов государственного управления, дающих заключение по делу, в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, недопустимо.

В связи с тем что привлечение в подобных случаях органов государственного управления, дающих заключение по делу, в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, противоречит сущности и целям их участия в процессе, в практике судебных органов имеет место привлечение органов государственного управления для дачи заключения по делу и в тех случаях, когда специальных указаний по этому вопросу в нормативных актах не содержится. Так, Пленум Верховного Суда РСФСР предложил привлекать к участию в делах, возникающих в связи с перепланировкой и переустройством помещений, органы жилищно-коммунального хозяйства². Это не единичные случаи, когда жилищные органы, по существу, принимают участие в процессе в качестве органов государственного управления, дающих заключение по делу³.

Коллизия может быть снята путем изменения ч. 2 ст. 42 ГПК РСФСР, исключения из нее указания на то, что заключения органами государственного управления даются лишь в случаях, предусмотренных законом. Тогда единственным критерием для решения вопроса о допуске к участию в процессе органа государственного управления для дачи заключения будет характер заинтересованности этого органа. Если его интерес к процессу вытекает из функций по управлению, то орган государственного управления может принимать участие в процессе для дачи заключения. Что касается права органов государственного управления, предприятий и иных социалистических организаций, а также отдельных граждан на предъявление исков в защиту прав и интересов других лиц, то здесь должно быть сохранено указание на предусмотренные законом случаи. Это объясняется тем, что предоставление права социалистическим организациям предъявлять иски в интересах других лиц — это расширение процессуальных гарантий осуществления гражданами принадлежащих им прав. Объем этих гарантий (расширение круга лиц, имеющих

¹ См.: А. А. Добровольский. Участие органов государственного управления в гражданском процессе. М., Госюриздат, 1958.

² См.: Постановление № 30 Пленума Верховного Суда РСФСР от 20 декабря 1965 г. «О некоторых вопросах, возникших в практике применения некоторых норм ГК РСФСР, регулирующих жилищные отношения», п. 2. — «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1966, № 2, стр. 1.

³ См.: Р. Е. Гук а с я н. Рассмотрение судами жилищных дел. Изд-во Саратовского университета, 1966, стр. 62—64.

право предъявлять иски), устанавливается законодателем. Ни каких коллизий в этой области возникнуть не может.

Сказанное в отношении юридического интереса сторон в исковом производстве имеет непосредственное отношение к участникам производства по делам, возникающим из административно-правовых отношений. Здесь также имеются стороны с противоположными интересами. Их заинтересованность в процессе тождественна заинтересованности сторон в исковом производстве. Это материально-правовая заинтересованность.

В делах особого производства у заявителя имеется материально-правовой интерес к процессу в связи с тем, что решение суда должно отразиться на материальных интересах. В том случае когда с заявлениями обращаются органы государственного управления, складывается положение, сходное с тем, какое складывается в исковом производстве.

В связи с тем что особое производство объединяет большую группу довольно разнородных дел, различно решается вопрос о лицах, заявляющих требования, по-разному используется и критерий заинтересованности. Поэтому на этом вопросе надо остановиться более подробно.

В главе 27 ГПК РСФСР, посвященной установлению юридических фактов, никаких дополнений к общему положению о заинтересованности лица в процессе не имеется. Нет таких дополнений и в главе 28 (признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление гражданина умершим), главе 31 (установление неправильностей записей актов гражданского состояния). В главе 32 (жалобы на действия нотариусов и органов выполняющих нотариальные действия) подчеркивается, что жалобой на неправильные действия нотариуса обращается заинтересованное лицо, тем самым подчеркивается необходимость использования критерия заинтересованности для определения процессуального положения лица. Несколько конкретизированы критерии интереса в главе 33 (восстановление прав по утраченным документам на предъявителя). В этой главе сказано, что с просьбой о признании утраченного документа недействительным и восстановлении прав по утраченному документу может обратиться лицо, утратившее документ. Иными словами, здесь речь идет о конкретизации лица, выступающего в защиту своего материального интереса.

Иначе используется критерий заинтересованности в главах 29 (признание гражданина ограниченно дееспособным или недееспособным) и 30 (признание имущества бесхозяйным).

В соответствии с главой 29 право на обращение в суд с заявлением о признании лица недееспособным или ограниченно дееспособным имеют только члены семьи этого лица. Иные лица, хотя бы они по каким-либо основаниям и были заинтересованы

в признании лица недееспособным, обращаться в суд не имеют права. В то же время относительно членов семьи лица, признаваемого недееспособным, вопрос об отсутствии у них заинтересованности вообще возникнуть не может, так как им законом предоставлено право на обращение в суд для признания лица недееспособным. Поэтому в РСФСР для определения процессуального положения члена семьи, обращающегося в суд с заявлением о признании лица недееспособным, нет необходимости использования критерия заинтересованности.

Законодательством РСФСР предусмотрено, что наряду с членами семьи право на обращение в суд для признания лица недееспособным или ограниченно дееспособным имеют профсоюзные и иные общественные организации, прокурор, органы опеки и попечительства, психиатрические лечебные учреждения. Приведенный перечень, за исключением прокурора, представляет собой частный случай, предусмотренный ст. 42 ГПК РСФСР.

В главе 30 также конкретно указаны лица, имеющие право на обращение в суд с заявлением о признании имущества бесхозяйным. Такими лицами являются финансовый орган, исполнительный комитет местного Совета или колхоз. Иные лица и органы, кроме перечисленных (за исключением, очевидно, прокурора), не имеют права обращаться в суд с заявлением о признании имущества бесхозяйным.

Однако это не снимает с судьи обязанность при принятии заявления проверять заинтересованность этих органов. Особенность данных дел заключается в том, что хотя и нет в них спорных сторон, но речь идет в конечном итоге о приобретении права на имущество, признанное бесхозяйным. Поэтому заинтересованным будет признан тот из перечисленных органов, который не только заявит требование о признании имущества бесхозяйным, но и потребует передачи его в свою собственность. Поэтому не может быть признан заинтересованным колхоз, подавший заявление о признании имущества бесхозяйным и передаче его в собственность государства. Такое заявление может подать только финансовый орган, заинтересованный в переходе имущества к государству.

Широкий простор для применения критерия заинтересованности имеется в делах особого производства при решении вопроса о вступлении в процесс иных, кроме заявителя, лиц.

В соответствии со ст. 246 ГПК РСФСР дела особого производства суд рассматривает с участием заявителя и заинтересованных граждан, органов государственного управления, государственных учреждений, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций.

Совершенно правильно в юридической литературе отмечается, что ч. 2 ст. 246 ГПК РСФСР не раскрывает понятия заинтересо-

ванности¹. Поэтому в данном случае должны быть использованы общие критерии.

В первую очередь к заинтересованным следует отнести лиц, на материальноправовых интересах которых может отразиться судебное решение по делу особого производства. Установление этого обстоятельства связано с анализом норм материального права. Так, при установлении факта нахождения лица на иждивении наследователя к участию в деле необходимо привлекать в качестве заинтересованных лиц наследников, а если их нет, то финансовый орган, так как в случае отказа в установлении данного факта имущество перейдет по праву наследования к государству.

Затем к заинтересованным в деле необходимо отнести органы государственного управления, имеющие служебный интерес к данному процессу. Следует признать, что заинтересованными в процессе будут по делам об исправлении неправильностей в актах гражданского состояния — органы загса, по жалобам на действия нотариальных органов — нотариусы, по делам об установлении некоторых юридических фактов (например, регистрации рождения, брака) — еще и отделы милиции. Заинтересованность отдела милиции заключается в том, что на основании судебного решения им должен быть выдан паспорт, то есть осуществлены его служебные функции.

Перечисленные органы имеют служебный интерес к процессу, так как он связан с осуществлением служебных функций. Служебный интерес к процессу, на наш взгляд, имеют и отделы социального обеспечения, военные ведомства, назначающие пенсии. Нельзя считать, что они имеют материальноправовой интерес, ибо назначение пенсии — административноправовой акт².

Выявление служебного интереса сопряжено с определенными трудностями. Надо ясно представлять задачи органов государственного управления, а также твердо уяснить, какие изменения внесены в советское гражданское процессуальное право ГПК РСФСР 1964 г. и Гражданскими процессуальными кодексами союзных республик. Четкому осмыслению действующих ГПК союзных республик мешают сложившиеся на базе прошлого законодательства взгляды, что такие органы, как нотариат, отделы записи актов гражданского состояния, отделы милиции, не могут принимать участия в процессе, так как не имеют заинтересованности в исходе дела.

¹ См.: Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 285.

² Изложенное еще раз подтверждает мысль, что ограничение участия в процессе органов государственного управления случаями, установленными законом, не способствует правильному применению норм советского гражданского процессуального права. Эти ограничения надо снять и критерием оставить служебную заинтересованность.

На основе этих устаревших взглядов после введения в действие ГПК РСФСР 1964 г. судьи отказывали в принятии кассационных жалоб от нотариусов на неправильность решений народных судов по жалобам на их действия. Очевидно, что такой подход к решению вопроса был неправилен, так как нотариус принимает участие в процессе в качестве заинтересованного лица, а поэтому имеет право на обжалование судебного решения.

§ 4.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНТЕРЕС КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТВОДА СУДЕЙ, ПРОКУРОРА, ЭКСПЕРТА, СЕКРЕТАРЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ, ПЕРЕВОДЧИКА, ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВА ТРУДЯЩИХСЯ

Судьи должны быть беспристрастны. Поэтому п. 3 ст. 18 ГПК РСФСР одним из оснований для отвода судьи признает его личную, прямую или косвенную заинтересованность в исходе дела.

Указанное основание существует наряду с другими основаниями для отвода судьи. Судья не может принимать участия в процессе, если при предыдущем рассмотрении дела участвовал в качестве свидетеля, эксперта, переводчика, представителя, прокурора, секретаря судебного заседания; если он является родственником сторон, других лиц, участвующих в деле, или представителей; если имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности. Кроме того, в состав суда, рассматривающего гражданское дело, не могут входить лица, состоящие в родстве между собой. Ст. 19 ГПК РСФСР рассматривает в качестве основания для отвода судьи при определенных обстоятельствах повторное участие его в рассмотрении дела. Ст. 20 ГПК РСФСР распространяет основания для отвода судьи, предусмотренные ст. 18 ГПК РСФСР (за исключением некоторых) на прокурора, эксперта, переводчика, секретаря судебного заседания.

Ст. 20 ГПК РСФСР предусматривает и другие основания для отвода перечисленных участников процесса.

Таким образом, ГПК РСФСР личную заинтересованность рассматривает как одно из оснований для отвода состава суда и других субъектов процесса. ГПК РСФСР не рассматривает в качестве заинтересованности нахождение судьи в родственных отношениях со сторонами, другими лицами, участвующими в деле, или представителями. Не называет заинтересованностью и иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности. К таким обстоятельствам обычно относят дружественные или, напротив, неприязненные отношения судьи с какой-либо из сторон, служебную зависимость или подчиненность народного заседателя одному из лиц, участвующих в деле, и т. п.¹

¹ См.: Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 35.

Сказанное дает основание сделать вывод, что под заинтересованностью судьи ГПК РСФСР понимает, в первую очередь наличие у судьи юридического интереса к процессу, то есть такое отношение к процессу, при котором решение суда может повлиять на права или же обязанности судьи.

Такая заинтересованность у судьи будет в том случае, если он является участвующим в процессе лицом. Относительно судьи данное положение практически исключено, относительно прокурора, переводчика, секретаря судебного заседания — весьма сомнительно. Но теоретически это положение служит базой для признания невозможности участия судьи в процессе. Далее, юридическая заинтересованность может быть в наличии в том случае, когда судья сам не является участвующим в процессе лицом, но решение все же отразится на его правах или же обязанностях в будущем. Такое положение складывается в том случае, когда судья должен был бы занять в процессе положение третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, но такого положения не занял в связи с тем, что не был привлечен к участию в деле или же сам не возбудил ходатайство о допуске к участию¹.

Как в первом, так и во втором случае судья прямо заинтересован в исходе дела. Сложнее с уяснением косвенной заинтересованности судьи. Сразу же следует заметить, что формулировка п. 3 ст. 18 ГПК РСФСР не точна. Если исходить из ее буквального смысла, то получится, что имеются в виду три различных по характеру интереса: личный, прямой, косвенный. Подобный вывод был бы неправилен, так как сам по себе (без приложения к характеру и содержанию интереса) прямой или косвенный интерес существовать не может. Поэтому совершенно правильно авторы Научно-практического комментария к ГПК РСФСР не рассматривают отдельно личную, прямую и косвенную заинтересованность².

Под косвенной заинтересованностью надлежит понимать случаи, когда решение суда не отразится на правах или же обязанностях судьи ни в настоящее время (то есть непосредственно) ни в будущем, но оно может создать условия для совершения судьяй правовых действий (совершения сделки, получения чего либо в свою пользу и т. п.).

Это возможно, например, в случае договоренности судьи при приобретении вещи, право на которую у продавца оказалось спорным, и он (продавец) обратился в суд с иском о признании прав собственности на вещь. Можно привести и другой пример. Предъявлен иск о выселении нанимателя по мотивам длительного не

проживания на спорной жилой площади. В спорном помещении на правах временного жильца проживает судья, за которым исполком местного Совета закрепил спорное помещение после решения вопроса о прекращении договора найма жилого помещения с нанимателем.

Таким образом, косвенная заинтересованность — это тоже личная, но не юридическая заинтересованность, так как решение суда в этих случаях не отражается на правах или же обязанностях лица. Косвенная заинтересованность — это фактическая заинтересованность. Поэтому было бы желательно п. 2 ст. 18 ГПК РСФСР сформулировать следующим образом: если он лично, юридически или фактически, заинтересован в исходе дела либо если имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности.

Нельзя сказать, что столь скрупулезное исследование вопроса о характере заинтересованности как основания для отвода судьи и других субъектов процесса, имеет большое значение для практики. Формула: «если имеются иные обстоятельства, вызывающие сомнение в его беспристрастности» — дает широкий простор суду решать вопрос об отводе, так как все перечисленные в ст. ст. 18, 19, 20 ГПК РСФСР основания для отвода представляют собой частные случаи применения этого принципиального положения. Исследование вопроса имеет существенное теоретическое значение, так как дает возможность выработать единое понятие заинтересованности и правильно использовать его в законодательстве, а также в практической деятельности судей.

¹ См.: Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 34.

² Там же, стр. 34—35.

Часть II

ВОЛЯ, ИНТЕРЕС И ПРИНЦИПЫ,
ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ДВИЖЕНИЕ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

ВОЛЯ, ИНТЕРЕС И ПРИНЦИП ДИСПОЗИТИВНОСТИ

§ 1.

ДИСПОЗИТИВНОСТЬ — ПРИНЦИП, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ИСТОЧНИК ДВИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Сущность гражданского процессуального права выражает система принципов, закрепленных в Конституции СССР и конституциях союзных республик, основах законодательства о судостроительстве и гражданском судопроизводстве, в гражданских процессуальных кодексах союзных республик.

Принцип диспозитивности, взятый в отдельности, не выражает сущности советского гражданского процессуального права. Лишь как часть системы он имеет смысл и назначение. Поэтому исследование принципа диспозитивности должно преследовать цель установления его действительного места в системе принципов советского гражданского процессуального права, определения тенденций его дальнейшего развития.

В теории советского гражданского процессуального права роль и значение принципа диспозитивности несколько преувеличивается. Его считают выразителем демократизма советского гражданского процесса, показателем коренного отличия советского гражданского процесса от буржуазного.

Такая перегрузка принципа диспозитивности приводит к тому, что он теряет ясные очертания и из понятия с присущим ему единым содержанием превращается в конгломерат различных начал, имеющих неодинаковую тенденцию развития.

«Принцип диспозитивности, — указывает А. Ф. Клейнман, — означает право сторон распоряжаться своими правами в сочетании с правом прокурора участвовать в гражданском процессе и предъявлять иски, а также в сочетании с активностью и инициативой советского суда, государственных и общественных организаций, с правом суда контролировать распорядительные действия сторон в процессе»¹. В приведенном определении принцип диспозитивности объединяет как права материально (лично)

¹ Гражданский процесс. Изд-во Московского университета, 1964, стр. 26—27; см. также: Прокурорский надзор по гражданским делам. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 17.

заинтересованных лиц, так и права суда, прокурора, лиц, имеющих общественный интерес к процессу. Остается неясным, как в дальнейшем будет совершенствоваться и развиваться этот принцип: за счет расширения прав материально (лично) заинтересованных лиц, лиц, имеющих к процессу общественный интерес, или за счет усиления активности суда.

Широкое понимание принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права оправдано лишь исторически. В период, когда еще недостаточно были разработаны принципы советского гражданского процессуального права, широкое понимание принципа диспозитивности служило раскрытию его сущности, выявлению принципиального отличия советского гражданского процессуального права от буржуазного, подчеркивало его преимущества.

На современном уровне развития науки советского гражданского процессуального права широкое понимание принципа диспозитивности не способствует проникновению в сущность советского гражданского процесса. Оно не раскрывает действительного места принципа диспозитивности в системе принципов советского гражданского процессуального права. Одному принципу, как уже отмечалось, дается такая нагрузка, которая под силу лишь системе принципов.

Выявление социальной ценности принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права начато В. М. Семеновым, который совершенно правильно активность суда не относит к принципу диспозитивности, а выделяет в самостоятельный принцип советского гражданского процессуального права¹. Однако В. М. Семенов продолжает придерживаться традиционного в теории советского гражданского процессуального права взгляда, что принцип диспозитивности включает в себя также право прокурора и социалистических организаций возбуждать процесс в интересах других лиц и влиять на его дальнейшее движение, с чем нельзя согласиться.

Для того чтобы выявить суть принципа диспозитивности, необходимо остановиться на главных его задачах, специфике, отличающей его от других принципов процессуальной деятельности и дающих ему возможность занять свое самостоятельное место в системе принципов.

Ныне существующие определения принципа диспозитивности не акцентируют в достаточной степени внимания на главных признаках, цели принципа диспозитивности, а ограничиваются выявлением черт, свойственных этому принципу, но не являющихся его сутью.

¹ См.: В. М. Семенов. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права. Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, выпуск. 4. Свердловск, 1964, стр. 330.

Подавляющее большинство процессуалистов видит сущность принципа диспозитивности в распоряжении сторон своими материальными и процессуальными правами в процессе¹. С подобными взглядами на сущность принципа диспозитивности согласиться нельзя. Распоряжение процессуальными правами (выражение это не совсем точное, о чем будет сказано в дальнейшем) есть лишь средство достижения цели. Суть принципа диспозитивности заключается в определении источника движения гражданского процесса. Таким источником служит **воля материально (лично) заинтересованного лица**.

Как совершенно справедливо указывает М. А. Гурвич, диспозитивность выражает движущее начало гражданского процесса². Однако М. А. Гурвич принцип диспозитивности рассматривает слишком широко, охватывая этим понятием зависимость гражданского процесса как от воли материально (лично) заинтересованных лиц, так и от воли лиц, имеющих к процессу служебный или общественный интерес, с чем, как уже отмечалось, согласиться нельзя.

Советское гражданское процессуальное право связывает движение гражданского процесса с волей лиц, имеющих к процессу служебный, общественный интерес. Но эту зависимость нельзя рассматривать как проявление принципа диспозитивности. В противном случае пришлось бы признать проявлением принципа диспозитивности принесение должностными лицами суда и прокуратуры протестов в порядке надзора.

Поэтому суть принципа диспозитивности составляет не зависимость движения гражданского процесса от воли заинтересованных лиц, а зависимость от **воли материально (лично) заинтересованных лиц**, то есть предполагаемых субъектов материального права.

Инициатива материально (лично) заинтересованных лиц служит главным источником движения гражданского процесса, что проявляется в различных аспектах.

Во-первых, подавляющее большинство гражданских дел в судах возбуждается по заявлениям материально (лично) заинтересованных лиц. Во-вторых, те дела, иски по которым предъявляются прокурорами и другими органами, имеющими право на выступление в защиту интересов других лиц, возбуждаются, как правило, по инициативе материально (лично) заинтересованных лиц, обращающихся с заявлениями в эти органы. В-третьих, принесение протестов в порядке надзора полномочными на то должностными лицами, как правило, имеет место на основании жалоб материально (лично) заинтересованных лиц.

¹ См., например: Гражданский процесс. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 43.

² См.: Советский гражданский процесс. М., «Высшая школа», 1967, стр. 34.

Таким образом, фактически двигающим началом гражданского процесса служит воля материально (лично) заинтересованных лиц, но не всегда ей придается процессуально-правовое значение.

В судах первой и второй инстанций, а также в производстве по вновь открывшимся обстоятельствам воля материально (лично) заинтересованного лица имеет такое значение. В надзорной инстанции воля материально (лично) заинтересованных лиц процессуально-правового значения не имеет. Юридическим фактом служит принесение протеста должностными лицами суда и прокуратуры.

Поэтому глубоко прав М. А. Гурвич, подчеркивающий, что «определяющим возникновение гражданского процесса интересом является интерес самого субъекта права»¹. Высказанная мысль нуждается лишь в некотором уточнении. Правильнее было бы сказать, что определяющей является инициатива субъекта права, основанная на его заинтересованности.

§ 2.
**СОДЕРЖАНИЕ ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ —
РАСПОРЯЖЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ,
А НЕ МАТЕРИАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ**

Раскрывая содержание принципа диспозитивности, обычно указывают, что это распоряжение материальными и процессуальными правами².

С таким пониманием содержания принципа диспозитивности согласиться нельзя. Более того, распоряжение материальными правами принципом диспозитивности советского гражданского процессуального права вообще не охватывается. Содержание принципа диспозитивности составляют распоряжение процессуальными правами и их осуществление с целью воздействия на движение гражданского процесса. Для обоснования этого вывода проанализируем понятия «осуществление права» и «распоряжение правом».

Следует сразу же отметить, что правовые понятия, как и понятия других наук, представляют собой определенную ступень

¹ Советский гражданский процесс. М., «Высшая школа», 1967, стр. 3. см. также: М. А. Гурвич. Принципы советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ, т. 3. Вопросы гражданского процессуального гражданского и трудового права. М., ВЮЗИ, 1965, стр. 30—34.

² См.: Правовые гарантии законности в СССР. М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 261 (глава написана В. И. Каминской); З. К. Абдуллина. Прекращение производства по делу и оставление иска без рассмотрения. — Зисы докладов и научных сообщений. Алма-Ата, 1965, стр. 75; И. Жерулис. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, «Минтис», 1962, стр. 86 и след.

развитии познания¹. Понятия развиваются с развитием общества, развитием науки. Поэтому произвольное применение понятий для обозначения явлений, которые эти понятия не отражают, не может способствовать ни развитию науки, ни решению задач, стоящих перед обществом. Напротив, такое использование понятий превращает их в условные термины, которые препятствуют движению науки в глубь явления, к познанию закономерностей.

В гражданском праве распоряжение субъективным правом рассматривается как разновидность его осуществления. В частности, так решается вопрос применительно к осуществлению права собственности, содержание которого видят в осуществлении полномочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Последствия осуществления полномочия по распоряжению — это установление, изменение или прекращение правоотношения по поводу данного имущества². Реализуется это полномочие с помощью юридических актов, сделок³.

Следовательно, осуществление права собственности выступает как распоряжение им только в том случае, когда собственник передает вещь в собственность другому лицу или, не передавая вещь в собственность, передает часть своих полномочий (право пользования и т. д.). В противном случае речь идет не о распоряжении правом, а о его осуществлении (если можно так сказать — осуществлении права в узком смысле).

Распорядиться можно имущественным, но не личным правом, которое неотделимо от личности, и, следовательно, передать его другому лицу невозможно.

Гражданские процессуальные права неотчуждаемы. Распорядиться ими, как распоряжаются имущественными гражданскими правами, нельзя. Субъективное процессуальное право может быть лишь осуществлено или не осуществлено. Однако был бы неправилен вывод, что применительно к субъективным процессуальным правам нельзя говорить о распоряжении. Распоряжение и здесь имеет место, но осуществляется в одной-единственной форме: отказа от осуществления права. К распорядительным действиям в гражданском процессуальном праве относят изменение иска, отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения, так как в этих случаях заинтересованные лица отказываются полностью или в части от своих процессуальных прав, отка-

¹ См.: М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М., Изд-во социально-экономической литературы, 1960, стр. 204 и след.

² См.: Советское гражданское право. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 265.

³ См.: С. М. Корнеев. Право государственной социалистической собственности. Изд-во Московского университета, 1964, стр. 24; Ю. К. Толстой. Понятие права собственности. — Проблемы гражданского и административного права. Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 189.

зываются полностью или в части от процесса. Поэтому распорядительные действия сторон контролируются судом¹.

Распорядительное действие, если оно принято судом, погашает процессуальное право. В этом отличие распорядительных действий от неосуществления права. Неосуществленное право может быть осуществлено. Например, неосуществление права на предъявление иска не погашает его. Точно так же неосуществление ходатайства об истребовании дополнительных доказательств не погашает этого права. Оно может быть осуществлено в течение всей стадии судебного разбирательства. Если неосуществленное право и прекращается, то вследствие иных юридических фактов, но не волеизъявления субъекта права. Так, право на обжалование судебного решения прекращается с истечением установленного для совершения этого действия процессуального срока.

Таким образом, на движение гражданского процесса влияют как акты осуществления процессуального права (например, обжалование судебного решения), так и акты распоряжения процессуальным правом (отказ от иска). И те и другие составляют содержание принципа диспозитивности.

Принцип диспозитивности определяет движущее начало гражданского процесса. Он — процессуальный принцип, выражающийся в процессуальных правах и обязанностях, в процессуальных правоотношениях. Поэтому за пределы гражданского процессуального права он не распространяется.

Советское гражданское процессуальное право предоставляет сторонам возможность распоряжаться своими материальными правами в течение процесса. Отказ от иска может включать в себя и отказ от материального права. Заключение мирового соглашения может быть результатом отказа стороны от своих материальных прав. Признание иска, если стать на точку зрения С. В. Курылева, может представлять собой гражданско-правовую сделку². Но распоряжение материальным правом не вытекает из принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права. Оно проявление свойства материального права его распоряжаемости. То, что эти действия совершаются в течение процесса, не придает им характера процессуальных действий, ибо они юридические факты не процессуального, а материального права.

Поэтому вводить в содержание принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права распоряжение материальными правами нельзя, так как последнее основывается на свойстве материального, а не процессуального права.

¹ См.: Советский гражданский процесс. Изд-во Московского университета, 1964, стр. 27.

² См.: С. В. Курылев. Объяснение сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М., Госюриздат, 1956, стр. 152—180.

**ПРИНЦИП ДИСПОЗИТИВНОСТИ
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА —
НЕ СЛЕДСТВИЕ ДИСПОЗИТИВНОСТИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ**

В буржуазной правовой теории принцип диспозитивности гражданского процесса рассматривается как прямое следствие диспозитивности гражданского (частного) права. Ценность принципа диспозитивности буржуазные юристы видят в том, что он предоставляет заинтересованным лицам полную свободу в защите своих интересов, которая обеспечивается не столько вмешательством, сколько невмешательством со стороны суда. Суд не имеет права выйти за пределы воли заинтересованных лиц, в то же время он обязан реагировать на волеизъявления сторон. Данное правило выводится из частного характера гражданского права, из того, что государство совершенно не заинтересовано в осуществлении или неосуществлении гражданских прав¹.

Концепция буржуазных юристов не могла быть воспринята советской правовой наукой в силу полной противоположности социалистического общества, основанного на социалистической собственности, буржуазному. «Мы ничего «частного» не признаем, — указывал В. И. Ленин, — для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»². Социалистическое государство принимало энергичные меры к защите интересов трудящихся на всех участках, в том числе и на правовом, активно помогая осуществлению и защите гражданских прав.

Принцип диспозитивности, как один из краеугольных камней построения буржуазного гражданского процесса, выражающий суть буржуазного понимания свободы и святости, неприкосновенности частной собственности, в случае применения его в советском гражданском процессуальном праве, требовал серьезного обоснования.

Отдельные представители правовой науки, ошибочно связывая принцип диспозитивности гражданского процессуального права с частной собственностью, высказывались против диспозитивных начал гражданского процесса и требовали перестройки его на совершенно иных, публичных началах³. Поэтому в первые

¹ См.: Е. В. Васильковский. Учебник гражданского процесса. М., 1914, стр. 9—10.

² В. И. Ленин. Собр. соч., т. 44, стр. 398.

³ См.: А. Малицкий, Основные черты гражданского процесса. — «Вестник Советской Юстиции Украины», 1922, № 1. (Цитирую по журналу «Еженедельник Советской Юстиции», 1922, № 6, стр. 15); С. В. Александровский. Гражданский процесс РСФСР в вопросах и ответах, с разъяснениями НКЮ и Верховного Суда РСФСР, 1927, стр. 7; Л. И. Фишман. Движение гражданского процесса. Харьков, 1926, стр. 12.

годы Советской власти юристы не столько занимались обоснованием принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права, сколько пытались нанести ему удар, рассматривая его как принцип, характеризующий буржуазный гражданский процесс и несовместимый с социалистическим правосудием.

Впервые солидное обоснование принципа диспозитивности в базе ГПК РСФСР 1923 г. было дано А. Ф. Клейнманом и Н. Б. Зейдером.

Следует сразу же отметить, что принцип диспозитивности А. Ф. Клейнманом и Н. Б. Зейдером рассматривается как сочетание двух начал: инициативы сторон и активности суда, прокуратуры и отдельных государственных и общественных организаций¹. Бесспорно, что оба эти начала не могли быть выведены из автономии гражданских прав. Кроме того, как совершенно правильно отмечает Н. Б. Зейдер, гражданский процесс в условиях социалистического государства служит средством защиты не только гражданских, но и других материальных прав, и уже одно это обстоятельство исключает из анализа понятия диспозитивности отсылку к свойствам гражданского права. По мнению Н. Б. Зейдера, «диспозитивность должна быть выведена не из специфики гражданского права, защите которого, в частности, служит гражданский процесс, а из всей совокупности особенностей и характерных черт советского общественного и политического строя»². Именно в силу этого советский закон предоставляет широкие возможности заинтересованным лицам защищать свои права, добиваться получения удовлетворяющего их решения суда. Принцип диспозитивности в советском гражданском процессе означает свободу сторон в защите своих прав и гарантии того, что действительно существующее право будет защищено.

Таким образом, А. Ф. Клейнман и Н. Б. Зейдер социальную ценность принципа диспозитивности видят в предоставлении сторонам широкой возможности проявления инициативы в деле защиты своих материальных прав, вытекающей из советской демократии, а обоснование принципа диспозитивности (с его двуединым началом) усматривают в сочетании интересов личности общества³.

¹ См.: Ученые записки Московского юридического института НКЮ СССР, выпуск 1. М., 1939, стр. 93—100.

² Н. Б. Зейдер. Рецензия на книгу В. К. Пучинского «Признание стороны в советском гражданском процессе». — «Советское государство и право» 1956, № 5, стр. 141.

³ Следует отметить, что первоначально А. Ф. Клейнман принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права выводил непосредственно из права личной собственности. Советская диспозитивность рассматривалась им как институт общий для гражданского права и процесса (см. Ученые записки Московского юридического института НКЮ СССР, выпуск

Выводы А. Ф. Клейнмана и Н. Б. Зейдера являются серьезным достижением советской правовой науки. Они обосновали социальную ценность принципа диспозитивности в советском гражданском процессуальном праве, показали его истоки. Но этим была решена одна сторона проблемы. Другая — механизм и пределы действия принципа диспозитивности — осталась нерешенной.

В теории советского гражданского процессуального права начались поиски более конкретного источника принципа диспозитивности. Увидели его в особенностях гражданских прав. Этот взгляд в настоящее время стал преобладающим. М. А. Гурвич прямо указывает, что принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права есть отражение особенностей гражданского права. Принцип диспозитивности выводится из автономного характера гражданских прав¹. Такого же взгляда придерживается И. Жеруолис, но он идет еще дальше, связывая с диспозитивностью гражданских прав не только свободу распоряжения процессуальными правами, но и активность в процессе суда, прокурора, органов государственного управления и общественных организаций, выступающих в защиту прав других лиц. «Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права, — пишет он, — обусловлен спецификой гражданских субъективных прав, заключающейся в определенной свободе распоряжения ими. Если лицо располагает правом свободно в пределах закона распоряжаться гражданскими правами, то и в процессуальной форме это лицо должно иметь свободу распоряжения субъективными материальными и процессуальными правами. Так, согласно ст. 24 Основ гражданского судопроизводства истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований или отказаться от иска, а ответчик вправе признать иск. Стороны могут окончить дело мировым соглашением. Этим, однако, не исчерпывается содержание принципа диспозитивности. Согласно этой же ст. 24 Основ советский суд может и не принять отказ истца от иска, не принять признание иска ответчиком и не утвердить мирового соглашения сторон, если эти действия противоречат закону или нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы. Прокуратура и некоторые другие органы государственного управления, общественные организации и отдельные граждане в предусмотренных законом случаях вправе выступать на защиту прав других лиц.

М., 1939, стр. 93—100). В последующих работах принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права выводится им не из особенностей гражданского права, а из советского социалистического демократизма (см.: Учебник гражданского процесса. Изд-во Московского университета, 1954, стр. 66).

¹ См.: Советский гражданский процесс. М., «Высшая школа», 1967, стр. 35.

Такое содержание принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права обусловлено содержанием принципа диспозитивности советского гражданского права. Так, по советскому гражданскому праву обязательства должны исполняться не по усмотрению сторон, а, как правило, надлежащим образом, в установленный срок и в соответствии с указаниями закона, акта планирования, договора, при отсутствии же таких указаний — в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями. Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение условий договора не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законом (ст. 33 Основ гражданского законодательства). Кроме того, по советскому гражданскому праву обязательства, вытекающие из договора, как правило, должны быть исполнены реально, и должник не вправе по своему усмотрению заменить исполнение всякого материального обязательства денежным эквивалентом. В некоторых случаях стороны даже обязаны заключить между собой гражданскоправовой договор, как это, например, имеет место в отношениях закупки сельскохозяйственной продукции, где стороны (хозяйства и заготовители) обязаны к установленному нормативным актом сроку заключить между собой договор контрактации в соответствии с планом государственных закупок сельскохозяйственной продукции (п. 3 Положения о порядке заключения и исполнения договоров контрактации сельскохозяйственной продукции, утвержденного приказом Государственного комитета заготовок Совета Министров СССР от 6 января 1966 г. № 1).

Таким образом, содержание принципа диспозитивности советского гражданского права определяет содержание принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права, а тем самым и содержание исковой формы гражданского процесса, в котором применяются нормы гражданского права¹.

Против взгляда, связывающего принцип диспозитивности гражданского процессуального права с принципом диспозитивности гражданского права, можно привести довод, выдвинутый Н. Б. Зейдером: гражданский процесс представляет собой форму защиты не только гражданских прав, и, следовательно, принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права не может быть выведен из автономного характера гражданских прав.

Одновременно следует обратить внимание на несостоятельность мнения о какой-то отличительной диспозитивности субъективных гражданских прав. Во-первых, ничем не ограниченной свободы распоряжения субъективными гражданскими правами нет ни у граждан, ни тем более у социалистических организаций, что, в

¹ И. Жерулис. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, «Минтис», 1969, стр. 87—88.

частности, выражается в специальной правоспособности. Во-вторых, распоряжаемость характерна не только для гражданских, но и других материальных прав. Поэтому в качестве принципа гражданского права диспозитивность (или автономия) не указывается¹. Суть гражданскоправового метода регулирования, как указывает С. С. Алексеев, состоит в том, «что Советское государство ставит участников общественных отношений в принципиально равное, одинаковое исходное юридическое положение. Поэтому гражданскоправовое регулирование характеризуется не односторонним воздействием одной стороны на другую, а взаимным **урегулированием** тех или иных вопросов, широким применением методов **соглашения**, всестороннего учета воли и интересов участников отношений»².

Учитывая слабые стороны концепции сторонников признания принципа диспозитивности отражением автономного характера гражданских прав, отдельные авторы рассматривают принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права как отражение диспозитивного характера вообще всех субъективных материальных прав, а не только гражданских. «Диспозитивность процессуальных прав сторон, — пишет П. П. Гуреев, — предопределяется диспозитивностью гражданских и других субъективных материальных прав. Неотъемлемым свойством любого субъективного права является свобода распоряжения этим правом. Советские граждане свободно распоряжаются принадлежащими им субъективными правами — гражданскими, трудовыми и т. п.»³.

Совершенно справедливо П. П. Гуреев утверждает, что свобода распоряжения является неотъемлемым свойством любого субъективного права. Субъективное право тем и отличается от обязанности, что предполагает возможность его осуществления или неосуществления⁴. Там, где нет свободы выбора (осуществлять или не осуществлять), там нет субъективного права, а его место занимает субъективная обязанность.

Но если это так, зачем связывать свободу распоряжения субъективными процессуальными правами с свободой распоряжения субъективными материальными правами. Ведь субъективные права в самих себе содержат диспозитивное начало, и диспози-

¹ См.: С. Н. Брагусь. Предмет и система советского гражданского права. М., «Юридическая литература», 1963, стр. 143.

² С. С. Алексеев. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. М., Государственное издательство юридической литературы, 1962, стр. 89.

³ П. П. Гуреев. Защита личных и имущественных прав. М., «Наука», 1964, стр. 10; Демократические основы советского социалистического правосудия. М., «Наука», 1965, глава IV (написана П. П. Гуреевым).

⁴ См.: О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. М., Государственное издательство юридической литературы, 1961, стр. 224—225.

тивность гражданских процессуальных прав незначителен и не исходит из диспозитивности материальных прав.

Субъективные процессуальные права вытекают из демократических основ нашего строя. Всегда, когда есть необходимость предоставления простора личной инициативе, лицо наделяется субъективным правом, ибо субъективное право по своей социальной сущности есть свобода, гарантированная правовыми средствами¹. «Вот почему развитие социалистической демократии связано с расширением субъективных прав граждан, с усилением их гарантий»².

Таким образом, концепция, связывающая диспозитивность гражданских процессуальных прав с диспозитивностью материальных субъективных прав, считающая диспозитивность гражданских процессуальных прав отражением диспозитивности материальных прав, обнаруживает свою несостоятельность. Она не может дать ничего для раскрытия механизма принципа диспозитивности и определения границ его применения³.

Мы подошли вплотную к необходимости рассеять бытующее в теории советского гражданского процессуального права заблуждение, будто бы принцип диспозитивности — это свобода распоряжения материальными и процессуальными правами. Здесь имеет явное смешение диспозитивного характера субъективных процессуальных прав (как, впрочем, и других субъективных прав) и принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права.

Во-первых, как уже было отмечено, диспозитивность — свойство любого субъективного права. Субъективное право закрепляет за управомоченным лицом свободу и самостоятельность⁴. Свобода сопутствует субъективному праву независимо от того, обязано ли оно своим возникновением диспозитивной или императивной норме права.

Во-вторых, принцип диспозитивности советского гражданского

¹ См.: Г. В. Мальцев. Социалистическое право и свобода личности. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 45.

² С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 139.

³ Понимая это обстоятельство, Ж. Сталев обосновывает принцип диспозитивности в болгарском гражданском процессуальном праве не только особенностью гражданского права, но и особым положением суда. «Эта роль, — указывает Ж. Сталев, — трудно совместима с возбуждением дела по его (суда. — Р. Г.) инициативе, с изменением предмета процесса или же его продолжением вопреки отказу стороны от этой защиты. При таком почине орган защиты лишился бы качества третьего лица и превратился бы в сторону, которая выступает наряду с лицом, чье право в состоянии спора с другой стороной» (Д. Силяновски, Ж. Сталев. Гражданский процес, т. 1. София Държавно издателство «Наука и искусство», 1958, стр. 78).

⁴ См.: С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 138.

го процессуального права не вытекает из диспозитивного характера гражданских процессуальных прав. При такой посылке пришлось бы признать наличие этого принципа (причем как ведущего) во всех отраслях материального и процессуального права, ибо нет таких отраслей, где бы не было субъективных прав. В частности, пришлось бы признать существование этого принципа в уголовном процессуальном праве, так как субъекты уголовных процессуальных правоотношений обладают процессуальными правами и свободно ими распоряжаются.

Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права — это нашедшая в совокупности процессуальных норм возможность (право) материально (лично) заинтересованного лица влиять на движение гражданского процесса. Очевидно, что такой принцип может быть характерен только для процессуального права и, на наш взгляд, во всех случаях, когда речь идет о разрешении материальноправового спора, возникающего из любых материальноправовых отношений, а не только из гражданскоправовых в широком (или узком) смысле¹.

Поэтому взгляд на принцип диспозитивности как отражение диспозитивного характера гражданских прав сужает сферу применения этого принципа. Неправильно считать, что советское гражданское процессуальное право — это форма жизни только гражданского права, а рассмотрение в форме гражданского судопроизводства других дел — это лишь приспособление ее к рассмотрению инородных дел.

Гражданский процесс в его различных модификациях (арбитражный процесс и т. д.) есть единственная научно обоснованная и соответствующая характеру материальных прав форма разрешения материальноправовых споров. Защита субъективных прав и охраняемых законом интересов в советском гражданском процессе не может быть построена на иных, кроме принципа диспозитивности, началах. Это, между прочим, подтверждается действием принципа диспозитивности (в различных модификациях) во всех трех видах гражданского судопроизводства: исковом, производстве по делам, возникающим из административноправовых отношений, и в делах особого производства.

§ 4.

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ВОЛИ ЛИЦА ИНТЕРЕСОМ — ПРЕДПОСЫЛКА ПРИНЦИПА ДИСПОЗИТИВНОСТИ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Деятельность Советского государства направлена на удовлетворение потребностей советского народа. Как самое демократи-

¹ См.: В. П. Воложанин, А. Ф. Козлов, К. И. Комиссаров, Ю. К. Осипов. Некоторые вопросы развития гражданского процессуального

ческое за всю историю развития человечества, Советское социалистическое государство создает все необходимые условия для всемерного развития личности¹. Удовлетворение личных интересов — конечная цель социалистического государства, ибо социализм и коммунизм «утверждают человека как величайшую ценность среди всех ценностей мира»². Все остальное выступает как средство достижения этой цели.

Среди различных средств удовлетворения личных интересов важное место занимает личная инициатива заинтересованных лиц. Поэтому всемерное развитие личной инициативы — важная задача социалистического государства. В. И. Ленин указывал, что необходимо оказывать гражданам «юридическую» помощь, состоящую в том, чтобы «научить их (и помочь им) воевать за свое право по всем правилам законной в РСФСР войны за права»³.

Личная инициатива выступает движущим началом гражданского процесса. Стоящая перед социалистическим государством задача — создать необходимые условия для удовлетворения личных интересов — диктует необходимость такого построения процесса, при котором личной инициативе был бы предоставлен широкий простор. Объясняется это довольно просто.

Интересы личности существуют объективно, независимо от осознания их носителем. Будучи осознанными, интересы служат стимулом к действию. Следовательно, воля лица в конечном итоге обусловлена его интересами. Иными словами, лицо, ставя цель и добиваясь ее, руководствуется своими интересами. Перед социалистическим государством, глубоко демократическим по своей сущности, стоит та же цель — способствовать удовлетворению законных интересов личности. Но если воля лица есть способ (средство) удовлетворения интереса, а государство преследует цель удовлетворения законных интересов личности, то всемерное развитие личной инициативы есть средство достижения этой цели. Принцип диспозитивности находит свое обоснование в обусловленности воли лица его интересом, вследствие чего личная инициатива всемерно поощряется социалистическим государством. Развитие принципа диспозитивности — это всемерное использование в советском гражданском процессуальном праве мощного рычага личной инициативы в целях защиты интересов граждан и социалистических организаций.

права. — «Вопросы социалистического государства и права». Свердловск, 1967, стр. 287. Весьма показательна в этом отношении концепция югославских административистов, рассматривающих принцип диспозитивности как характерное начало административного процесса (см.: С. Попович. Административное право. Общая часть. Перевод с сербохорватского. М., «Прогресс», 1968).

¹ См.: Г. В. Мальцев. Социалистическое право и свобода личности. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 16.

² А. Ф. Шишкин. Человек как высшая ценность. — «Вопросы философии», 1965, № 1, стр. 9.

³ В. И. Ленин. Собр. соч., т. 53, стр. 149.

Обусловленность воли лица интересом ставит и предел использованию принципа диспозитивности: он правомерен там и постольку, где и постольку речь идет о защите личного интереса. Поэтому уголовный процесс в социалистическом государстве не может быть построен на принципе диспозитивности, так как цель его — наказание преступника, то есть превалирует общественный интерес.

В классической форме в уголовном процессе принимают участие потерпевший и обвиняемый. Если поставить движение уголовного процесса в зависимость от воли потерпевшего, то последний во многих случаях не будет требовать возбуждения уголовного преследования, когда преступником ликвидированы последствия совершения преступления. По этим же причинам потерпевший может требовать прекращения уголовного производства. Но тогда уголовный процесс не достигнет своей цели — наказания преступника.

Лишь в том случае, когда общественная опасность деяния незначительна и превалирует личный интерес потерпевшего, возбуждение процесса ставится в зависимость от его воли. Но и в этих случаях, как и в делах частного публичного обвинения, государство берет инициативу возбуждения дела в свои руки, если этого требует защита общественного интереса.

Отмечая, что уголовный процесс не может строиться на диспозитивных началах, надо обратить внимание, что элементы диспозитивности имеются и в уголовном процессе. Диспозитивность проявляется там и постольку, где и постольку речь идет о защите личного интереса. Так, диспозитивность проявляется в праве потерпевшего, гражданских истца и ответчика, подсудимого влиять на движение уголовного процесса в целях защиты своих интересов (например, право кассационного обжалования приговора суда)¹.

§ 5.

ВОЛЯ МАТЕРИАЛЬНО (ЛИЧНО) ЗАИНТЕРЕСОВАННОГО ЛИЦА — ДВИЖУЩЕЕ НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Как уже было отмечено, принцип диспозитивности означает зависимость движения гражданского процесса от воли материально (лично) заинтересованного лица, которая выражается, во-первых, в том, что процесс возникает по воле материально (лично) заинтересованного лица. Точно так же и прекращение производства по делу, если нет нарушения условий обращения в суд, может иметь место только по его воле.

Далее, от воли материально (лично) заинтересованного лица зависит переход гражданского процесса из одной стадии в дру-

¹ М. С. Строгович. Курс уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., «Наука», 1968, стр. 156.

гую. Наконец, материально (лично) заинтересованное лицо определяет ответчика по делу, а также предмет и основание иска и может их изменить.

Процессуальные действия материально (лично) заинтересованных лиц автоматически не влекут возникновения или прекращения гражданских процессуальных правоотношений. Для этого необходимы процессуальные действия суда. Но в том случае если в действиях материально (лично) заинтересованного лица не усматривается нарушения закона, суд **обязан** их принять, dati зависимость от характера требований этого лица.

Проследим подробнее, в чем выражается зависимость движения гражданского процесса от воли материально (лично) заинтересованных лиц применительно к каждой из перечисленных групп процессуальных действий.

Воля материально (лично) заинтересованного лица и возбуждение гражданского процесса

Всякое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права или охраняемого законом интереса (ст. 3 ГПК РСФСР).

К заинтересованным в первую очередь относятся лица, имеющие к процессу материально-правовой интерес. Суд не может отказать в возбуждении процесса, если налицо предпосылки права на обращение в суд и лицо **изъявляет волю** на возбуждении процесса.

Гражданское процессуальное право предоставляет прокурору, органам государственного управления, социалистическим организациям и отдельным гражданам право в предусмотренных законом случаях предъявлять иски в защиту прав других лиц (ст. 4 ГПК РСФСР). Данное правило, выражая наряду с другими нормами гражданского процессуального права принцип активной помощи в защите права, имеет своей целью оказание помощи лицам, которые по самым различным основаниям не могут защитить своих интересов. Принцип активной помощи в защите права **дополняет** принцип диспозитивности с целью на более полного обеспечения защиты интересов граждан и социалистических организаций, но **не противостоит** последнему. Поэтому коллизионные вопросы должны решаться в пользу принципа диспозитивности.

Во-первых, это означает, что обращаться в суд в интересах других лиц могут только те органы государственного управления и общественные организации, кому это право предоставлено. При сомнительности такого права вопрос решается в пользу

принципа диспозитивности, то есть признается, что организация такого права не имеет.

В частности, это относится к праву товарищеских судов предъявлять иски о выселении по мотивам систематического нарушения правил социалистического общежития. В положениях о товарищеских судах союзных республик не сказано, что последние имеют право предъявлять в суде иски о выселении лиц, нарушающих правила социалистического общежития, а сказано лишь, что они возбуждают вопрос о выселении таких лиц¹. Поскольку в тексте статьи нет прямых указаний о предоставлении товарищеским судам такого полномочия, следует признать, что его у товарищеских судов нет². В свою очередь, передача гражданского дела в товарищеский суд народным судом, принявшим его к своему производству, может иметь место лишь при согласии истца, а в некоторых случаях и обеих сторон³.

Во-вторых, процесс не может быть возбужден вопреки воле материально (лично) заинтересованного лица. Данное правило проявляется в следующем: материально (лично) заинтересованное лицо может не желать возбуждения судебного процесса в связи с тем, что обращается за разрешением спора в третейский или товарищеский суд или в комиссию по рассмотрению трудовых споров, если лицо освобождено от работы без согласия ФЗМК) и т. д.⁴. В этих случаях ни прокурор, ни орган государственного управления, ни общественные организации, которым предоставлено право на обращение в суд в целях защиты прав других лиц, не имеют права обращаться в судебный орган. Судебный процесс не возникает в связи с тем, что материально (лично) заинтересованное лицо не проявляет воли к его возбуждению.

Материально (лично) заинтересованное лицо может вообще не желать возбуждения процесса ни в одном из правоохранительных органов. В этом случае ни прокурор, ни органы государственного управления не должны предъявлять иски в защиту интересов этого лица. Необходимо отличать **неумеющего от нежела-**

¹ См.: Положение о товарищеских судах, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г., п. 7, ст. 15.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 апреля 1965 г. «О практике передачи судами дел и материалов на рассмотрение товарищеских судов». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 3, стр. 9; см. также: М. А. В и к у т. Стороны — основные лица искового производства. Изд-во Саратовского университета, 1968, стр. 47—50.

³ См.: Е. И. Ф и л и п п о в. Гражданские процессуальные вопросы деятельности товарищеских судов. — «Вопросы советского государства и права». Материалы Северо-Кавказской научной конференции. Ростов-на-Дону, 1968, стр. III; Е г о ж е. Передача народным судом гражданских дел на рассмотрение товарищеских судов. — «Советская юстиция», 1969, № 7, стр. 11.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1964 г. «О судебной практике рассмотрения дел о восстановлении на работе лиц, уволенных без согласия фабричного, заводского, местного комитета профессионального союза». — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 4, стр. 10.

ющего отстаивать свое право¹. Неумеющему надо помочь. Если лицо в силу заблуждения либо злоупотребления (когда речь идет об органах государственных и общественных организаций) не прибегает к судебной защите, прокурор, и соответствующие органы, которым предоставлено право обращаться в судебные органы за защитой интересов других лиц, должны оказать ему помощь, обратиться в суд в его интересах. Но если нет никаких внешних факторов, которые бы парализовали волю материально (лично) заинтересованного лица, и последнее возражает против возникновения процесса, то предъявлять иск было бы нецелесообразным, оно было бы неоправданным ограничением воли материально (лично) заинтересованного лица.

Поэтому правильно в теории гражданского процессуального права и судебной практике придерживаются мнения, что прокурор не имеет права предъявлять иски о расторжении брака², ибо только от воли супругов может зависеть возбуждение бракоразводного процесса. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик и гражданские процессуальные кодексы союзных республик такого запрета не содержат, но он вытекает из существа принципа диспозитивности и особенностей этой области общественных отношений³. Лишь в том случае, когда расторжение брака осуществляется в интересах недееспособного лица, не отдающего отчета своим действиям, право на обращение в суд должно быть предоставлено другим лицам (опекуну, прокурору и т. д.)⁴.

Не согласуется с принципом диспозитивности установление таких оснований к отказу в принятии искового заявления, при котором ограничивается возможность обращения в суд. В связи с этим вызывают возражения попытки расширить основания к отказу в принятии искового заявления отнесением к ним отсутствия спора о праве и слишком широко понимаемого неправового характера спора.

Цель конкретного гражданского процесса заключается в разрешении гражданско-правового спора и защите субъективных материальных прав или охраняемых законом интересов. Кроме

¹ См.: Ученые записки Московского юридического института НКЮ СССР, выпуск 1. М., Юридическое изд-во НКЮ СССР, 1939, стр. 88.

² Такого же мнения придерживаются в теории гражданского процессуального права некоторых европейских социалистических государств. См.: «Ежегодник». Венгрия, 1967, Изд. «Паннония», стр. 165; Зденек Чешка. Новая правовая регуляция Чехословацкого гражданского процесса. — «Бюллетень Чехословацкого права», 1965, № 3/4, стр. 181.

³ См.: А. Ф. Клейман. Гражданские процессуальные кодексы об участии прокурора в гражданском процессе. — «Социалистическая законность», 1965, № 12, стр. 16; В. А. Рясенцев. Семейное право. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 116.

⁴ См.: В. К. Пучинский. Кодексы о браке и семье и вопросы гражданского судопроизводства. — «Советская юстиция», 1969, № 3, стр. 21.

того, процесс имеет большое воспитательное значение. Он призван убедить граждан в необходимости определенного поведения, воздействовать на граждан в целях добровольного исполнения ими обязанностей и отказа от необоснованных претензий. Поэтому вопрос о необходимости обращения в суд должны решать сами граждане.

В теории гражданского процессуального права и практике судебных органов неправовой характер спора толковали слишком широко, понимая под ним требования, не основанные на нормах материального права. Такое понимание правовой обоснованности требования, служащей основанием к отказу в принятии искового заявления, игнорирует воспитательную роль судебного процесса и волевой момент в понятии спора о праве.

Спор о праве свидетельствует, что между сторонами нет согласия: одна сторона считает, что у нее есть субъективное материальное право, другая оспаривает его существование. Суждение об отсутствии субъективного права может основываться на двух моментах. Во-первых, должник может оспаривать существование субъективного права кредитора, ссылаясь на отсутствие юридических фактов, породивших, по мнению кредитора, его (кредитора) право. В подтверждение этого обстоятельства должник может ссылаться на то, что эти факты вообще не возникали или же их сила погашена исполнением обязанности или иными факторами. В этом случае речь идет о фактической необоснованности требования. Во-вторых, должник может, не отрицая существования фактов, на которых истец обосновывает свои иски требования, оспаривать наличие правовой нормы, связывающей с этими фактами юридические последствия. Во втором случае имеется в виду правовая необоснованность требования.

Оба эти момента могут быть предметом спора. Для того чтобы устранить спорность отношений между сторонами, необходимо судебное решение. Поэтому правовой характер спора налицо, когда речь идет о защите имущественного интереса. Суд должен установить как фактическую, так и правовую обоснованность требования. Отсутствие любой из них служит основанием к отказу в иске. Неправовыми можно именовать лишь такие споры (но не имущественные требования, ибо последние всегда носят правовой характер), когда речь идет об отношениях, не регулируемых нормами права (теоретические, технические вопросы)¹.

Тем более нельзя придавать спору о праве объективный характер, начисто отрицая в нем субъективный момент. Такая попытка в последнее время сделана Е. Г. Пушкаром, который полагает, что в случае удовлетворения ответчиком требований истца, спорность материального правоотношения ликвидируется и по этой причине производство по делу прекращается, хотя бы ис-

¹ См. главу третью настоящей работы.

тец и не отказывался от иска¹. Но спорность правоотношения (если оно существует) является следствием спора о праве, разномыслия, объективирующегося в неисполнении обязанности. Подтверждение исполнения обязанности еще не говорит о том, что процесс стал бессмысленным. Коль скоро истец не отказывается от иска, суд должен рассмотреть дело и вынести решение. Исполнение должником обязанности свидетельствует лишь о том, что требование истца стало необоснованным и в иске следует отказать.

Если исходить из взглядов Е. Г. Пушкар, то придется признать, что судья по мотивам отсутствия спора о праве должен отказать в принятии искового заявления в связи с тем, что ответчик представил убедительные, на его взгляд, доказательства исполнения своей обязанности. Но этого бесспорно недостаточно для признания отсутствия спора о праве. Необходимо, чтобы истец убедился в необоснованности своих требований. Тогда он откажется от предъявления иска. В противном случае лицо обращается в суд с иском заявлением, а судья обязан принять его и возбудить производство по делу. Это требование принципа диспозитивности.

Воля материально (лично) заинтересованного лица и переход процесса из одной стадии в другую

Проявлением принципа диспозитивности является право материально (лично) заинтересованного лица обжаловать судебное решение и тем самым возбудить процесс в суде второй инстанции.

От воли материально (лично) заинтересованного лица зависит возбуждение процесса по пересмотру решения, вступившего в законную силу, по вновь открывшимся обстоятельствам. Как бы ни был незначителен процент пересмотра решений по вновь открывшимся обстоятельствам, этот демократический институт должен оставаться в советском гражданском процессуальном праве. Нельзя согласиться с высказываниями в теории гражданского процессуального права, что функции данного института полностью выполняет институт пересмотра решений в порядке надзора².

Различие указанных институтов в интересующем нас аспекте заключается в том, что возбуждение надзорного производства не связывается с волей материально (лично) заинтересованных лиц³, хотя, как уже было отмечено, толчком, импульсом во мно-

¹ См.: Е. Г. Пушкар. Окончание гражданских дел без вынесения решения в исковом производстве. Автореферат кандидатской диссертации. Харьков, 1968, стр. 10.

² См.: В. П. Воложанин, А. Ф. Козлов, К. И. Комиссаров, Ю. К. Осипов. Некоторые вопросы развития гражданского процессуального права, стр. 284.

³ П. Я. Трубников, Надзорное производство по гражданским делам М., «Юридическая литература», 1967, стр. 14 и след.

гих случаях служит их инициатива. Производство по вновь открывшимся обстоятельствам может быть возбуждено на основании волеизъявления материально (лично) заинтересованных лиц. Следовательно, данный институт выражает принцип диспозитивности и не может быть поглощен институтом пересмотра решений в порядке надзора.

По воле взыскателя возникает исполнительное производство. В соответствии со ст. 340 ГПК РСФСР исполнительный лист выдается взыскателю на руки после вступления решения в законную силу. По просьбе взыскателя исполнительный лист может быть направлен для исполнения непосредственно судом. Лишь в некоторых случаях, затрагивающих интересы государства и особо важные интересы граждан, исполнительный лист обращается судом ко взысканию без просьбы взыскателя. Однако из этого не следует, что исполнительный лист о взыскании в пользу гражданина обращается к взысканию вопреки его воле. Если взыскатель потребует передачи исполнительного листа ему на руки, суд обязан сделать это, не обращая исполнительный лист к исполнению.

Воля материально (лично) заинтересованного лица и прекращение производства по делу

Все основания для прекращения производства по делу можно разделить на две группы. К первой группе следует отнести основания, не связанные с волеизъявлением материально (лично) заинтересованного лица: отсутствие объективных предпосылок права на обращение в суд (п.п. 1, 2, 3 ст. 219 ГПК РСФСР) или обстоятельства, возникшие в течение процесса, но не зависящие от воли материально (лично) заинтересованных лиц (п. 8 ст. 219 ГПК РСФСР). Ко второй — основания, связанные с волеизъявлением материально (лично) заинтересованных лиц. Это основания, перечисленные в п.п. 4, 5, 6, 7-ст. 219 ГПК РСФСР, которые, в свою очередь, могут быть разделены на две подгруппы. Первая подгруппа: основания, связанные с волеизъявлением материально (лично) заинтересованных лиц, выраженным до возникновения процесса (п.п. 6, 7 ст. 219 ГПК РСФСР). Вторая — основания, связанные с волеизъявлением материально (лично) заинтересованных лиц в течение процесса (п.п. 4 и 5 ст. 219 ГПК РСФСР).

В соответствии с принципом диспозитивности советское гражданское процессуальное право предусматривает, что гражданский процесс не может быть прекращен вопреки воле материально (лично) заинтересованного лица (истца), если нет объективных оснований для прекращения производства по делу. Если отсутствовали объективные предпосылки права на обращение за судебной защитой, отсутствовало право на предъявление иска,

волеизъявление лица (обращение в суд) не может его возместить, ибо волеизъявление на обращение в суд есть средство реализации права и предполагает наличие последнего. Отсутствие права на обращение в суд лишает волеизъявление лица характера юридического факта процессуального права. Но если процесс возник правомерно, он не может быть прекращен без согласия истца.

Правовой формой волеизъявления истца, направленного на прекращение гражданского процесса, является отказ от иска.

Отказ от иска является распорядительным процессуальным действием: истец отказывается от судебного решения. Мотивы, побудившие истца отказаться от иска, могут быть различны: убеждение истца в необоснованности исковых требований, исполнение должником обязанности в течение процесса, фактическое примирение сторон, прощение долга (отказ от материальных прав). Суд обязан принять отказ истца от иска, если он является следствием свободного волеизъявления, и прекратить производство по делу.

В связи с тем что вопреки воле истца не может быть прекращено производство по делу, отказ от иска прокурора, органа государственного управления или социалистических организаций, предъявивших иск в интересах истца, не может служить основанием для прекращения производства по делу, если истец против этого возражает¹.

Если отказывается от иска истец, то отказ от иска прокурора, органа государственного управления и социалистической организации, предъявивших иск в интересах истца, как и их настаивание на рассмотрении дела по существу самостоятельного процессуального значения не имеют. Данные действия следует рассматривать как мнение участвующих в деле лиц по вопросу принятия судом отказа истца от иска, которое ориентирует суд на более глубокое обсуждение вопроса о принятии отказа истца от иска или, напротив, способствует его принятию². Иными словами, отказ истца от иска нейтрализует юридическую силу отказа от иска других участвующих в деле лиц. Отказ от иска указанных лиц свидетельствует лишь о том, что они считают иск необоснованным и не желают его поддерживать. Принимая отказ от иска, суд может освободить их от участия в деле. Однако может и ос-

тавить в процессе, если сочтет нужным их участие в процессе с целью дачи заключения по делу.

Этот вывод основывается на том, что гражданские процессуальные кодексы союзных республик не предусматривают такого основания для прекращения производства по делу, как отказ прокурора, органа государственного управления и других социалистических организаций, предъявивших иск в интересах истца. В соответствии с п. 4 ст. 219 ГПК РСФСР суд прекращает производство по делу лишь в случае отказа истца от иска. В противном случае процесс продолжается с вынесением судебного решения.

В том случае, когда истец фактически в процесс не вступает и не изъявляет воли на продолжение или прекращение процесса, а прокурор, орган государственного управления или социалистическая организация, предъявившие иск в интересах истца, от иска отказываются, суд должен оставить иск без рассмотрения, чтобы за истцом сохранилось право повторного обращения в суд с тем же иском. Лишение такого права лица, в чьих интересах был заявлен иск и которое не принимало фактического участия в деле, противоречит принципу диспозитивности. На это обстоятельство совершенно правильно обратил внимание К. Комиссаров¹. Однако мы не согласны с его мнением, что в указанной ситуации суд должен прекратить производство по делу.

Как уже было отмечено, ГПК РСФСР и других союзных республик не содержат указаний, что в этих случаях производство по делу должно быть прекращено. Следовательно, нет нормативно закрепленного правила, которое бы сковывало теоретическое решение вопроса. Наиболее правильно с точки зрения теории было бы оставление иска без рассмотрения, так как в этом случае сохраняется возможность повторного предъявления иска. Поэтому в ст. 221 ГПК РСФСР необходимо внести дополнение, предусмотрев возможность оставления иска без рассмотрения в тех случаях, когда прокурор или иное участвующее в деле лицо отказывается от иска, а истец не изъявляет своей воли ни на продолжение, ни на прекращение процесса.

Следует отметить, что регулирование в настоящее время отказа истца от дальнейшего ведения процесса не согласуется полностью с принципом диспозитивности и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Дело в том, что истец не может взять свой иск обратно, не отказавшись от материального права, а это стесняет его свободу в использовании судебной защиты. Принятие судом отказа истца от иска не лишает его права на повторное предъявление иска лишь в том случае, если иск вытекает из для-

¹ См.: К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение. — «Социалистическая законность», 1967, № 9, стр. 45.

¹ См.: Ст. ст. 41 и 42 ГПК РСФСР.

² На наш взгляд, нет никакой необходимости в построении сложных юридических конструкций для решения коллизий, возникающих при различном подходе к отказу от иска истца и других участвующих в деле лиц, предъявивших иск в его интересе (см.: В. М. Семенов. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права. — Сборник ученых трудов, выпуск 4. Свердловск, 1964, стр. 346; К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение. — «Социалистическая законность», 1967, № 9, стр. 44—45).

щихся правоотношений (например, споры по поводу взыскания алиментов и т. п.). Если же спор вытекает не из длежащего правоотношения, то отказ от иска лишает истца права на обращение в суд по поводу того же требования. Однако после предъявления иска могут возникнуть такие обстоятельства, которые делают нецелесообразным рассмотрение в данное время судом дела, и истец стоит перед выбором, отказаться ли ему от иска (то есть и от материального права) или прибегнуть все же к судебной защите, хотя последняя в настоящее время нежелательна.

Для разрешения этой коллизии, на наш взгляд, необходимо расширить перечень оснований для оставления судом иска без рассмотрения, признав таковыми не только обстоятельства, существующие объективно, но и волеизъявления истца. Ему должно быть предоставлено право взять свой иск обратно, что будет означать отказ истца от ведения процесса, но не от материального права¹. За истцом сохраняется право предъявления тождественного иска.

Такие же последствия, на наш взгляд, наступают при отказе истца от судебного разбирательства с целью обращения в комиссию по рассмотрению трудовых споров или в товарищеский суд. Этот вопрос не урегулирован ГПК РСФСР. Рассматривать в этом случае действия истца как отказ от иска (от права на судебную защиту) неправильно, ибо истец не отказывается от судебной защиты вообще, а лишь в связи с обращением в соответствующие органы защиты прав. Возможно, что он не обратится в эти органы по каким-либо причинам и ему не может быть отрезан путь к судебной защите. Поэтому, регулируя этот вопрос, советское гражданское процессуальное законодательство должно исходить из принципа диспозитивности, суть которого сводится к предоставлению материально (лично) заинтересованному лицу широкой возможности прибегнуть к судебной защите и влиять на движение гражданского процесса.

Другой правовой формой волеизъявления материально (лично) заинтересованных лиц на прекращение гражданского процесса служит мировое соглашение сторон. Оно представляет собой договор об условиях прекращения спора.

Сторонам в процессе принадлежит право на заключение мирового соглашения, поэтому суд не имеет права игнорировать волю сторон на заключение мирового соглашения и продолжать

¹ Такой институт существует в гражданском процессуальном законодательстве ГДР. См.: Das Zivilprozeßrecht der DDR. Berlin, Erster Band, 1957, S. 394.

В литературе по советскому гражданскому процессуальному праву имеются вполне обоснованные высказывания о необходимости введения такого правила в советское гражданское процессуальное законодательство (см. Н. Елизаров. Предупредительная работа суда. — «Социалистическая законность», 1968, № 2, стр. 55).

процесс с вынесением судебного решения. Суд обязан обсудить мировое соглашение сторон и принять его, если оно не противоречит закону и не нарушает прав и интересов третьих лиц.

Распорядительные действия материально (лично) заинтересованные лица совершают и в исполнительном производстве. В соответствии со ст. 364 ГПК РСФСР взыскатель может отказаться от взыскания, взыскатель и должник могут заключить мировое соглашение. В этих случаях суд прекращает исполнительное производство.

Отказ от взыскания и заключение мирового соглашения в исполнительном производстве отличаются от совершения одноименных действий при разбирательстве дела тем, что в исполнительном производстве процессуальные действия всегда соединены с материальноправовыми действиями: отказом от материального права или изменением его. Объясняется это тем, что судебным решением, вступившим в законную силу, подтверждается наличие у взыскателя субъективного материального права. Отказ от взыскания и мировое соглашение немыслимы без отказа от материальных прав или же их изменения¹.

Исполнительное производство предоставляет взыскателю больший простор для проявления инициативы, чем производство в суде первой инстанции. Как уже было отмечено, советское гражданское процессуальное право не знает института взятия иска обратно. Ему известен лишь один институт — отказ от иска, который включает в себя наряду с отказом от судебного процесса и отказ от материального права. Отказ от иска не означает отказа от материального права лишь в тех случаях, если такого права у истца не было или же правоотношения, из которых возник спор, носят длежащий характер. Избрать же форму отказа от судебной защиты, не связанную с отказом от материальных прав, истец не вправе.

Нормы ГПК РСФСР, регулирующие исполнительное производство, предусматривают возвращение исполнительного документа взыскателю. В соответствии со ст. 365 ГПК РСФСР исполнительный документ, по которому взыскание не производилось или произведено неполно, возвращается взыскателю по его заявлению, а также по другим основаниям. Возвращение исполнительного документа взыскателю не является препятствием для нового предъявления этого документа к исполнению в пределах установленного законом срока.

Воля материально (лично) заинтересованного лица и определение ответчика по делу.

Обращение в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права немыслимо без указания лица, к которому обращено

¹ См. часть III настоящей работы.

требование. Причиной обращения в суд служит неисполнение одним лицом требований другого лица или же оспаривание в самых разнообразных формах предполагаемого права. Поэтому ответчика по делу определяет истец. Прямых указаний по этому вопросу в нормативных актах нет, но в этом нет и надобности, ибо обращение в суд без указания лица, к которому обращено требование, невозможно.

В целях быстрого разбирательства дела закон предоставляет суду право произвести замену ненадлежащей стороны. В полном соответствии с принципом диспозитивности замена первоначального истца и ответчика может быть совершена только с согласия истца (ст. 36 ГПК РСФСР).

Если истец по своей воле не пожелает выбыть из процесса, хотя бы и было ясно, что право, за защитой которого он обратился в суд, ему не принадлежит, суд не может вопреки его воле заменить его надлежащим истцом. Это было бы грубейшим нарушением норм процессуального права, выражающих принцип диспозитивности¹.

Поэтому нельзя согласиться с мнением Е. Г. Пушкар, что дело не может рассматриваться судебными органами и подлежит прекращению на основании п. 1 ст. 219 ГПК РСФСР, если в процессе разбирательства дела суд установит, что иск предъявлен не тем истцом, которому принадлежит право требования (надлежащий истец), и практически нет возможности заменить его надлежащим истцом².

Е. Г. Пушкар совершенно игнорирует волю ненадлежащего истца, упуская из виду цель гражданского процесса — защиту нарушенного или оспоренного права лица, обратившегося за судебной защитой. Оно имеет процессуальное право на разрешение судом его спора и вынесения по этому вопросу решения. Убедившись в необоснованности своих исковых требований, истец может отказаться от иска (от права на постановление судом решения). Но суд вопреки воле истца не может лишить его этого права. Поэтому выбытие ненадлежащего истца из процесса по своей воле есть форма отказа от иска. Если в этом случае надлежащий истец не вступит в процесс, суд должен прекратить про-

¹ В юридической литературе иногда совершенно неосновательно отождествляется ненадлежащая сторона с юридически незаинтересованным лицом (см.: А. Боннер. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству. — «Советская юстиция», 1969, № 4, стр. 21). На необосновательность подобных взглядов обращает внимание М. А. Викут (см.: М. А. Викут. Стороны — основные лица искового производства. Изд-во Саратовского университета, 1968, стр. 75).

² См.: Е. Г. Пушкар. Окончание гражданских дел без вынесения судебного решения в исковом производстве. Автореферат кандидатской диссертации. Харьков, 1968, стр. 10.

изводство по делу на основании п. 4 ст. 219 ГПК РСФСР. Вопреки воле ненадлежащий истец не может быть устранен из процесса, и, следовательно, производство по делу нельзя прекратить на основании п. 1 ст. 219 ГПК РСФСР.

Суд, признав ответчика ненадлежащим, не может вопреки воле истца заменить его надлежащим ответчиком. В целях быстрой защиты интересов истца суд в этом случае наряду с ненадлежащим ответчиком привлекает к участию в деле второго ответчика.

Не служит основанием к замене ненадлежащего истца или ответчика вопреки воле первоначального истца и то обстоятельство, что требование данного ненадлежащего истца или к данному ненадлежащему ответчику не основано на правовых нормах. Правовая необоснованность иска, как уже было отмечено, не служит основанием к прекращению производства по делу. Следовательно, по этой причине ненадлежащий истец или ненадлежащий ответчик не могут быть вопреки воле истца освобождены от участия в процессе.

Не является основанием к замене ненадлежащего ответчика вопреки воле истца и то обстоятельство, что он (ответчик) является органом, неправомочным удовлетворить требование истца (например, в случае предъявления иска к домоуправлению, в то время как требование истца удовлетворяется только исполкомом местного Совета депутатов трудящихся). И в этом случае суд привлекает надлежащее учреждение в качестве второго ответчика.

Иначе обстоит дело, если ответчик не является юридическим лицом, то есть исковое заявление было принято к производству суда ошибочно. Строго говоря, в этом случае производство по делу должно быть прекращено на основании п. 1 ст. 219 ГПК РСФСР. Однако практика судебных органов допускает замену не обладающего процессуальной правоспособностью ответчика правоспособным на основании ст. 36 ГПК РСФСР, которая, как совершенно справедливо отмечается в литературе, применяется по аналогии¹. Замена неспособного ответчика правоспособным с применением правил, предусмотренных ст. 36 ГПК РСФСР, производится без согласия и вопреки воле истца, так как в этом случае налицо объективные обстоятельства, служащие основанием для прекращения производства по делу.

По этим же основаниям замена правоспособного истца правоспособным производится судом независимо и вопреки воле неспособного истца.

¹ См.: Советское гражданское процессуальное право. М., «Высшая школа», 1964, стр. 97.

Воля материально (лично) заинтересованного лица и определение предмета и основания иска

Обращаясь в суд за защитой нарушенного или оспариваемого права, истец указывает предмет и основание иска (требование к ответчику и факты, из которых истец выводит свои исковые требования)¹. Предмет и основание иска определяют границы судебного разбирательства.

Если иск в интересах истца заявлен прокурором, органом государственного управления или социалистической организацией полномочной на предъявление иска в интересах других лиц, и следовательно, ими определяется предмет и основание иска, это не связывает волю истца, который по своему усмотрению может увеличить или уменьшить размер исковых требований, изменить предмет или основание иска (ст. 34 ГПК РСФСР).

Не может служить препятствием к изменению предмета и основания иска то обстоятельство, что юридические факты основания иска заменяются неюридическими, иск становится не основанным на юридических нормах. Независимо от этого измененное требование должно стать предметом обсуждения суда, и суд по нему должен постановить решение.

*
* *

Принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права означает, что движение гражданского процесса находится в зависимости от воли материально (лично) заинтересованного лица: ему предоставляется свобода в возбуждении гражданского процесса и влиянии на его движение.

Свобода воли материально (лично) заинтересованного лица в процессе, вытекающая из советского общественно-политического строя и воплощающаяся в принципе диспозитивности, выступает как **средство** удовлетворения интереса. Именно в силу того, что воля лица в конечном итоге обусловлена его интересом советское социалистическое государство предоставляет материально (лично) заинтересованному лицу широкий простор в решении вопросов, связанных с защитой его прав. Поэтому, как указывает Б. В. Пхаладзе, «большое значение для защиты субъективных прав имеет предоставление самим гражданам различных правовых средств (право на иск, право жалобы и т. д.), посредством которых они могут приводить в действие государст-

¹ См.: Н. Б. Зейдер. Элементы иска в советском гражданском процессе. — Ученые записки Саратовского юридического института им. Д. И. Курского, выпуск IV. Изд-во Саратовского университета, 1956, стр. 140—150; А. А. Добровольский. Исковая форма защиты права. Изд-во Московского университета, 1965, стр. 125 и след.

венный механизм. Нет сомнения, что сами по себе эти правовые средства без связи с правильной и четкой работой правоохранительных государственных органов не могут надлежащим образом обеспечить осуществление гражданами их прав и свобод. Но признание за гражданином правоохранительной инициативы является важным публичным его правомочием¹.

Свобода воли означает, что лицо автономно, независимо от воли других субъектов данного отношения сознательно и целеустремленно руководит своими поступками² в целях достижения определенного правового результата.

Но свобода воли в распоряжении процессуальными средствами судебной защиты не представляет собой самоцель. Цель свободы воли в гражданском процессе — быть способом удовлетворения интереса. Поэтому и социальная ценность свободы воли в процессе заключается в способности воли служить удовлетворению интереса. Если это так, то лицу в гражданском процессе не может быть предоставлена безграничная свобода³. Суд не может быть связан волей материально (лично) заинтересованного лица в такой степени, чтобы из органа правосудия превратиться в бесправного исполнителя его воли. Доведенный до крайности, принцип диспозитивности теряет свое качество принципа, способствующего всемерному использованию инициативы материально (лично) заинтересованного лица в целях удовлетворения его интереса, ибо граница качественной определенности есть мера. Принцип диспозитивности при чрезмерном его использовании перестает играть ту социальную роль, которая ему предназначена.

Следовательно, использование принципа диспозитивности в советском гражданском процессуальном праве имеет свои **объективные пределы**, за которыми его применение бессмысленно. Граница использования принципа диспозитивности там, где воля лица перестает быть **средством удовлетворения его интереса**, то есть там, где она порочна в силу заблуждения, юридической неосведомленности и других факторов, не дающих лицу возможности защитить свой интерес.

В этих случаях интерес лица удовлетворяется за счет процессуальных действий других участвующих в деле лиц и суда, решающих вопросы движения гражданского процесса вопреки воле материально (лично) заинтересованного лица.

¹ Б. В. Пхаладзе. Соотношение правоспособности и субъективного права. — Ученые труды ВНИИСЗ, выпуск 14. М., 1968, стр. 66.

² См.: В. М. Горшенев. Понятие метода правового регулирования и его разновидности. — Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, выпуск 5. Свердловск, 1966, стр. 402; Г. В. Мальцев. Социалистическое право и свобода личности. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 49.

³ См.: Г. В. Мальцев. Социалистическое право и свобода личности. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 65.

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРЕСА И ПРИНЦИП АКТИВНОЙ ПОМОЩИ В ЗАЩИТЕ ПРАВА

§ 1.

ПРИНЦИП АКТИВНОЙ ПОМОЩИ В ЗАЩИТЕ ПРАВА — САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Волевые, процессуальные действия совершаются материально (лично) заинтересованными лицами в целях удовлетворения своих интересов¹, то есть процессуальные действия служат средством удовлетворения интересов. В этом заключается их социальная ценность. Но средства заменимы: волеизъявления материально (лично) заинтересованных лиц могут быть заменены волеизъявлениями других лиц. Реализация такой возможности зависит от характера правового регулирования, соотношения воли и интереса в праве, что определяется общественным и государственным строем.

В советском социалистическом праве в точном соответствии с его демократическими основами действует примат интереса над волей. Защита интересов лица не ставится в полную зависимость от его воли. В исключительных случаях интересы лица защищаются помимо и даже вопреки его воле. Так обстоит дело тогда, когда воля лица противоречит его интересам, когда нарушается **единство воли и интереса**. Отдавать в этих случаях предпочтение воле, а не интересу — значит действовать заведомо вопреки интересам лица, удовлетворение которых является задачей социалистического государства.

Таким образом, общий строй правового регулирования предопределяет решение вопроса о возможности и необходимости защиты интересов в исключительных случаях помимо и даже вопреки воле материально (лично) заинтересованного лица.

Реальная возможность защиты интересов не в связи с волеизъявлением заинтересованного лица находит свое обоснование в основах социалистических общественных отношений, в **сочетании общественных и личных интересов**.

Функционирование социалистического общества как саморе-

¹ См.: Ц. М. Каз. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Изд-во Саратовского университета, 1968, стр. 32.

гулируемой, самоуправляемой системы¹ предполагает наличие органов, стоящих на страже общественных интересов. Советское государство не может защищать личный интерес, идущий вразрез с государственным (общественным) интересом. И, напротив, государство обязано защищать личный интерес, совпадающий с интересом общественным. Следовательно, возможность и необходимость защиты личного интереса находятся в прямой зависимости от соотношения личных интересов с общественными.

Общественные интересы — это интересы развития общества. Выразителем и носителем этого интереса в классовом обществе является передовой класс. Интересы этого класса и интересы развития общества совпадают.

В социалистическом обществе нет антагонистических классов. Интересы общественного развития сочетаются с интересами личности как общее и единичное. Между интересами отдельных личностей, общностей и общественными интересами возможны временные неантагонистические противоречия.

Основу принципа активной помощи в защите права составляет сочетание личных и общественных интересов, их взаимное проникновение. Социалистическому государству безразлично, будут ли осуществлены лицами их материальные права. Правильное и полное осуществление материальных прав — основа нормального функционирования социалистического общества. Свобода осуществления и распоряжения материальными правами зиждется на обусловленности в конечном итоге воли личности интересом. Необходимость государственного вмешательства возникает тогда, когда воле субъекта права противостоит другая воля. В этом смысле само предоставление судебной защиты есть активная помощь государства в удовлетворении личных интересов.

Но этим не ограничивается помощь государства в защите прав и охраняемых законом интересов. В течение процесса суд должен принимать все зависящие от него меры для выяснения действительных обстоятельств дела (ст. 14 ГПК РСФСР). Суд должен помочь сторонам в защите их интересов, хотя бы и действуя не в полном соответствии с их волей. Это вытекает из положения суда как органа, по своей сущности призванного защищать общественный интерес. Защита общественного интереса в каждом конкретном случае выступает как защита законного личного интереса. Поэтому, защищая законный личный интерес, суд одновременно защищает и общественный интерес.

Принцип активной помощи в защите права не противостоит принципу диспозитивности, а дополняет его. Оба принципа

¹ См.: В. Г. Афанасьев. Научное управление обществом. М., Изд. политической литературы, 1968, стр. 109.

ветского гражданского процессуального права, воплощенные в соответствующих правовых нормах, служат средством удовлетворения интересов материально (лично) заинтересованного лица.

Сущность принципа активной помощи в защите права проявляется в совершении судом, прокурором и другими участвующими в деле лицами, не имеющими материально-правового интереса, процессуальных действий по сбору доказательственного материала, что само по себе представляет немаловажную помощь лицу в защите его права, ибо доказательственная деятельность составляет основу осуществления правосудия. Однако этим активная помощь не заканчивается. Суть активной помощи, в первую очередь, проявляется в совершении процессуальных действий — юридических фактов процессуального права, влияющих на движение гражданского процесса, его возникновение и прекращение. Это помощь в сфере волевых действий: принятия решения и его осуществления. В тех случаях, когда лицо по самым разнообразным причинам не проявляет воли на защиту права или же изъявляет волю на отказ от защиты права и она не соответствует его интересам вследствие наличия внешних факторов, сковывающих свободу воли, или вызвана непониманием своих интересов в силу юридической неосведомленности или по иным причинам, — лицу оказывается помощь со стороны суда, прокуратуры и других государственных органов и социалистических организаций, которым законом предоставлено право выступать в защиту прав других лиц¹.

В этом принципиальное отличие помощи, оказываемой населению юридическими консультациями, от помощи, оказываемой судом, прокурором, органами государственного управления и т. д. Адвокаты оказывают гражданам юридическую помощь в осуществлении их воли на защиту права. Суд, прокурор, органы государственного управления и общественные организации, полномочные на предъявление исков в интересах других лиц, оказывают гражданам помощь в защите права своими волевыми действиями.

¹ В ст. 7 приказа Генерального Прокурора СССР № 21 от 22 декабря 1969 г. «Об усилении прокурорского надзора в гражданском судопроизводстве» отмечается, что предъявлять иски прокуроры должны лишь в тех случаях, когда это вызывается необходимостью защиты интересов государства, колхозов и граждан.

На практике наиболее распространены случаи предъявления прокурорами исков о признании недействительными незаконных сделок, о возмещении ущерба от растрат и хищений и т. д. В интересах отдельных граждан иски предъявляются в тех случаях, когда граждане по состоянию здоровья и другим уважительным причинам не могут этого сделать сами (см.: А. Ф. Клейнман. Гражданские процессуальные кодексы об участии прокурора в гражданском процессе. — «Социалистическая законность», 1965, № 12, стр. 16; Прокурорский надзор по гражданским делам. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 17).

Из сказанного не следует, что прокурор, органы государственного управления и т. д., предъявляя иски в защиту интересов других лиц, всегда выступают вопреки их воле. Нередко предъявление исков производится по просьбе заинтересованных лиц. Но это, на наш взгляд, не характерно для принципа активной помощи в защите права, хотя и входит в его содержание.

По изложенным основаниям принцип активной помощи в защите права в части, касающейся совершения волевых действий, заменяющих волеизъявления материально (лично) заинтересованных лиц, и контроля над распорядительными действиями сторон, не имеет в условиях возрастающего культурного уровня населения тенденции дальнейшего широкого развития. Целеустремленность, волевые действия граждан станут надежным средством удовлетворения интересов. Не будет никакой необходимости в целях удовлетворения интересов личности действовать помимо ее воли, а иногда и вопреки ей. Принцип диспозитивности найдет свое дальнейшее развитие.

Это не значит, что суд, прокурор перестанут активно (по своей инициативе) действовать, а займут в процессе пассивное положение. Активность суда, прокурора сохранится в полной мере, но она не будет направлена на защиту интересов лица вопреки его воле, так как воля лица будет служить надежным средством удовлетворения интереса. Активная роль суда будет заключаться в разъяснении сторонам их прав и обязанностей, значения процессуальных действий, оказания помощи в доказательственной деятельности, пресечения действий сторон, направленных на нарушение прав и охраняемых законом интересов других лиц.

Поэтому следует отличать **активность суда и прокурора в процессе от активной помощи сторонам и третьим лицам** в защите их материальных прав¹. Активность суда, прокурора в процессе не ограничивается активной помощью в защите прав материально (лично) заинтересованных лиц. Она проявляется и в обеспечении прав и охраняемых законом интересов лиц, не принимающих участие в процессе, в защите общественных и государственных интересов. Но эта деятельность выходит за рамки принципа активной помощи в защите права.

Активная помощь в защите права не может рассматриваться как компонент принципа диспозитивности, характеризующий его

¹ Смешение этих понятий приводит к отрицанию дополнительного характера действий прокурора, органов государственного управления и т. д. по защите прав других лиц (см.: В. М. Семенов. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права. — Сборник: Ученые труды Свердловского юридического института, выпуск 4. Свердловск, 1964, стр. 206).

особенность в социалистическом гражданском процессуальном праве.

Смысл принципа диспозитивности в его историческом развитии заключается в том, что материально (лично) заинтересованным лицам предоставляется возможность влиять на движение гражданского процесса¹. В этом единстве смысл диспозитивности гражданского процесса. Видеть же принцип диспозитивности в самой возможности влиять на движение гражданского процесса — это значит отрывать средство от цели, движение — от жизненного источника. Это значит строить понятие, обобщая внешние, несущественные признаки явлений. Такое понимание принципа диспозитивности ничего не дает для выявления тенденций его дальнейшего развития.

Мы уже отмечали, что В. М. Семеновым принцип активности суда в процессе выделен в самостоятельный принцип. Тем самым положено начало определению действительного места принципа диспозитивности в советском гражданском процессуальном праве. Однако эта работа не доведена до конца.

По мнению В. М. Семенова, принцип диспозитивности означает «свободу лиц, участвующих в деле, распоряжаться в процессе материальными правами и процессуальными средствами защиты и возможностью активно влиять на движение гражданского судопроизводства в целях дальнейшей защиты судом прав заинтересованных лиц в соответствии с законом, интересами государства и участников дела»².

Таким образом, В. М. Семенов видит содержание принципа диспозитивности: а) в распоряжении материальными и процессуальными правами, б) в возможности влиять на движение гражданского процесса. Эти правомочия В. М. Семенов связывает с волеизъявлениями всех участвующих в деле лиц.

Как уже отмечалось, распоряжение материальными правами в содержание принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права вообще не входит. Распоряжаемость — свойство материального права, проявляющееся в гражданском процессе. Содержание принципа диспозитивности составляют осуществление или распоряжение процессуальными правами в целях воздействия на движение гражданского процесса. Однако это право не всех участвующих в деле лиц, а только материально (лично) заинтересованных.

М. А. Гурвич, убедительно показавший, что принцип диспо-

¹ См.: Б. В. Виленский. Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. в России. Изд-во Саратовского университета, 1963, стр. 115.

² В. М. Семенов. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права. — Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, выпуск 4. Свердловск, 1964, стр. 323.

зitivности определяет движение гражданского процесса и находит свою основу в личной заинтересованности, почему-то не делает вывод, что это принцип, связывающий движение гражданского процесса с волей лично заинтересованного лица¹. Придерживаясь традиционного в теории советского гражданского процессуального права взгляда, М. А. Гурвич видит проявление принципа диспозитивности не только в действиях материально (лично) заинтересованных, но и иных участвующих в деле лиц, а также в деятельности суда, контролирующего распорядительные действия сторон.

Такое понимание принципа диспозитивности, при котором его содержание включается наряду с инициативой материально (лично) заинтересованных лиц и инициатива иных участвующих в деле лиц, а также суда, неправильно отражает суть принципа диспозитивности. Один принцип не может объединять два различных начала.

Конечно, в действиях материально (лично) заинтересованных лиц, других участвующих в деле лиц, суда есть единство, выражающееся в защите интересов материально (лично) заинтересованных лиц. Однако этого недостаточно для объединения этих начал в одном принципе. Важно, чья воля движет процессом, не только, что она движет. Право материально (лично) заинтересованного лица влиять на движение гражданского процесса составляет содержание принципа диспозитивности; право других участвующих в деле лиц влиять на движение гражданского процесса, а также право суда контролировать распорядительные действия сторон составляет содержание самостоятельного принципа советского гражданского процессуального права — **принцип активной помощи в защите права**.

Понимая, что право участвующих в деле лиц, не имеющих процессуально-правового интереса, влиять на движение гражданского процесса по своему содержанию, связи с предметом судебной защиты отличается от права сторон и третьих лиц, В. М. Семенов неоднократно подчеркивает, что в процессуальных действиях этих лиц принцип диспозитивности находит «своеобразное» выражение². Такое своеобразие, на наш взгляд, настолько существенно, что требует выделения деятельности суда и других участников процесса, совершаемой в интересах материально (лично) заинтересованных лиц в самостоятельный принцип советского гражданского процессуального права.

¹ См.: М. А. Гурвич. Принципы советского гражданского процессуального права. Труды ВЮЗИ, том III. Вопросы гражданского процессуального гражданского и трудового права. М., ВЮЗИ, 1965, стр. 30—31.

² См.: В. М. Семенов. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права. — Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, выпуск 4. Свердловск, 1964, стр. 342, 343 и след.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА, ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОТДЕЛЬНЫХ ГРАЖДАН ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ В ЗАЩИТЕ ПРАВА

Важным действием по оказанию помощи в защите права служит обращение в суд за защитой прав или охраняемых законом интересов других лиц. Поводы к предъявлению иска могут быть различны: обращение заинтересованных лиц к прокурору и другим государственным органам, полномочным на обращение в суд за защитой прав и охраняемых законом интересов других лиц, результаты проверки состояния социалистической законности на предприятиях и т. п. Главное состоит в том, что процесс в защиту интересов граждан и социалистических организаций возникает не вследствие волеизъявления этих граждан и организаций, а вследствие **волеизъявления прокурора, органа государственного управления или социалистической организации**, полномочных на обращение в суд за защитой прав и охраняемых законом интересов других лиц.

Предъявлением иска (обращением в суд) помощь не заканчивается: она продолжается в течение всего процесса в самых разнообразных формах, в том числе и возбуждением процесса в суде второй инстанции, производства по вновь открывшимся обстоятельствам, надзорного и исполнительного производства.

Как уже отмечалось, принцип активной помощи в защите права дополняет принцип диспозитивности. Действия по оказанию помощи в защите права не ограничивают свободу материально (лично) заинтересованных лиц в осуществлении своих процессуальных прав и распоряжении ими. Поэтому предъявление иска прокурором, органом государственного управления, социалистическими организациями возможно лишь в случаях, когда материально (лично) заинтересованное лицо не возражает против этого. Вопреки воле материально (лично) заинтересованного лица возбуждение процесса допустимо, если **воля его в силу разнообразных причин (заблуждения и т. п.) не соответствует его интересам**.

В нормах Основ гражданского судопроизводства и гражданских процессуальных кодексов союзных республик это правило не закреплено. Прокурору, органам государственного управления, социалистическим организациям предоставлено безусловное право предъявлять иски в защиту интересов других лиц. Но данный вывод вытекает из соотношения принципа диспозитивности и принципа активной помощи в защите права. Предъявление исков вопреки свободной воле материально (лично) заинтересованного лица было бы неоправданным ограничением его воли, которой гражданским процессуальным правом предоставлен широ-

кий простор влиять на движение гражданского процесса.

Далее, по некоторым искам возбуждение процесса по воле иных, кроме материально (лично) заинтересованных лиц, вообще недопустимо. Речь идет о таких исках, где в силу сугубо личного характера отношений сторон интерес лица может быть выявлен только через его волю. В частности, как уже было отмечено, только супруги могут возбуждать процесс о расторжении брака.

Особо следует остановиться на предъявлении исков в защиту интересов социалистических организаций.

Интересы социалистических организаций (юридических лиц) связаны с их деятельностью и носят имущественный характер. Интересы юридических лиц представляют их единоличные или коллегиальные органы. Поэтому здесь нет такой тесной связи, которая характеризует соотношение воли и интереса личности. Интерес юридического лица формирует волю органа не непосредственно, а опосредствованно, через общественные связи, выражающие зависимость личных интересов руководителя предприятия, организации от интересов юридического лица как такового. Не исключено игнорирование этой связи по самым разнообразным причинам, следствием чего может быть противоречие между волеизъявлением органа юридического лица и интересами юридического лица. Поэтому в этой области общественных отношений представляется большой простор для проявления принципа активной помощи в защите права.

Необходимо отличать активность прокурора в гражданском процессе и совершение им действий в защиту прав и интересов материально (лично) заинтересованных лиц.

Прокурор — должностное лицо, осуществляющее надзор за точным исполнением законов государственными органами, предприятиями, должностными лицами и гражданами. Обращаясь в суд с иском или иным требованием, прокурор остается органом, осуществляющим надзор. Предъявление иска является одним из способов пресечения правонарушений, защиты прав и охраняемых законом интересов граждан или социалистических организаций.

Как правило, в случае обращения прокурора в суд предметом судебной защиты выступает общественный интерес в единстве с личным. В качестве истца принимает участие материально (лично) заинтересованное лицо. Помощь в защите права оказывается в связи с тем, что материально (лично) заинтересованное лицо по каким-то причинам не изъявило воли на защиту права. Поэтому внутренне противоречиво суждение, будто бы «прокурор в гражданский процесс «вмешивается» не в интересах одной либо другой стороны, а исключительно лишь в интересах законности»¹. Одно не исключает другого. Интересы

¹ Доктор Гибор Леваи. Прокурорский опыт по осуществлению гаран-

законности (общественные интересы), как правило, выступают в единстве с личными интересами, вследствие чего прокурор в процессе объективно выступает в интересах одной из сторон, а именно — правой.

Однако возможны случаи, когда прокурор обращается в суд с иском не в целях защиты личного интереса, опосредствующего общественный интерес, а в целях защиты непосредственно общественного интереса. В этих случаях деятельность прокурора нельзя рассматривать как оказание помощи материально (лично) заинтересованному лицу, ибо оказание помощи в защите права предполагает наличие субъекта интереса. Если нет субъекта личного интереса, не может существовать и личный интерес, нуждающийся в защите. Предметом судебной защиты выступает непосредственно общественный интерес. Прокурор принимает участие в процессе в качестве представителя государства, истца.

Необходимость различения процессуального положения прокурора в зависимости от того, заявлен ли им иск в защиту личного или непосредственно общественного интереса, вызывается тем, что до настоящего времени в теории советского гражданского процессуального права, то угасая, то вновь разгораясь, идет спор о понятии истца.

С принятием Основ гражданского судопроизводства и гражданских процессуальных кодексов союзных республик в теории гражданского процессуального права утвердилось мнение, что истцом является лицо, которое предъявило иск в своих интересах, а если иск заявлен прокурором, органом государственного управления, социалистической организацией, полномочной на заявления иска в интересах других лиц, — то лицо, в чьих интересах заявлен иск. Прокурор, органы государственного управления, социалистические организации, заявившие иск, истцами по делу не являются. Это положение убедительно аргументирует М. А. Вйкут¹. К прокурору и другим лицам, заявившим иск в интересах материально (лично) заинтересованных лиц, не может быть применен ряд статей ГПК, касающихся прав и обязанностей сторон. В частности, к ним не может быть предъявлен встречный иск, они не могут заключать мировых соглашений, в отношении их не может стоять вопрос о замене ненадлежащей стороны и т. п.² Далее, М. А. Вйкут приходит к выводу, что прокурор — это понятие процессуальное, а органы государственного управления и социалистические организации, предъявившие иск в инте-

тый законности в гражданском процессе. — «Международная научная конференция по вопросам гражданского процессуального права», Будапешт, 1968, стр. 40.

¹ См.: М. А. Вйкут. Стороны — основные лица искового производства, Изд-во Саратовского университета, 1968, стр. 2—5.

² Там же, стр. 44—45.

ресах других лиц, предлагает именовать «заявителями иском»¹.

А. А. Мельников, придерживаясь того же взгляда, что и М. А. Вилкут, предлагает, однако, прокурора, орган государственного управления, организацию, заявивших иск в интересах другого лица, именовать «процессуальными истцами»².

Таким образом, если оставить в стороне чисто терминологический спор, то в настоящее время понятие истца как стороны в спорном материальном правоотношении твердо устоялось.

Изложенная выше конструкция полностью удовлетворяет решению вопроса о процессуальном положении органов государственного управления и социалистических организаций в связи с тем, что они возбуждают процесс в интересах конкретных лиц. Поэтому всегда налицо истец — гражданин или юридическое лицо, в чьих интересах заявлен иск.

Сложнее обстоит вопрос с определением процессуального положения прокурора. Прокурор заявляет иски не только в защиту прав и охраняемых законом интересов конкретных лиц. Им может быть заявлен иск в общественных интересах, не трансформировавшихся в личный интерес. В этих случаях нельзя обнаружить лицо, в интересах которого заявлен иск, с тем чтобы дать ему возможность вступить в процесс в качестве истца. Такая ситуация, в частности, складывается в случае предъявления прокурором иска о признании сделки недействительной на основании ст. 49 ГК РСФСР с обращением всего полученного сторонами в доход государства. Ни одна из сторон в договоре не может вступить в процесс в качестве истца, так как иск не заявлен в ее интересе. Предъявляя подобный иск, прокурор действует непосредственно в государственных интересах, то есть он выступает в процессе в качестве истца.

Конечно, может быть приведен ряд аргументов, подтверждающих, что и в этом случае положение прокурора своеобразно: к нему не может быть предъявлен встречный иск, он не может заключить мировое соглашение и т. д. Это действительно так. Но нельзя упускать из виду, что в редких случаях, когда иски предъявляются непосредственно в защиту государственных интересов, вообще не возникает необходимость предъявления встречного иска, заключения мирового соглашения, передачи дела на разрешение третейского или товарищеского суда и т. д. Однако главное не в этом, а в том, что речь идет о непосредственной защите государственного интереса, и субъектом (носителем) этого интереса является государство, представителем которого выступает прокурор. Если не прийти к такому выводу, то придется при-

¹ См.: М. А. Вилкут. Стороны — основные лица искового производства. стр. 46.

² См.: Демократические основы советского социалистического правосудия. М., «Наука», 1965, стр. 275.

знать, что суд вообще не защищает ничьих интересов, что исключено.

Можно привести и другой аргумент. Прокурор, заявивший иск, может отказаться от него. Как уже было отмечено, закон не содержит указаний о том, как должен поступить суд в этом случае. В соответствии с п. 4 ст. 219 ГПК РСФСР суд прекращает производство по делу, принимая отказ от иска истца, но не прокурора, органа государственного управления или социалистической организации, предъявившей иск в интересах других лиц. Если в случае предъявления иска в интересах других лиц последние, будучи извещены, фактически не вступают в процесс, а прокурор отказывается от иска, суд, как уже было отмечено, должен оставить иск без рассмотрения, с тем чтобы у материально (лично) заинтересованного лица сохранилось право на предъявление тождественного иска. Но если иск заявлен прокурором непосредственно в общественных интересах, то оставление иска без рассмотрения при отказе прокурора от иска бессмысленно, ибо никто, кроме прокурора, данный иск заявить не может. Принятие судом отказа прокурора от иска лишает его права на повторное предъявление того же иска, то есть наступают те же последствия, которые имеют место в случае отказа истца от иска. Поэтому в подобных случаях суд прекращает производство по делу на основании п. 4 ст. 219 ГПК РСФСР.

Случаи, когда предметом судебной защиты выступает общественный интерес не в единстве с личным, чрезвычайно редки. Как правило, предметом судебной защиты выступает общественный интерес в единстве с личным. В частности, так обстоит дело в случае предъявления прокурором иска о признании брака недействительным в связи с нарушением принципа единобрачия. Если ни один из супругов не желает признания брака недействительным, то оба супруга должны принять участие в процессе в качестве ответчиков. Однако из этого не следует, что прокурор в этом случае выступает в процессе в качестве истца. Таковым выступает супруг, не расторгнув с которым брака, ответчик вступил во второй брак, признаваемый судом недействительным.

По изложенным соображениям мы не согласны с Г. М. Каратыш, полагающей, что в подобных ситуациях прокурор предъявляет иск в целях охраны общественного порядка и выступает в качестве истца¹.

¹ См.: Г. М. Каратыш. Процессуальные вопросы признания брака недействительным. — Тезисы итоговой научной конференции юридического факультета за 1966 г. Изд-во Ростовского университета, 1967, стр. 37. В более поздней работе Г. М. Каратыш прокурора, предъявившего иск о признании брака недействительным, истцом не называет, хотя продолжает отстаивать взгляд, что в этих случаях прокурор выступает непосредственно в общественных интересах (см.: Г. М. Каратыш. Вопросы гражданского процесса по

В теории советского гражданского процессуального права имеется и иное решение данного вопроса. Полагают, что в тех случаях, когда нет конкретного лица, в интересах которого заявлен иск, нет вообще искового производства, а налицо особое производство.

В частности, так обстоит дело в производстве о лишении родительских прав¹.

На наш взгляд, в случае предъявления прокурором иска к одинокой матери о лишении родительских прав предметом судебной защиты наряду с общественными интересами выступает и личный интерес малолетнего ребенка. По этому признаку последний должен выступать в процессе в качестве истца. Прокурор заявляет иск в его интересе. В связи с тем что ребенок недееспособен и не может сам заявить иск, прокурор или иной орган заявляют иск в его интересах и выступают по аналогии в процессе как его законные представители. Поэтому отказ прокурора от иска в данной ситуации как действие, совершаемое законным представителем, может служить основанием для прекращения производства по делу.

Если исходить не из того, что иск заявлен в интересах ребенка и последний выступает в процессе в качестве истца, а таковым признать прокурора, заявляющего иск, то в случае прекращения производства по делу ввиду отказа прокурора от иска сохранится право на предъявление иска органами государственного управления и социалистическими организациями², ибо в этом случае произойдет замена истцов.

Такое решение не согласуется с основами теории иска, а поэтому следует признать, что в приведенном примере иск заявляется прокурором в интересах конкретного лица, которое выступает в процессе в качестве истца.

Активная помощь прокурора, органа государственного управления, социалистической организации проявляется и в доказательственной деятельности.

§ 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА ПО ОКАЗАНИЮ АКТИВНОЙ ПОМОЩИ В ЗАЩИТЕ ПРАВА

Деятельность суда по защите права начинается с возбуждения производства по делу.

делам в семейном праве. — «Правовые вопросы семьи и воспитания детей» М., «Юридическая литература», 1968, стр. 178).

¹ См.: М. А. Вик у т. Процессуальная природа судебных гражданских дел, вытекающих из Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье. — «Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье» Саратов, 1969, стр. 89—90.

² См.: Ст. 19 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье, утв. законом от 27 июня 1968 г.

В принципе допустимо возбуждение процесса по инициативе суда. Ст. 2а ГПК РСФСР 1923 г. предусматривала возможность возбуждения по инициативе суда дел о взыскании алиментов на содержание детей¹. 25 марта 1929 г. ГПК РСФСР был дополнен ст. 172а, предусматривавшей право суда по трудовым делам о восстановлении на работе неправильно уволенных работников привлекать на сторону ответчика в качестве третьего лица должностных лиц государственных, кооперативных и общественных организаций и возлагать на них обязанность возместить предприятию или учреждению убытки, причиненные выплатой вознаграждения неправильно уволенному работнику. Пленум Верховного Суда СССР постановлением от 13 сентября 1957 г. № 13 «О судебной практике по гражданским трудовым делам» (п. 22) дал разъяснение, что обязанность возместить предприятию или учреждению убытки возлагается на должностных лиц в том же процессе, в котором рассматривается спор о восстановлении неправильно уволенного работника в должности.

В связи с тем что суд привлекает должностное лицо в качестве третьего лица на стороне ответчика по своей инициативе и возлагает на него в том же процессе обязанность возместить предприятию или учреждению убытки, действия суда представляют не что иное, как возбуждение процесса по своей инициативе в интересах предприятия, учреждения или иной социалистической организации.

ГПК РСФСР 1964 г. не предусмотрел право суда по своей инициативе возбуждать процесс о взыскании алиментов на содержание детей, но сохранил право суда возбуждать по своей инициативе иски о взыскании с должностных лиц убытков, причиненных ими социалистическим организациям неправильным увольнением работника (ст. 39 ГПК РСФСР). Как и ГПК РСФСР 1923 г., ныне действующее гражданское процессуальное законодательство ограничивает возможность возбуждения судом по своей инициативе иска наличием возникшего по инициативе заинтересованных лиц гражданского процесса по иску о восстановлении неправильно уволенного работника в должности. Не осуществив своего права в течение процесса, суд лишается возможности по своей инициативе возбудить самостоятельный процесс и взыскать суммы, выплаченные неправильно уволенному работнику за вынужденный прогул.

Возбуждение процесса по инициативе суда имеет место и в случаях привлечения к делу по определению суда второго ответчика, если истец не изъявляет согласия на замену ненадлежащего ответчика (ст. 36 ГПК РСФСР). В подобных случаях на

¹ Этой статьей ГПК РСФСР был дополнен 10 мая 1937 г.

рассмотрении суда находятся два иска: иск к первоначальному, признанному судом ненадлежащим, ответчику и второму ответчику, привлеченному судом. В иске к одному из ответчиков суд обязательно должен отказать.

Таким образом, как ГПК РСФСР 1923 г., так и ныне действующее гражданское процессуальное законодательство предусматривают в исключительных случаях возможность возбуждения иска по инициативе суда в уже начатом по заявлению заинтересованного лица процессе. Эти действия совершает суд в интересах материально (лично) заинтересованного лица помимо и даже вопреки его воле.

Однако широкого применения данное правило найти не может в силу специфического положения суда в гражданском процессе: оно представляет собой исключение из общего правила.

Неправильно было бы связывать неправомочность суда на возбуждение процесса по своей инициативе только с принципом диспозитивности советского гражданского процессуального права. Такое обоснование было правомерным в дореволюционном русском гражданском процессе, так как не допускалось возбуждение гражданского процесса помимо воли материально (лично) заинтересованного лица. В связи с этим возбуждение процесса судом считалось невозможным именно потому, что он возникал не по инициативе материально (лично) заинтересованного лица.

В условиях советского гражданского процессуального права это не аргумент, ибо ему известен институт возбуждения процесса не по инициативе материально (лично) заинтересованного лица. Кто возбуждает процесс — суд, прокурор, орган государственного управления, иная социалистическая организация, — в данном случае существенного значения не имеет. Важно, что процесс может возникнуть помимо воли материально (лично) заинтересованного лица. Поэтому ответ на вопрос, почему суд не имеет (и не должен иметь права) на возбуждение гражданского процесса по своей инициативе, надо искать в различном положении прокурора, органа государственного управления, иных социалистических организаций, полномочных на возбуждение процесса в интересах других лиц, и суда в гражданском процессе.

Прокурор и иные социалистические организации, имеющие право на возбуждение процесса в интересах других лиц, не оказывают своими действиями непосредственную защиту праву, а лишь способствуют этому. Суд, разрешая спор по существу, осуществляет правосудие. Суд, насколько это возможно, должен быть освобожден от любой иной деятельности, которая не связана с разрешением дела по существу, в том числе и от деятельности, связанной с возбуждением гражданского процесса, и доказательственной деятельности, связанной с собиранием и представлением доказательств.

Как уже было отмечено, по инициативе суда возбуждается иск лишь в том случае, когда в течение процесса возникает необходимость привлечения к участию в деле отдельных лиц, то есть когда эта деятельность осуществляется **попутно** с рассмотрением иска, заявленного заинтересованным лицом. Доказательственная деятельность осуществляется судом также в том случае, когда стороны и другие участвующие в деле лица не в состоянии осуществить ее сами. Такой вывод вытекает из ст. 50 ГПК РСФСР, предусматривающей, что в случае недостаточности доказательств суд предлагает сторонам и другим лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства или собирает их по своей инициативе.

Однако самым главным аргументом служит необходимость создания суду возможности **беспристрастного** рассмотрения дела, что несовместимо с возбуждением им процесса по своей инициативе.

Специфическое положение суда в процессе сказывается и на его полномочиях по замене ненадлежащей стороны.

Суд не может помимо воли истца заменить ответчика по делу (ст. 36 ГПК РСФСР). Такие действия, если бы они были предусмотрены гражданским процессуальным законодательством, противоречили бы принципу диспозитивности, ибо последний проявляется, в частности, в определении ответчика по делу. Однако, как уже было отмечено, суд может помимо воли истца, но в его интересах привлечь к участию в деле второго ответчика.

Относительно замены ненадлежащего истца надлежащим нельзя сказать, что таковая производится в интересах ненадлежащего истца и по этим основаниям признать возможность его выбытия из процесса в **собственных интересах**, хотя бы и **помимо (вопреки) воли**. Выбытие ненадлежащего истца из процесса происходит не в его интересах, а в интересах надлежащего истца, который вступает в уже начатый процесс.

Следовательно, нет никаких теоретических предпосылок к тому, чтобы возможно было устранение из процесса ненадлежащего истца вопреки его воле. Такие действия были бы грубым нарушением принципа диспозитивности, в полном соответствии с которым ст. 36 ГПК РСФСР ставит выбытие ненадлежащего истца из процесса в зависимость от его воли.

Иначе обстоит дело с вступлением в процесс надлежащего истца. В процессуальной литературе имеются высказывания, что надлежащий истец не может быть привлечен к участию в деле вопреки его воле, ибо это было бы грубым нарушением принципа диспозитивности¹. По мнению М. А. Гурвича, принцип диспозитивности

¹ См.: Гражданский процесс. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 75.

тивности «был бы нарушен привлечением в процесс какого-либо лица в качестве истца без его на то согласия. Это было бы равнозначно рассмотрению дела при отсутствии заявления «заинтересованной в том стороны»¹.

С подобными высказываниями согласиться нельзя. Неправильно мнение, будто бы привлечение лица к процессу в качестве истца не может иметь места помимо его воли, что такие действия противоречат принципу диспозитивности советского гражданского процессуального права. Как ГПК РСФСР 1923 г., так и действующее гражданское процессуальное законодательство допускают предъявление иска в защиту других лиц, что вытекает из принципа активной помощи в защите права. Привлечение лица в качестве истца к участию в деле (возбуждение процесса) совершается в его интересах, поэтому данные действия не противоречат принципу диспозитивности, а дополняют его. В силу этого надлежащий истец может быть привлечен к участию в деле помимо его воли, если иск в его интересах будет заявлен прокурором, органом государственного управления и т. д.².

Следовательно, проблемы привлечения к участию в деле надлежащего истца помимо его воли не существует. Она разрешена институтом предъявления иска в защиту прав других лиц. Однако из этого не следует, что надлежащий истец может быть привлечен к участию в деле по инициативе суда. В силу специфического положения суда в процессе такое право за ним, как правило, не может быть признано. Но в исключительных случаях, когда затрагивается существенный общественный интерес, находящийся в единстве с личным интересом надлежащего истца (социалистической организации), суду должно быть предоставлено право привлекать надлежащего истца к участию в деле по своей инициативе, ибо в этом случае возбуждается иск в уже начатом процессе и рассматривается попутно с первоначальным иском.

Деятельность суда по оказанию помощи в защите прав материально (лично) заинтересованных лиц проявляется в создании условий, способствующих сознательному, основанному на знании существующего положения вещей, формированию его воли.

Действия лица, его воля только в том случае могут служить средством удовлетворения интереса, если они основаны на знании обстановки, в которой оно действует³. Правовое регулирова-

¹ М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., ВЮЗИ, 1950, стр. 52.

² См.: С. В. Аносова. Замена ненадлежащей стороны в советском гражданском процессе. Изд-во Московского университета, 1960, стр. 17.

³ См.: И. И. Карпец, А. Р. Ратинов. Правосознание и причины преступности. — «Советское государство и право», 1968, № 12, стр. 48.

ние по отношению к отдельному лицу существует объективно и представляет собой один из внешних факторов (условий) жизни лица, без знания которых оно не в состоянии принимать правильные, соответствующие его интересам решения и претворять их в жизнь. В целях создания условий, способствующих формированию воли лица в соответствии с его интересами, суд разъясняет участвующим в деле лицам их процессуальные права и обязанности и, что особенно важно, правовые последствия совершения ими распорядительных действий.

Однако было бы наивным полагать, что для всех граждан независимо от их общего культурного уровня одного разъяснения судом закона достаточно, чтобы выработать правильное решение, направленное на защиту их интересов, охраняемых законом. Возможны такие отдаленные результаты правового действия, которые лицо не может предусмотреть, в связи с чем совершает действия, не соответствующие его интересам. В этих условиях суд принимает решение сам.

Суд не просветительное учреждение. Деятельность его не сводится к активному содействию формированию правильной воли материально (лично) заинтересованного лица. Цель деятельности судебного органа — разрешение гражданскоправового спора, защита нарушенных, оспоренных гражданских прав и охраняемых законом интересов. Поэтому, если лицо по самым различным причинам не принимает решения, соответствующего его интересам, и совершает распорядительные действия, нарушающие их, суд такие распорядительные действия не принимает: он разрешает вопрос вопреки воле лица, но в соответствии с его интересами.

Такой вывод вытекает из ст. 34 ГПК РСФСР, где сказано, что суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мирового соглашения сторон, если эти действия противоречат закону или нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы. Совершенно справедливо в юридической литературе и судебной практике применяют данную норму права не только в том случае, когда речь идет о правах и охраняемых законом интересах лиц, не принимающих участия в процессе, но и тогда, когда речь идет о лицах, совершающих распорядительные действия¹.

Несоответствие воли лица его интересам может быть следствием ряда факторов, в том числе: а) неправомерного воздейст-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами гражданского процессуального кодекса РСФСР», п. 11; Научно-практический комментарий к Основам гражданского судопроизводства. М., «Юридическая литература», 1962, стр. 95; Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 56.

вия на волю лица (обман, насилие, угроза и т. д.); б) заблуждения изъявившего волю лица, что весьма часто встречается в практике судебных органов вследствие неясного представления лица о правовых последствиях своих действий; в) вынужденного совершения распорядительных действий в связи со сложившимися тяжелыми обстоятельствами. Подобная ситуация складывается иногда в делах по спорам, возникающим из трудовых правоотношений, когда лицо, длительное время не работающее, заключает мировое соглашение с предприятием на невыгодных для себя условиях¹.

Вопрос о несоответствии воли лица его интересам возникает тогда, когда лицо отказывается от своих материальных прав или же берет на себя дополнительные обязанности. Если распорядительные действия сторон не изменяют материального правоотношения, вопрос о соответствии воли лица его интересам специально не обсуждается. Суд в этом случае ограничивается установлением действительности волеизъявления.

Отказ от субъективных материальных прав или взятие дополнительной обязанности сами по себе не свидетельствуют о противоречии воли лица интересам. При таком понимании данного вопроса пришлось бы вообще исключить из гражданского процессуального права институт отказа истца от иска, так как он представляет собой нередко процессуальную форму отказа лица от субъективного материального права.

Субъективные материальные права находятся в свободном распоряжении лица, и оно может распорядиться ими по своему усмотрению (например, передать другому лицу безвозмездно). Совершение подобных действий нельзя рассматривать как сделку, противоречащую интересам дарителя, так как распоряжение субъективным материальным правом может осуществляться не только в целях удовлетворения материальных, но и духовных интересов (потребностей). При иной оценке соотношения воли и интереса пришлось бы признать, что безвозмездным сделкам в гражданском праве вообще не должно быть места.

Поэтому вопрос о соответствии распорядительных действий сторон их интересам нельзя отрывать от вопроса о действительности волеизъявления. Если воля лица на отказ от принадлежащих ему субъективных прав высказана ясно, если его волеизъявление не является следствием таких факторов, как неправомерное воздействие на его волю, заблуждение, стечение тяжелых обстоятельств, в какой-то степени оказавших влияние на формирование воли, — суд не может отказать в принятии распорядительных действий сторон по мотивам противоречия интересам, хотя бы следствием этих распорядительных действий был полный

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 5, стр. 12; «Социалистическая законность», 1965, № 12, стр. 79.

или частичный отказ от субъективных материальных прав или взятие дополнительной обязанности.

Вопросы соотношения воли и интереса материально (лично) заинтересованных лиц имеют и другую сторону, связанную с пределами пересмотра решений.

В соответствии со ст. 294 ГПК РСФСР при рассмотрении дела в кассационном порядке суд проверяет законность и обоснованность решения как в обжалованной, так и в необжалованной части, а равно в отношении лиц, не подавших жалобы. Рассматривая дело в кассационном порядке, суд может при наличии соответствующих условий изменить или вынести новое решение, не передавая дело на новое рассмотрение (ч. 4 ст. 305 ГПК РСФСР).

Закон не связывает возможность изменения решения или же вынесения нового решения с соответствием этих действий интересам принесшей жалобу стороны.

В противоречии с положениями закона в юридической литературе имеются высказывания о том, что «вышестоящий суд, изменяя решение или вынося новое, не должен ухудшать положения лица, по жалобе которого рассматривалось дело, дабы не нарушать гарантии осуществления права на кассационное обжалование»¹.

Приведенное мнение не только противоречит гражданскому процессуальному законодательству, но не имеет под собой и теоретического обоснования, в связи с чем оно не может служить научной базой для внесения соответствующих изменений в действующее гражданское процессуальное законодательство.

Действие такого правила обосновывают необходимостью гарантирования права на кассационное обжалование решений по аналогии с содержащимся в ст. 240 УПК РСФСР указанием, что суд, рассматривающий дело по кассационной жалобе осужденного, не вправе усилить наказание или применить закон о более тяжелом преступлении². Однако забывают, что УПК РСФСР не применяет данного правила к рассмотрению в кассационном порядке гражданского иска.

Но дело не только в этом. Невозможность изменения решения суда или вынесения нового решения, противоречащего интересам стороны, принесшей кассационную жалобу, не вытекает из соотношения воли и интереса в гражданском процессе, не согласуется с принципами диспозитивности и активной помощи в защите права, которые должны служить теоретической базой законодательного решения данного вопроса.

¹ См.: Гражданский процесс. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 316.

² Там же.

В соответствии с принципом диспозитивности советского гражданского процессуального права движущим началом гражданского процесса является воля материально (лично) заинтересованного лица. Совершая действия по осуществлению процессуального права, лицо приводит в движение судебный механизм, и суд обязан в этом случае совершить определенное действие. Контролирует суд лишь **распорядительные** действия сторон и может не принять их, если последние противоречат **интересам изъявившей волю стороны**.

В данном случае речь идет не о распорядительных действиях сторон и принятии их судом: сторона не распоряжается правом, а осуществляет его, обращаясь в суд с кассационной жалобой. Суд второй инстанции обязан рассмотреть жалобу по существу, проверить законность и обоснованность судебного решения и постановить кассационное определение.

Суд проверяет соответствие воли лица интересам в том случае, когда лицо отказывается от кассационной жалобы, ибо в этом случае сторона распоряжается правом на обжалование, отказывается от него. Если этого нет, суд второй инстанции рассматривает жалобу по существу. **Несоответствие выводов суда интересам принесшей жалобу стороны не может служить основанием к оставлению без изменения незаконного или необоснованного решения.**

В гражданском процессе, как правило, две стороны. Суд второй инстанции, рассматривая дело по существу в отношении стороны, подавшей жалобу, действует в соответствии с принципом диспозитивности, а в отношении другой — в соответствии с принципом активной помощи в защите права. Как было отмечено, не осуществление права не является распоряжением им (отказом от него). Непринесение стороной кассационной жалобы не свидетельствует о том, что она отказывается от своего права на кассационное обжалование, не означает этого и добровольное исполнение решения суда. Поэтому суд второй инстанции в полном соответствии с принципом активной помощи в защите права может постановить решение **в интересах стороны, не принесшей кассационной жалобы.**

Очень убедительно это положение применительно к надзорному производству обосновывает П. Я. Трубников. «В отличие от уголовного процессуального законодательства, — указывает он, — согласно которому суд надзорной инстанции при изменении приговора лишен права на непосредственное усиление наказания (ч. 2 ст. 380 УПК РСФСР), гражданское процессуальное законодательство таких ограничений не содержит. Они и не могли быть предусмотрены законодателем, так как улучшение судом надзорной инстанции положения одной из сторон производится за счет ухудшения положения другой стороны. По смыслу правила, содержащегося в п. 5 ст. 50 Основ, суд надзорной ин-

станции может внести в решение при соблюдении требований названной статьи, любое основанное на материалах дела и законе изменение независимо от того, улучшается этим или ухудшается положение сторон»¹.

Суд не принимает распорядительных действий сторон не только в том случае, если они противоречат интересам изъявившей волю стороны, но и в случае противоречия их интересам государства и других лиц, что вытекает из существа деятельности суда как органа государства². В подобной ситуации, не принимая распорядительных действий сторон, суд не защищает интересов изъявившей волю стороны. Он пресекает ее незаконные действия. Суд не выявляет противоречий между волей и интересом лица, а устанавливает **противоречие воли лица интересам государства или же других лиц.**

Государство, как саморегулируемая, самоуправляемая система, немисливо без органов, содействующих удовлетворению его интересов. Одним из таких органов является суд, который имеет своей целью защиту общественного (государственного) интереса. Но это не означает, что суд не защищает личный интерес. Диалектика личного и общественного интереса в социалистическом обществе такова, что общественный интерес проявляется через личный, а личный служит формой проявления общественного. Поэтому, защищая личный интерес, суд одновременно защищает общественный.

Единство личных и общественных интересов может быть нарушено, то есть удовлетворение личных интересов может противоречить интересам государства. В этом случае суд по своей природе не может стать на защиту личного интереса, ибо подобные интересы не охраняются законом.

Такая проблема может возникнуть перед судом, когда сторона совершает распорядительные действия в процессе с целью, противной интересам государства (например, с целью сокрытия имущества от конфискации в делах об освобождении имущества от ареста). Подобные распорядительные действия судом не принимаются, но уже не в связи с противоречием интересам изъявившего волю лица, а в связи с тем, что распорядительные действия противоречат непосредственно общественным интересам, носят противозаконный характер, в связи с чем за ними не признается значения юридических фактов процессуального права.

Нарушение общественных интересов может выразиться в нарушении интересов лиц, не изъявивших воли на совершение рас-

¹ П. Я. Трубников. Пересмотр в порядке судебного надзора решений, определений и постановлений в советском гражданском процессе. Автореферат докторской диссертации. М., 1969, стр. 26.

² См.: Научно-практический комментарий к Основам гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, стр. 96; Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР, стр. 56.

порядительных действий, то есть лиц, не участвующих в процессе. И в этом случае суд не принимает распорядительных действий сторон, как противоречащих общественным интересам, проявляющимся в интересах конкретных лиц.

Подчеркивая, что суд защищает общественный интерес, мы несколько не умаляем роли суда в защите личных интересов, а напротив, поднимаем еще выше значение деятельности суда по их защите. Теоретики буржуазного гражданского процесса, пытаясь опорочить советский гражданский процесс, указывают на то, что целью советского гражданского процесса не является охрана прав человека. Они умышленно не принимают во внимание особенностей нашего строя, где личные и общественные интересы сочетаются, где нет антагонистических противоречий между личными и общественными интересами, защита личного интереса в силу социалистической организации общества поднята до уровня защиты общественного интереса, ибо последние проникают личные, и, наоборот, личные проникают общественные¹. Поэтому суд в социалистическом государстве не может быть пассивным и полагаться во всех случаях на волю заинтересованных лиц, а оказывает им активную помощь.

Проявлением принципа активной помощи в защите права служит установленное ст. 195 ГПК РСФСР правило: «В зависимости от выяснившихся обстоятельств дела суд может выйти за пределы заявленных истцом требований, если это необходимо для защиты прав и охраняемых законом интересов государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций или граждан». Формулировка статьи не вызывает сомнения в том, что эти действия совершаются судом независимо от заявления истца, но в его интересах.

В юридической литературе до и после принятия Основ гражданского судопроизводства и ГПК союзных республик различно понимают содержание этого правила. Одни авторы полагают, что указанное правило предусматривает лишь возможность постановить решение о взыскании в большем размере, чем просит истец², другие полагают, что в данном случае речь идет не только об этом, но и о праве суда по своей инициативе изменить предмет или основание иска³.

¹ См.: Д. Д. Аверин. Классовая природа и основные институты гражданского процесса Франции. Изд-во Московского университета, 1968, стр. 44.

² См.: Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 55, 227; В. М. Семенов. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права. — Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, выпуск 4. Свердловск, 1964, стр. 346; Гражданский процесс. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 153.

³ См.: Н. Б. Зейдер. Элементы иска в советском гражданском процессе. — Ученые записки Саратовского юридического института, выпуск 4. Саратов, 1956, стр. 158; М. А. Гурвич. Решение суда в исковом производстве. М., ВЮЗИ, 1955, стр. 10—13; Советское гражданское процессуальное право

Отсутствие у суда права изменить предмет или основание иска обосновываются принципом диспозитивности советского гражданского процессуального права. Законодатель, по мнению сторонников этого взгляда, «не пошел на ограничение диспозитивности и не предоставил суду право на изменение основания или предмета иска»¹.

Посмотрим, насколько убедительно такое обоснование отсутствия у суда права на постановление решения по незаявленному требованию.

Сторонники этого взгляда под принципом диспозитивности понимают право субъектов гражданского процесса «свободно распоряжаться материальными и процессуальными правами при активном содействии в осуществлении этих прав со стороны суда, других органов и общественных организаций»². При таком широком понимании принципа диспозитивности вообще непонятно, почему действия суда по изменению предмета или основания иска могут ограничить принцип диспозитивности. Очевидно, эти действия будут являться проявлением принципа диспозитивности.

Нельзя сказать, что предоставление суду права постановить решение по основаниям, не указанным истцом, представляют собой нарушение принципа диспозитивности, когда он рассматривается как возможность материально (лично) заинтересованного лица влиять на движение гражданского процесса. Воля лица в этих случаях не ограничивается, оно воспользуется действиями суда, которые совершаются в связи с тем, что принцип диспозитивности себя исчерпал и для защиты интересов лица необходимо совершение судом действий, выходящих за пределы воли лица, не соответствующей его интересам.

Если стать на позицию сторонников высказанного выше взгляда, придется признать, что и выход суда за пределы размера требований истца есть ограничение принципа диспозитивности, что, однако, никто не констатирует, да и не может этого сделать, так как подобные действия суда не ограничивают принцип диспозитивности, а, напротив, дополняют его.

Теоретическим обоснованием возможности постановления судом решения с выходом за пределы заявленного иска служит принцип активной помощи в защите права, дополняющий прин-

М., «Высшая школа», 1964, стр. 290; К. С. Юдельсон. Советский гражданский процесс. М., Госюриздат, 1956, стр. 206—207; Советское гражданское процессуальное право. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 199 и след.

¹ Н. И. Авдеенко, М. А. Кабакова, А. С. Муравьева, Н. А. Челина, Д. М. Чечот. Основы гражданского судопроизводства и вопросы процессуального законодательства союзных республик. — «Правоведение», 1962, № 2, стр. 72.

² См.: Гражданский процесс. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 43.

цип диспозитивности и служащий совместно с ним одной цели — защите интересов лица.

Право суда выйти за пределы заявленных истцом требований проявляется в следующих формах:

а) выход за пределы размера иска, то есть присуждение количественно больше, чем просит истец;

б) постановление решения на основании юридических фактов, не указанных истцом;

в) постановление решения по предмету, не указанному истцом.

Прежде чем обратиться к анализу нормативного материала, необходимо отметить неточность и внутреннюю противоречивость некоторых суждений по этому вопросу, имеющих в юридической литературе.

Сторонники взгляда, что у суда нет права по своей инициативе изменять предмет или основание иска, допускают возможность его изменения лишь с согласия истца¹. Но если налицо волеизъявление истца на изменение предмета или основания иска, то о каком изменении этих элементов иска судом может идти речь? Для изменения предмета или основания иска необходимо и достаточно волеизъявления истца. Суд решает вопрос о правомерности действий истца, от суда может исходить инициатива совершения подобных действий истцом, но **юридическим фактом процессуального права остается процессуальное действие стороны**. Инициативу суда в этом случае следует рассматривать лишь как разъяснение сторонам их прав, не более. Следовательно, суждение «суд может изменить предмет или основание иска с согласия истца» внутренне противоречиво и бессодержательно, никакой ценности для решения вопроса не представляет.

Внутренне противоречиво и, по существу, неправильно суждение, что суд **изменяет** предмет и основание иска. Суд ни с согласия истца, ни без такового **не в состоянии** изменить основание или предмет иска. Из понятия иска нельзя исключить волевой момент. Иск — это **обращение** заинтересованного лица в суд за защитой нарушенного, оспоренного права или охраняемого законом интереса. Иск — это объективированная воля заинтересованного лица, и изменение ее (воли) содержания другими лицами и органами представляло бы собой грубейшее нарушение основ гражданского судопроизводства, принципа диспозитивности. В целях защиты интересов материально (лично) заинтересованных лиц суд вправе **выйти за пределы иска**, то есть дополнить действия истца своими действиями.

¹ См.: Гражданский процесс. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 153; В. М. Семенов. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права. — Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, выпуск 4. Свердловск, 1964, стр. 346.

На чем базируется (в рассматриваемом аспекте) принцип активной помощи в защите права? Он базируется на обусловленности в конечном итоге **воли лица интересом**. Восполняя в том или ином случае волю материально (лично) заинтересованного лица, суд исходит из презумпции, что его действия соответствовали бы воле материально (лично) заинтересованного лица, если бы последнее было юридически хорошо осведомлено. Суд учитывает обычное житейское правило, что лицо без достаточных к тому оснований не поступит своим интересом.

Поскольку от заинтересованного лица не поступило заявления об отказе от своего права, последнее подлежит защите.

Изложенное дает основание прийти к выводу, что с теоретических позиций, с точки зрения принципов советского гражданского процессуального права, возможно постановление судом решения с выходом за пределы иска.

Однако теоретическая возможность осуществления тех или иных процессуальных действий еще не означает **действительного** существования такого права. Для этого необходимо, чтобы последнее было воплощено в конкретной правовой норме. Анализ и сопоставление отдельных статей гражданского процессуального кодекса дает основание сделать вывод, что нормы гражданского процессуального права предоставляют суду возможность как выйти за пределы размера иска, так и постановить решение на основании юридических фактов и по предмету, не указанным истцом.

Из сопоставления ст. ст. 34 и 195 ГПК РСФСР следует, что, предусматривая право суда выйти за пределы заявленных истцом требований, законодатель не имел в виду предоставить суду лишь право присудить истцу количественно больше того, что он просил. Имея в виду это, законодатель применяет другую формулировку: размер исковых требований. Так, в ст. 33 ГПК РСФСР указывается, что истец вправе изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований или отказаться от иска. Ясно, что в данном случае законодатель специально останавливается на размере исковых требований, выделяя его из предмета иска. В ст. 195 ГПК РСФСР говорится о пределах заявленных истцом требований, что равнозначно понятию «пределы иска».

Право суда выйти за пределы иска вытекает из ряда других норм ГПК РСФСР.

Ст. 200 ГПК РСФСР обязывает суд при присуждении имущества в натуре указывать в решении суда стоимость имущества, которая должна быть взыскана с ответчика, если при исполнении решения присужденного имущества в наличии не окажется. В том случае, когда иск не содержит факультативного требования, суд, применяя при вынесении решения ст. 200 ГПК РСФСР, постановляет факультативное решение по своей инициативе.

Из содержания ст. 201 ГПК РСФСР вытекает, что в решении суда, обязывающего ответчика совершить определенные действия, не связанные с передачей имущества или денежных сумм, может быть указано, что если ответчик не исполнит решения в течение установленного срока, то истец вправе произвести эти действия за счет ответчика со взысканием с него необходимых расходов. И в этом случае в решении суда подтверждается такое полномочие истца, о котором он не просил.

По трудовым делам суд одновременно с решением вопроса о восстановлении лица на работе присуждает в его пользу с предприятия заработную плату за 20 дней вынужденного прогула¹. Бесспорно, что требование о взыскании заработной платы за время вынужденного прогула могло быть предметом самостоятельного иска.

В случае удовлетворения иска суд по своей инициативе взыскивает с ответчика в пользу истца расходы по уплате государственной пошлины (ст. 90 ГПК РСФСР).

Возможность вынесения судом решения на основании юридических фактов, не указанных истцом, подтверждается правилами об определении предмета доказывания.

Предмет доказывания составляют факты основания иска и возражений против них. Однако позиция участвующих в деле лиц может быть неверной. В этом случае «суд обязан проявить инициативу и включить в предмет доказывания обстоятельства, на которые стороны не ссылались»². А это значит, что впоследствии суд вправе постановить решение по основаниям, на которые истец не ссылался.

Выходя при вынесении решения за пределы исковых требований (то есть за пределы воли истца), суд исходит из его интересов.

Как в том случае, когда предмет или основание иска изменяются истцом, так и при выходе суда за пределы заявленных истцом требований возможность совершения этих процессуальных действий связывается с неизменностью интереса, который подлежит судебной защите³. Дело в том, что имущественный интерес может защищаться различными правовыми средствами. На этом, в частности, основывается переход от обязательственного к виндикационному иску.

Особенно наглядно видно постановление судом решения с выходом за пределы заявленных требований в делах особого про-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 13 от 13 сентября 1957 г. «О судебной практике по гражданским трудовым делам», п. 9.

² См.: Гражданский процесс. М., «Юридическая литература», 1968, стр. 169.

³ См.: М. А. Гурвич. Некоторые итоги развития гражданского процессуального права по новому гражданскому и гражданскому процессуальному законодательству. — Сборник тезисов докладов преподавателей ВЮЗИ. М., ВЮЗИ, 1968, стр. 31.

изводства, в частности в делах об установлении юридических фактов. Нередко заинтересованные лица так формулируют свои требования, что их удовлетворение не может привести к достижению цели, которую они преследуют. Суд в этих случаях, вынося решение, выходит за пределы требований (например, заявлено требование о признании тождества лиц, а суд выносит решение о принадлежности правоустанавливающего документа).

Бесспорно, что суд ни в коей мере не должен игнорировать волю заинтересованных лиц, обязан разъяснять их право на изменение предмета и основания иска, на изменение размера исковых требований, способствовать формированию и проявлению воли материально (лично) заинтересованного лица. Однако, если этого не произойдет, гражданское процессуальное право предоставляет суду право в интересах истца выйти за пределы заявленных им требований и присудить ему сверх того, что он требует, и по основаниям, на которые он не ссылался.

*

* *

Отдельный принцип гражданского процессуального права сам по себе, вне системы принципов и социально-политического строя, служащего их источником, не выражает сущности процесса, социального назначения. Социальную ценность принципы гражданского процессуального права приобретают как часть единого целого (системы, порожденной определенным общественным строем).

Принцип диспозитивности служил основой римского гражданского процесса. В феодальном обществе на смену ему пришел процесс следственный, основу которого составляла активность суда, подавляющая инициативу тяжущихся. Единственной возможностью проявления личной инициативы служила возможность обращения за судебной защитой, после чего все шло по инициативе суда. Следственный процесс не столько характеризовался активностью суда, сколько служил цели подавления личной инициативы.

В буржуазном обществе на смену следственному процессу пришел состязательный. Следственному началу была противопоставлена диспозитивность, которая положила конец следственной системе, но, будучи формальной и доведенной до крайности, породила новые трудности, преодоление которых могло иметь место лишь на путях обращения к активности суда в процессе.

Активность суда в гражданском процессе в той или иной мере проявляется в судебной системе капиталистических государств¹.

¹ См.: А. Д. Кейлин. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. М., «Внешторгиздат», 1958, стр. 6 и след.

Но повышение активной роли суда в гражданском процессе, как и в ранний период развития капитализма всемерное ограничение активности суда, не служит интересам трудящихся масс, ибо суд является органом государства и его цель определяется целью государства. Активность суда в капиталистическом обществе способствует рассмотрению споров в выгодном монополистическому капиталу направлении¹. Нередко инициатива суда имеет своим последствием ограничение воли заинтересованных лиц².

Активность советского суда, прокурора, органов государственного управления и социалистических организаций в гражданском процессе уходит корнями в социалистические общественные отношения, что определяет его принципиальное отличие от активности буржуазного суда. Советское гражданское процессуальное право, ликвидировав недостатки и формальный характер принципа диспозитивности (состязательности) буржуазного процесса, признало активность в процессе суда, прокурора, органов государственного управления и других социалистических организаций. Принцип активной помощи в защите права не ограничивает инициативы материально (лично) заинтересованных лиц, а, напротив, действуя на более высокой основе, чем в других экономических формациях, способствует всемерному развертыванию инициативы материально (лично) заинтересованных лиц, дополняет принцип диспозитивности советского гражданского процессуального права и служит совместно с ним единой цели — защите прав и охраняемых законом интересов граждан и социалистических организаций, защите интересов социалистического общества.

¹ См.: М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., ВЮЗИ, 1950, стр. 68; И. Жерулис. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, «Минтис», 1969, стр. 23.

² См.: А. Д. Кейлин. Судостроительство и гражданский процесс капиталистических государств. М., «Внешторгиздат», 1958, стр. 25; М. А. Гурвич. Некоторые итоги развития гражданского процессуального права по новому гражданскому и гражданскому процессуальному законодательству. — Сборник тезисов докладов преподавателей ВЮЗИ. М., ВЮЗИ, 1968, стр. 29.

Часть III

ВОЛЯ, ИНТЕРЕС И МИРОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ СУДЕБНЫХ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

§ 1.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ — ПООЩРЯЕМЫЙ ЗАКОНОМ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВОГО СПОРА

Институт мировых соглашений имеет древнюю историю. Его знают все типы права: от рабовладельческого¹ до социалистического. Но в различных правовых системах мировые соглашения играли неодинаковую роль. Всегда оставаясь способом разрешения правового спора самими спорящими сторонами, в досоциалистических правовых системах мировые соглашения служили (и служат в настоящее время) одним из способов «обхода закона, нарушения законных прав экономически зависимого лица»².

Совершенно иную роль играют мировые соглашения в социалистическом праве. Они представляют собой способ разрешения спора на взаимоприемлемых для сторон условиях, внедряют в отношения между гражданами нормы социалистического общежития, «чувства уважения друг к другу, навыки самостоятельного урегулирования возникающих между ними разногласий по имущественным вопросам»³.

В силу этого мировые соглашения пользуются определенным преимуществом перед судебным решением. В этой связи необходимо остановиться на взглядах отдельных авторов, полагающих, что в условиях социалистического права предпочтительнее вынесение судебных решений, чем разрешение спора на основании мировых соглашений сторон.

Эти взгляды обосновываются двумя доводами. Первый состоит в том, что заключение сторонами мировых соглашений вынуждает суды отступать от правильного применения закона⁴. Второй сводится к тому, что будто бы авторитет государства гарантируется вынесением судебного решения, являющегося актом

¹ См.: Барон. Система римского гражданского права. Москва. Второе издание. Выпуск первый, книга первая. Общая часть, 1898, стр. 322.

² Советское гражданское процессуальное право. М., ВЮЗИ, 1957, стр. 279.

³ С. С. Алексеев. Гражданское право в период развернутого строительства коммунизма. М., Госюриздат, 1962, стр. 275.

⁴ См.: Heinz Püschel. Prozeßvergleich und Urteilverfahren. — «Neue Justiz», 1955, N 20, S. 625.

органа государственной власти — суда, но не утверждением мировых соглашений сторон¹.

Приведенные аргументы сами по себе говорят о том, что у их сторонников нет достаточно ясного представления о сущности и назначении мировых соглашений в социалистическом гражданском процессуальном праве.

Гарри Гаррланд ссылается на следующие доводы, говорящие о преимуществе мировых соглашений перед судебным решением. Во-первых, заключение мирового соглашения дает суду большие возможности в оказании воспитательного воздействия на участников спора, чем судебное решение. Нельзя не видеть, что судебное решение содержит элемент государственного принуждения. Мировое же соглашение заключается на основании волеизъявления самих спорящих сторон, на основе их убеждения в необходимости именно такого разрешения спора.

Во-вторых, судебные споры во многих случаях вызываются незнанием сторонами законодательства. Разъяснение сторонам законодательства может служить основанием для заключения мировых соглашений.

В-третьих, мировые соглашения очень часто становятся первым шагом к окончательному примирению сторон, в то время как судебное решение нередко увеличивает пропасть между спорящими сторонами.

Наконец, заключение сторонами мировых соглашений экономит время и средства суда, что само по себе является немаловажным обстоятельством².

Прежде чем привести другие аргументы, подкрепляющие мысль о том, что заключение мировых соглашений предпочтительнее вынесения судебного решения, следует остановиться на взглядах, высказанных Гайнцем Пюшелем. Гайнц Пюшель приходит к выводу, что обе точки зрения доведены до крайности и односторонни. Вопрос о том, что лучше — судебное решение или же заключение сторонами мирового соглашения, зависит от каждого гражданско-правового спора. И каждый раз суд сам должен сделать вывод об этом. Все конкретные ситуации, при которых заключение мирового соглашения предпочтительнее, чем вынесение судебного решения, в обобщенном виде можно охарактеризовать, по мнению Гайнца Пюшеля, следующим образом: когда имеются трудности фактического порядка для вынесения решения или же трудности, связанные с исполнением будущего решения³. Из сказанного можно сделать логический вывод о том, что при от-

¹ См.: Harri Harrland. Prozeßvergleich und Urteilverfahren. — «Neue Justiz» 1955, N 20, S. 630.

² См.: Harri Harrland, указанная статья, стр. 630—631.

³ См.: Heinz Püschel, указанная статья, стр. 624—625.

сутствии этих обстоятельств судебное решение предпочтительнее мирового соглашения.

Как уже было отмечено, взгляды сторонников признания судебного решения в принципе лучшим способом разрешения гражданско-правового спора являются следствием неправильного понимания сущности и назначения мировых соглашений в социалистическом праве.

При условии законности мировых соглашений последние предпочтительнее судебных решений. И не только по тем аргументам, которые высказаны Гарри Гаррландом. Они предпочтительнее в связи с тем, что заключением мирового соглашения стороны ликвидируют и субъективную сторону спора, создается реальная возможность добровольного исполнения обязанности должником¹. Субъективная сторона спора не всегда ликвидируется при вынесении судебного решения, в связи с чем решения обжалуются сторонами в кассационном порядке.

Мнение сторонников предпочтительности судебного решения перед мировым соглашением основано на неправильном понимании правовой природы мировых соглашений. Только этим можно объяснить их ссылки на то, что при мировых соглашениях суды вынуждены отступать от правильного применения закона, и их рекомендации судам добиваться заключения мировых соглашений лишь в тех случаях, когда возникают трудности в постановлении или же исполнении судебного решения. Эти выводы основаны на том, что при заключении мировых соглашений обязательно должен иметь место отказ одной или обеих сторон от принадлежащих им материальных прав.

Такой взгляд на мировые соглашения бытует и в советской гражданской процессуальной литературе. В учебных пособиях по гражданскому процессуальному праву, изданных в 1957 и 1964 гг., именно по этой причине отмечается, что заключение мировых соглашений лишь допускается советским гражданским процессуальным правом, и очень сдержанно сказано о том, что они поощряются². На таких позициях стоит и К. Комиссаров в своей статье «Отказ от иска и мировое соглашение», опубликованной в 1967 г.³

¹ Только этим можно объяснить закрепленное гражданским процессуальным законодательством ряда европейских социалистических государств правило о немедленном вступлении в законную силу мировых соглашений и невозможности их обжалования в кассационном порядке (см., например, п. 3 § 99 ГПК Чехословакии, утв. 4 декабря 1963 г.; ч. III ст. 125 ГПК Болгарии). Очевидно, по этой же причине сенат царской России в свое время признал, что судебные мировые соглашения принудительному исполнению не подлежат (см.: И. Энгельман. Учебник русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1899, стр. 327).

² См.: Советское гражданское процессуальное право. М., ВЮЗИ, 1957, стр. 276; Советское гражданское процессуальное право. М., «Высшая школа», 1964, стр. 189.

³ См.: «Социалистическая законность», 1967, № 9, стр. 46.

Однако в последнее время в теории советского гражданского процессуального права, законодательстве и судебной практике все сильнее пробивает дорогу тенденция к признанию мировых соглашений принципиально лучшим способом разрешения гражданско-правового спора, чем судебное решение.

В соответствии со ст. 164 ГПК РСФСР и соответствующими статьями ГПК других союзных республик суд начинает судебное разбирательство с предложения сторонам заключить мировое соглашение.

Положение, закрепленное в ст. 164 ГПК РСФСР, Е. И. Аюева рассматривает как требование активизации деятельности судебных органов к поощрению заключения сторонами мировых соглашений¹. Такого же взгляда придерживается В. Н. Щеглов, который отмечает, что мировые соглашения, не противоречащие закону и не нарушающие чьих-либо прав и охраняемых законом интересов, должны получать все более широкое распространение. Суд во всех стадиях гражданского процесса должен принимать меры к окончанию спора мирным путем, «не навязывая мировых соглашений сторонам против их желания, но напоминая о такой возможности и помогая определить условия, если есть основания полагать, что стороны склонны к окончанию дела миром»².

На этих же позициях стоит и Верховный Суд СССР, который в одном из постановлений указал: «В необходимых случаях в зависимости от характера спора суды должны содействовать окончанию дела путем заключения мировых соглашений. Возможность разрешения спора путем примирения должна выясняться судьей и в процессе подготовки дела к судебному разбирательству»³.

В связи с возрастающей ролью мировых соглашений в советском гражданском процессуальном праве стала наглядной неразработанность целого ряда вопросов, связанных с использованием этого института. В первую очередь, это относится к определению правовой природы и содержания мировых соглашений. В советской гражданской процессуальной литературе нет достаточно глубоких исследований, посвященных этому вопросу. Определения в отдельных небольших статьях и учебниках противоречи-

¹ См.: Е. И. Аюева. О совершенствовании деятельности судебных органов и законодательства по обеспечению добровольного соблюдения норм права. — «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 43.

² В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное правоотношение. Докторская диссертация. Рукописный фонд библиотеки им. Ленина. Томск, 1967, стр. 187.

³ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 октября 1965 г. «О практике применения судами процессуального законодательства при рассмотрении гражданских дел», п. 4, часть II. — «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 6, стр. 8; см. также: Постановление № 48 Пленума Верховного Суда РСФСР от 19 марта 1969 г. «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству», п. 8. — «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1969, № 7, стр. 9.

вы, что не способствует правильному пониманию института мировых соглашений и использованию его на практике. Не разработан и целый ряд других, частных вопросов, имеющих существенное значение для правильного применения этого института. Совершенно не исследован в советской гражданской процессуальной литературе вопрос о возможности и пределах использования внесудебных мировых соглашений.

Изложенное говорит о том, что институт мировых соглашений еще не занял подобающего места в системе советского права.

§ 2.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АКТ.

Мировое соглашение как процессуальное действие

Гражданский процесс возникает в результате предъявления иска в установленном законом порядке и принятия его судом. Цель гражданского процесса — защита нарушенного или оспоренного права или охраняемого законом интереса. Судебным актом, разрешающим спор по существу, служит судебное решение, однако оно не является единственным средством разрешения гражданско-правового спора в уже возникшем процессе. Таким средством может быть и утвержденное судом мировое соглашение сторон.

Право на заключение сторонами мировых соглашений закреплено советским гражданским процессуальным правом, как одно из проявлений принципа диспозитивности (ст. 34 ГПК РСФСР). От воли сторон зависит, будет ли судом вынесено решение или процесс завершится утверждением мирового соглашения сторон.

Волеизъявления сторон на заключение мирового соглашения представляют собой **процессуальные действия**. Нельзя согласиться с укоренившимся в теории гражданского процессуального права взглядом, что волеизъявление сторон на заключение мирового соглашения — это гражданско-правовое действие¹. Такой взгляд основан на представлении, что судебное мировое соглашение — гражданско-правовая сделка, заключенная в процессе, а следовательно, действия сторон по совершению сделки — факты гражданского права.

Но мировое соглашение не всегда включает в себя акт распоряжения материальным правом. В тех случаях, когда мировое соглашение лишь подтверждает существование материального правоотношения в том виде, в каком оно существовало до процесса², акту распоряжения материальным правом нет места. Дей-

¹ См.: Советское гражданское процессуальное право. М., ВЮЗИ, 1957, стр. 276; Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения. Изд-во Саратовского университета, 1965, стр. 17.

² См.: М. Тупчиев. Отказ от иска и мировое соглашение как основание для прекращения производства по делу. — «Советская юстиция», 1963, № 23, стр. 10.

ствия сторон представляют собой осуществление процессуального правомочия — права на заключение мирового соглашения. В связи с тем что любое действие, совершаемое в осуществлении процессуальных прав и обязанностей, является действием процессуальным¹, заключение мирового соглашения сторонами есть совершение процессуальных действий.

Заключение мирового соглашения — это акт реализации процессуальных прав обеими спорящими сторонами. Его нельзя представлять таким образом, что одна из сторон осуществляет процессуальное право, а другая исполняет процессуальную обязанность. Стороны друг с другом в процессуальных правоотношениях не состоят. Гражданское процессуальное правоотношение возникает между сторонами и судом². Поэтому стороны несут процессуальные обязанности перед судом, точно так же их процессуальным правам корреспондируют процессуальные обязанности суда³. Заключение мирового соглашения — реализация сторонами своих процессуальных прав. Суд не может препятствовать сторонам в заключении законных мировых соглашений — в этом процессуальная обязанность суда.

Мировое соглашение — всегда юридический факт в области гражданского процессуального права⁴. В тех случаях, когда судебное мировое соглашение включает в себя акт распоряжения материальным правом, оно выступает и как юридический факт материального права. Поэтому неверно утверждение, будто бы мировое соглашение всегда есть акт распоряжения процессуальным и материальным правом⁵. Как уже отмечалось, в тех случаях, когда досудебное материальное правоотношение мировым соглашением лишь подтверждается, но не изменяется и не прекращается, мировое соглашение выступает только как юри-

¹ См.: Д. М. Чечот. Участники гражданского процесса. М., Госюриздат, 1960, стр. 10; М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия. — Труды ВЮЗИ, том III; Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. М., ВЮЗИ, 1965, стр. 94; В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное правоотношение. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 78.

² См.: М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 91; В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное правоотношение, стр. 25; Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения, стр. 15; Д. Р. Джалилов. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты. Душанбе, «Ирфон», 1962, стр. 17.

³ См.: Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения, стр. 61; В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное правоотношение, стр. 72.

⁴ Д. М. Чечот. Участники гражданского процесса, стр. 10; В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное правоотношение. Докторская диссертация. Рукописный фонд библиотеки им. Ленина, 1967, стр. 41; Демократические основы советского социалистического правосудия. М., «Наука», 1965, стр. 160.

⁵ См.: С. В. Курылев. Объяснение сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М., Госюриздат, 1965, стр. 157.

дический факт в области процессуального, но не материального права.

Процессуальноправовое значение мировых соглашений заключается в том, что они являются актами разрешения гражданскоправового спора. В этом сходство их содержания с содержанием судебного решения. Одновременно мировое соглашение служит одним из оснований (в совокупности с определением суда) прекращения производства по делу¹.

В этой связи необходимо остановиться на роли договоров в возникновении, изменении и прекращении гражданских процессуальных правоотношений. Обычно, когда желают показать отличие гражданских процессуальных правоотношений (как властеотношений) от материальных правоотношений между равными субъектами, ссылаются на то, что договоры не могут служить юридическими фактами, вызывающими возникновение, изменение или же прекращение гражданских процессуальных правоотношений².

Действительно, между судом и участвующими в процессе лицами договоры не могут быть заключены, так как процессуальные правоотношения между ними — это не отношения между равными субъектами, а властеотношения. Но договоры между сторонами имеют существенное значение для изменения и прекращения гражданских процессуальных правоотношений. Такими фактами, кроме мировых соглашений, выступают договоры о передаче дел на рассмотрение товарищеского и третейского судов (п. 7 ст. 219 ГПК РСФСР), договоры об изменении территориальной подсудности для данного дела (ст. 120 ГПК РСФСР). Следовательно, договоры в гражданском процессуальном праве выступают юридическими фактами процессуального значения. Отличие договоров как оснований изменения и прекращения гражданских процессуальных правоотношений от договоров как оснований изменения и прекращения материальных правоотношений с равными субъектами заключается в том, что эти договоры всегда выступают в гражданских процессуальных правоотношениях не как самостоятельные юридические факты, а как часть юридического состава, обязательным элементом которого выступает и волеизъявление суда (вынесение им определения)³. Являясь процессуальным юридическим фактом, мировое соглашение, однако, никаких процессуальных прав и обязанностей между сторонами не создает⁴.

¹ См.: Н. И. Авдеенко. Рецензия на книгу В. Н. Щеглова «Гражданское процессуальное правоотношение». — «Правоведение», 1967, стр. 120.

² См.: Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения, стр. 17; В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное правоотношение, стр. 72, 94—96; М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 105.

³ См.: Н. И. Авдеенко. Рецензия на книгу В. Н. Щеглова, стр. 120.

⁴ См.: Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения,

Мировое соглашение представляет собой и акт распоряжения процессуальным правом. Закрывая мировое соглашение, стороны тем самым отказываются от своего права на судебное решение. Но полностью от судебной защиты они не отказываются. Судебная защита в этих случаях оказывается в форме судебного определения, которым мировое соглашение утверждается и приобретает силу судебного решения¹.

Но факт распоряжения процессуальным правом — не главное в заключении мирового соглашения. Главное, как уже отмечалось, — это осуществление процессуального права на заключение мирового соглашения, то есть разрешение спора на основании волеизъявления самих спорящих сторон.

Признание мирового соглашения только актом распоряжения процессуальным правом серьезно обедняет его содержание и служит причиной неправильного определения его процессуальной природы.

Исходя из того что мировое соглашение (с точки зрения процессуально-правовой) есть акт распоряжения процессуальным правом, М. А. Гурвич приходит к выводу, что «мировое соглашение, заключенное на суде, состоит не во взаимных волеизъявлениях каждой из сторон, обращенных к другой стороне, а в обращении обеих сторон к суду, одновременных и согласованных по своему содержанию. Таким образом, судебное мировое соглашение существенно отличается по своему составу от мировой сделки (договора) гражданского материального права, которая фактически (хозяйственно) лежит в его основе»².

С выводами М. А. Гурвича согласиться трудно. В соответствии с конструкцией, предлагаемой М. А. Гурвичем, волеизъявления сторон на заключение мирового соглашения — это юридические факты гражданского права, а не процессуальные действия. Процессуальными действиями являются обращения обеих сторон к суду, одновременные и согласованные по содержанию. Но это уже не соглашение, а **односторонние волеизъявления**. Получается, что процессуальному институту мировых соглашений в советском гражданском процессуальном праве места нет.

Мировое соглашение, отказ от иска и признание иска

Мировое соглашение — действие по разрешению гражданского правового спора самими спорящими сторонами. Заключение мирового соглашения приводит к ликвидации субъективной стороны гражданско-правового спора, примирению. Следовательно,

стр. 18; В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное правоотношение. Докладская диссертация, ч. 1, стр. 41.

¹ К. И. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение. — «Социалистическая законность», 1967, № 9, стр. 46.

² М. А. Гурвич. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия, стр. 105.

мировое соглашение выступает правовой формой фактического примирения сторон. Поэтому мировое соглашение и примирение — понятия не идентичные, хотя в юридической литературе и практике судебных органов они иногда отождествляются. Примирение — категория не правовая, а фактическая. Оно может служить стимулом к заключению мирового соглашения, само мировое соглашение, в свою очередь, может содействовать примирению.

Процессуальной формой примирения может быть не только мировое соглашение, но и такие процессуальные действия, как отказ от иска и признание иска.

Отказ от иска как процессуальная форма фактического примирения сторон очень часто имеет место в делах по спорам, возникающим из семейно-брачных отношений, в частности в делах по искам о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Поводом к предъявлению подобных исков служит, как правило, прекращение совместной супружеской жизни и отказ отца доставлять содержание своим несовершеннолетним детям. Нередко в течение процесса взаимоотношения супругов налаживаются, и истица обращается в суд с заявлением об отказе от иска. В этих случаях отказ от иска выступает как процессуальная форма фактического примирения супругов. Субъективная сторона спора ликвидируется и при признании иска ответчиком.

Таким образом, общее между мировым соглашением, отказом от иска и признанием иска то, что они служат процессуальной формой фактического примирения сторон. Другой общей чертой между перечисленными процессуальными действиями является то, что все они представляют собой, в большей или меньшей степени, акты распоряжения процессуальными, а в некоторых случаях и материальными правами сторон.

Различие между этими процессуальными действиями состоит в том, что в одном случае имеет место одностороннее волеизъявление стороны, а в другом случае — соглашение. Отказ от иска и признание иска являются односторонними волеизъявлениями истца или ответчика, адресованными суду как участнику гражданских процессуальных правоотношений. Они не являются результатом согласованного волеизъявления сторон, а имеют самостоятельное распорядительное значение каждое. Суд соответствующим образом должен реагировать на них. Заключение мирового соглашения — двустороннее волеизъявление, договор об условиях разрешения гражданско-правового спора. Если суд утвердит мировое соглашение, то спор считается разрешенным на предусмотренных сторонами условиях.

В гражданской процессуальной литературе имелись попытки установления иных критериев для отграничения мировых соглашений от отказа от иска. Так, по мнению М. Тупчиева, отличие отказа от иска от мирового соглашения заключается в том, что

отказ от иска безусловен, а мировое соглашение всегда основано на взаимных уступках¹. Как будет показано ниже, взаимные уступки — не обязательный элемент мировых соглашений, а следовательно, они не могут служить критерием для разграничения этих процессуальных действий. Нельзя признать удачным и критерий, предлагаемый К. Комиссаровым, по мнению которого, главной отличительной чертой мирового соглашения от отказа от иска или же признания иска является то обстоятельство, что «при мировом соглашении стороны не отказываются от судебной защиты своих прав, наоборот, полагаются на власть суда, который в случае нарушения соглашения может принудить виновную сторону выполнить принятые на себя обязательства»². Однако нельзя отрицать то обстоятельство, что мировое соглашение сторон представляет все же акт распоряжения процессуальным правом. И в этих случаях стороны отказываются от обычных процессуальных средств судебной защиты, от судебного решения. Поэтому необходимым и достаточным критерием отграничения мирового соглашения от отказа от иска и признания иска служит характер волеизъявления сторон.

Не учитывая этого критерия, судебные органы в практической деятельности допускают ошибки, которые заключаются в том, что суды односторонние волеизъявления сторон рассматривают как их мировые соглашения и, наоборот, двусторонние волеизъявления сторон рассматривают как отказ от иска и признание иска. В практике судебных органов имеются случаи, когда истцы отказываются от иска на том основании, что ответчик обязуется добровольно исполнить свою обязанность в будущем. Так, истица обратилась в суд с иском о выселении ответчика — бывшего мужа — ввиду создания им условий невозможности совместного с ним проживания. В судебном заседании ответчик дал обещание добровольно освободить жилое помещение. Народный суд на основании заявления истицы прекратил производство по делу³. Однако в данном случае не было отказа истицы от иска. Надобность в процессе отпала в связи с тем, что стороны разрешили спор на взаимоприемлемых условиях. Подтверждение ответчиком своей обязанности явилось действием по заключению мирового соглашения. Налицо и волеизъявление истицы на разрешение спора на условиях, предлагаемых ответчиком.

В других случаях суды рассматривают как процессуальное действие такое волеизъявление ответчика, которое не носит правового характера. Так, в исках о выселении ввиду создания условий невозможности совместного проживания суды утвержда-

ют мировые соглашения, по которым истицы отказываются от исковых требований о выселении ответчиков, а ответчики обещают в будущем не употреблять спиртных напитков. Но заявления ответчиков не являются процессуальными действиями, обещание не употреблять в будущем спиртных напитков не есть подтверждение или же принятие на себя определенной правовой обязанности. В данном случае имеется одно процессуальное действие — волеизъявление истиц на прекращение процесса, то есть отказ от иска. Если в этих действиях суд не найдет ничего противоречащего их интересам, он должен принять отказ от иска и прекратить производство по делу.

В практике судебных органов имеются случаи, когда признание ответчиком иска о выселении одни суды расценивают как мировое соглашение и по этим основаниям прекращают производство по делу, другие при тех же обстоятельствах — выносят решение о выселении.

Такое смешение процессуальных действий сторон судами неправомерно. Признание ответчиком иска может быть рассмотрено как волеизъявление на заключение мирового соглашения только в том случае, если это волеизъявление принимается истцом, то есть он выражает согласие на разрешение спора на предлагаемых ответчиком условиях¹. Если же истец не согласен, то признание иска ответчиком остается односторонним волеизъявлением, адресованным суду.

Мировое соглашение и судебное решение

Содержание мирового соглашения, заключенного в судебном заседании, может быть тождественным содержанию любого судебного решения, в том числе решения, основанного на частичном отказе истца от иска и частичном признании ответчиком иска, на полном признании ответчиком исковых требований.

Если содержание любого судебного решения может быть и содержанием мирового соглашения, то это еще не означает, что и любое содержание мирового соглашения сторон может быть содержанием судебного решения. Судебное решение бывает основано на внепроцессуальных (в большинстве случаев — допроцессуальных) юридических фактах материального права. Даже судебное решение по преобразовательному иску преобразует правоотношение между сторонами лишь путем констатации фактов, существовавших до процесса².

Мировое соглашение — результат волеизъявления сторон. Со-

¹ См.: М. Тупчиев. Отказ от иска и мировое соглашение как основание для прекращения производства по делу, стр. 10.

² См.: К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение, стр. 45.

³ Архив народного суда Ленинского района г. Саратова, 1962, дело № 2—186.

¹ См.: М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950, стр. 120.

² См.: О. А. Красавчиков. Юридические факты в советском гражданском праве. М., Госюриздат, 1953, стр. 134.

держание правоотношения, подтвержденного или же созданного этим соглашением, может полностью совпадать с допроцессуальным материальным правоотношением, но может и не совпадать. Во втором случае мировое соглашение выступает как юридический факт материального права, сам по себе существенно изменяющий допроцессуальное материальное правоотношение. Судебное решение таким свойством не обладает, поэтому оно и не может иметь содержанием подобное волеизъявление сторон¹.

• Кроме того, в результате вынесения судом решения обязанность принудительного осуществления его возможна только в отношении ответчика. При заключении мирового соглашения не только ответчик, но и истец может принять на себя определенные обязанности. Принятые на основании мирового соглашения обязанности должны выполнить как истец, так и ответчик, в противном случае установленные мировым соглашением обязанности сторон будут принудительно осуществлены судебным исполнителем.

§ 3. МАТЕРИАЛЬНОПРАВОВОЕ ДЕЙСТВИЕ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

Мировое соглашение как подтверждение допроцессуальных материальных правоотношений

Как уже отмечалось, мировое соглашение — способ разрешения гражданскоправового спора. От судебного решения мировое соглашение (по влиянию на гражданскоправовые отношения) отличается тем, что может служить юридическим фактом, изменяющим допроцессуальные материальные правоотношения. Но такие последствия могут и не наступить. В тех случаях, когда при заключении мирового соглашения стороны лишь подтверждают наличие определенного между ними правоотношения и вытекающие из него требования, мировое соглашение, утвержденное судом, оказывает на материальное правоотношение такое же влияние, как и судебное решение.

Мировое соглашение в этом случае может быть формой кон-

¹ Иначе к решению данного вопроса подходит С. В. Курылев. Он полагает, что признание ответчиком иска (с точки зрения влияния на гражданскоправовые отношения сторон) является гражданскоправовой сделкой. Следовательно, в решении суда аккумулируются волеизъявления сторон, на основе которых возникают новые правоотношения (см.: С. В. Курылев. Объяснение сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М., Госюриздат, 1956, стр. 152—180). Взгляд С. В. Курылева в гражданской процессуальной литературе поддержки не нашел.

кретизации спорного права. Конкретизирующее действие мирового соглашения, как и судебного решения, проявляется в том, что определяется содержание права в тех случаях, когда в законе или сделке участников правоотношения оно точно не определено. Такая конкретизация имеется, например, в случае решения вопроса о взыскании алиментов на содержание нуждающихся и нетрудоспособных родителей, о выделе и разделе общего имущества и в некоторых других случаях¹.

Мировое соглашение как прощение долга

Одним из способов прекращения обязательства является односторонняя сделка — прощение долга². Если это действие совершается в гражданском процессе, то оно имеет форму отказа от иска, включающего в себя как акт распоряжения процессуальным, так и материальным правом.

В тех случаях, когда истец полностью отказывается от иска, необходимость совершения каких бы то ни было правовых действий со стороны ответчика исключается и дело производством прекращается. Иначе обстоит дело, когда имеется частичное прощение долга. Такое материальноправовое действие может быть совершено как в форме частичного отказа от иска, так и в форме мирового соглашения сторон. Подобное материальноправовое значение мировое соглашение будет иметь в том случае, если истец отказывается частично от действительно принадлежащего ему права, а ответчик обязуется возратить оставшуюся часть долга. При этом следует иметь в виду, что не во всех случаях частичного отказа истца от иска при заключении мирового соглашения имеется прощение долга. Нельзя забывать, что требования истца не всегда соответствуют действительным взаимоотношениям сторон. Возможно, что, частично отказываясь от иска, истец, по существу, приводит свое требование в соответствие с действительно существующими материальными правоотношениями. Заключенное на этой основе мировое соглашение будет не процессуальной формой прощения долга, а подтверждением существовавших до процесса материальных правоотношений сторон³.

¹ См.: Н. Б. Зейдер. Судебное решение по гражданскому делу. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 88—100; А. К. Кац. Конкретизация судом гражданских и семейных правоотношений с частично неурегулированным содержанием. Автореферат кандидатской диссертации. Свердловск, 1965.

² См.: Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 273.

³ См.: Н. Б. Зейдер. Судебное решение по гражданскому делу, стр. 93—94.

Мировое соглашение как юридический факт, изменяющий содержание материального правоотношения

Содержание обязательства составляют права и обязанности его участников. Вынося решение, суд подтверждает существование определенного материального правоотношения между сторонами, а также вытекающие из этого правоотношения права и обязанности сторон. Такое же действие на материальноправовое отношение оказывает мировое соглашение, когда оно ограничивается подтверждением допроцессуальных материальных правоотношений сторон. Но, в связи с тем что спор разрешают сами материально заинтересованные лица, их волевые действия по разрешению гражданскоправового спора могут одновременно служить и юридическими фактами материального права, изменяющими материальное правоотношение между сторонами. Изменение содержания правоотношения заключается в изменении объема и характера прав и обязанностей сторон¹.

Частным случаем изменения гражданского правоотношения является соглашение о частичном прощении долга, которое изменяет субъективное право кредитора и одновременно субъективную обязанность должника. Другим случаем изменения содержания правоотношения является замена одного вида услуг, которые должны были бы быть совершены должником, другим, замена одной индивидуально определенной вещи — другой и т. п.

Мировое соглашение как новация

Новация — по советскому гражданскому праву соглашение «по которому стороны договариваются о замене одного их связывающего обязательства каким-либо другим, новым обязательством»². При новации старое обязательство прекращается и возникает новое, с новым содержанием. Основанием возникновения нового обязательства являются действия по новации, которые выступают юридическими фактами возникновения нового обязательства. Однако обязательство, возникшее вследствие новации, сохраняет определенную связь со старым, прекращенным обязательством. Эта юридическая связь заключается в том, что действительность нового обязательства зависит от действительности старого. За этими пределами связи между старым и новым обязательствами нет. В частности, срок исковой давности для нового обязательства начинает течь заново³.

¹ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Казахской ССР. Алма-Ата «Казахстан», 1965, стр. 282.

² См.: О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Курс лекций. Общая часть. Изд-во Ленинградского университета, 1958, стр. 503.

³ См.: Советское гражданское право. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 540.

Таким образом, новация обязательства существенно отличается от изменения его содержания. Измененное обязательство — это то же обязательство, только с измененным объемом прав и обязанностей, с измененным характером этих прав и обязанностей. С изменением обязательства исковая давность не начинает течь заново, обязательство прекращается лишь в какой-то части, причем никаким новым обязательством в этой части не заменяется.

Новация может быть гражданскоправовым последствием заключения мирового соглашения. Однако нельзя согласиться с имеющимися в теории гражданского процессуального права высказываниями о том, что мировое соглашение всегда есть новация.

Правильно утверждение, что гражданскоправовые последствия мирового соглашения заключаются в том, что отношения между сторонами базируются на волеизъявлениях сторон по заключению мирового соглашения, хотя бы они (права и обязанности сторон) существенно отличались от допроцессуальных¹. Но из этого еще нельзя сделать вывод, что во всех случаях имеет место новация — замена одного обязательства другим, как считают некоторые².

М. А. Гурвич следующим образом поясняет это положение: «В гражданскоправовом отношении судебная мировая сделка образует вид новации, т. е. сделки, направленной на изменение первоначального содержания правоотношений между сторонами»³. Неправильный вывод М. А. Гурвича является следствием неправильной посылки, что новация — это сделка, направленная на изменение первоначального содержания правоотношения между сторонами. Изменение содержания правоотношения — это не новация. Новация имеется в том случае, когда одно правоотношение прекращается и его место занимает другое. Нельзя признать убедительным аргументом и тот довод, что в результате судебного мирового соглашения всегда имеет место замена спорного правоотношения бесспорным⁴. Во-первых, новация — институт материального права, и его действие, следовательно, распро-

¹ См.: Советское гражданское процессуальное право. М., ВЮЗИ, 1957, стр. 276; Д. Силянновски, Ж. Сталев. Граждански процес, т. 1. София, 1958, стр. 411; Heinz Püschel. Verfügungen der Parteien über den Streitgegenstand. — «Das Zivilprozeßrecht der DDR». Berlin, 1956, S. 166; Das Zivilprozeßrecht der DDR. Erster Band, Berlin, 1957, S. 389.

² См.: Советское гражданское процессуальное право. М., ВЮЗИ, 1957, стр. 276; Советское гражданское процессуальное право. М., «Высшая школа», 1964, стр. 188; П. Я. Трубников. Судебное разбирательство гражданских дел. М., Госюриздат, 1962, стр. 94.

³ Советское гражданское процессуальное право. М., ВЮЗИ, 1957, стр. 276.

⁴ См.: П. Я. Трубников. Судебное разбирательство гражданских дел, стр. 94.

страняется на случаи, когда и прекращающееся и вновь возникающее правоотношения бесспорны. Во-вторых, замену спорного правоотношения бесспорным нельзя рассматривать как новацию и потому, что в этом случае всякое судебное решение также придется считать новацией, ибо судебное решение всегда превращает спорное материальное правоотношение в бесспорное¹.

Поэтому следует прийти к выводу, что мировое соглашение (в его гражданско-правовом значении) нельзя рассматривать как новацию². Гражданско-правовое значение мирового соглашения различно, и лишь в отдельных случаях оно своим последствием может иметь новацию.

Вопрос о взаимных уступках как обязательном элементе содержания мирового соглашения

Мировое соглашение представляет собой способ разрешения гражданско-правового спора. Сущность мирового соглашения заключается в том, что спор разрешается волеизъявлением заинтересованных лиц. Некоторые авторы именно так и понимают мировое соглашение, рассматривая его как договор об условиях прекращения спора³.

Большинство же представителей науки советского гражданского процессуального права⁴, гражданского процессуального

¹ См.: Н. Б. Зейдер. Судебное решение по гражданскому делу, стр. 13.

² См.: К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение, стр. 43.

³ См.: К. Анохин. Судебные мировые сделки. — «Советская юстиция», 1959, № 9, стр. 52; Гражданский процесс. М., Госюриздат, 1948, стр. 280—284; А. Ф. Клейман. Советский гражданский процесс. Изд-во Московского университета, 1954, стр. 243; Советский гражданский процесс. Изд-во Московского университета, 1964, стр. 202; К. С. Юдельсон. Советский гражданский процесс. М., Госюриздат, 1956, стр. 267; С. В. Курылев. Объяснение сторон как доказательство в советском гражданском процессе. М., Госюриздат, 1956, стр. 179; Г. В. Воронков. Определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе. Изд-во Саратовского университета, 1967, стр. 56—57; Его же. Судебные определения об утверждении мировых соглашений и охрана прав граждан в советском гражданском процессе. — «Развитие прав граждан и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства». Саратов, 1962, стр. 228.

⁴ Из русских процессуалистов такого взгляда придерживался В. Л. Исаченко (см.: В. Л. Исаченко. Мировой суд. Практический комментарий на первую книгу Устава гражданского судопроизводства. С.-Петербург, 1913, стр. 231).

⁵ См.: Советское гражданское процессуальное право. М., ВЮЗИ, 1957, стр. 276; Советское гражданское процессуальное право. М., «Высшая школа», 1964, стр. 188; Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения. Изд-во Саратовского университета, 1965, стр. 17; М. Тупчиев. Отказ от иска и мировое соглашение как основание для прекращения производства по делу. — «Советская юстиция», 1963, № 23, стр. 10; К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение. — «Социалистическая законность», 1967, № 9, стр. 45; П. Я. Трубников. Судебное разбирательство гражданских дел. М., Госюриздат, 1962, стр. 93—94; Краткий юридический словарь для насе-

права европейских социалистических государств¹, а также науки гражданского процессуального права в капиталистических государствах² обязательным условием заключения мирового соглашения считают взаимные уступки.

При этом, как правило, понятие взаимных уступок не раскрывается, предполагается само собой разумеющимся, в то время как исследование этого вопроса по незначительным высказываниям, имеющимся в литературе, показывает, что термин «уступки» понимается далеко не одинаково.

Наиболее обще это понятие определяет И. Энгельман, рассматривающий мировое соглашение «как договор о спорных правоотношениях, которым каждая сторона предоставляет другой стороне известные выгоды и принимает на себя известные невыгоды»³. Таким образом, под уступкой понимается нечто, чего лишается лицо уступающее, и это нечто приобретает то лицо, в пользу которого совершена уступка. Но что это такое, И. Энгельман не уточняет. Остается неясным, относится ли к уступке распоряжение материальным правом в пользу контрагента или же и распоряжение процессуальным правом.

Следующим образом характеризует взаимные уступки профессор Барон: «В чем состоит взаимная уступка, это зависит от соглашения сторон: 1) иногда одна из сторон отказывается от части права и получает признание остального; 2) или за вознаграждение она отказывается от своего права; 3) или, наоборот, получает признание своего права и обязывается дать условленное вознаграждение противной стороне.... Уступка всегда должна быть обоюдною, иначе договор является дарением»⁴. Из изложенного можно сделать вывод, что под уступкой автор подразумевает распоряжение материальным, но не процессуальным правом.

Склонны рассматривать уступку как акт распоряжения материальным правом болгарские процессуалисты Д. Силяновски и Ж. Сталев. «В связи с тем, — указывают они, — что мировое со-

ления. М., Госюриздат, 1962, стр. 211; Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 55; Комментарий к Гражданскому кодексу Казахской ССР. Алма-Ата, «Казахстан», 1965, стр. 282.

¹ Д. Силяновски, Ж. Сталев. Гражданский процес, т. 1. София, 1958, стр. 408; Гражданский кодекс Польской Народной Республики. Закон от 23 апреля 1964 г., ст. 917; Das Zivilprozessrecht der DDR. Berlin, 1957, S. 385.

² См.: И. Энгельман. Учебник русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1899, стр. 325; Е. К. Васильковский. Учебник гражданского процесса. М., 1914, стр. 457; Броун. Система римского гражданского права. Выпуск первый, книга первая. Общая часть. Второе издание. М., 1898, стр. 232; Leo Rosenberg. Lehrbuch des Deutschen Zivilprozessrechts. München und Berlin, 1956, S. 600.

³ И. Энгельман. Учебник русского гражданского судопроизводства, стр. 325.

⁴ Барон. Система римского гражданского права, стр. 232.

глашение прекращает производство на основе взаимных уступок, следует вывод, что соглашение, в соответствии с которым ответчик полностью признает исковое требование истца, не представляет собою судебное мировое соглашение. В науке существует взгляд, будто бы и в подобных случаях имеет место мировое соглашение, так как истец отказывается от постановления решения, на которое имеет право. Такой взгляд едва ли может быть одобрен, так как отказ от постановления решения не представляет никакой уступки, судебное мировое соглашение приравнивается к судебному решению... Мировое соглашение имеет место тогда, когда ответчик признает претензию в полном размере, но устанавливает выплату по частям, в этом случае уступка есть «налицо»¹.

С явным процессуальным уклоном определяет понятие уступки Лео Розенберг, указывая следующее: «Уступка одной стороны может заключаться в том, что она откажется или не использует процессуальную возможность, а именно — откажется от права на решение. В основе договора будет лежать мировое соглашение в том случае, если истец откажется от притязания и возьмет иск обратно, ответчик же выразит согласие на это действие и откажется от решения о расходах; или в том случае, если стороны придут к соглашению о взятии обратно как первоначального, так и встречного иском; или если ответчик полностью признает притязание истца, а истец даст согласие на уплату долга в рассрочку...»².

По немногочисленным высказываниям в советской гражданской процессуальной литературе можно сделать вывод, что советские процессуалисты содержание уступок видят в распоряжении процессуальным правом. Так, в научно-практическом комментарии к ГПК РСФСР следующим образом определяется содержание взаимных уступок: «Мировое соглашение представляет собой соглашение сторон об условиях прекращения спора о праве в гражданском на основе взаимных уступок. Заключая мировое соглашение, истец, как правило, отказывается от части своих притязаний или изменяет их; ответчик, в свою очередь, признает уменьшенные или измененные требования истца»³. Но это и есть не что иное, как частичный отказ истца от иска под условием частичного признания иска ответчиком, то есть распоряжение своим процессуальным правом на судебную защиту.

Примерно так же определяет содержание уступки М. Тупчиев: «При заключении мирового соглашения истец частично отказывается от своих первоначальных требований или, отказываясь полностью, выдвигает новые условия. Соответственно полностью

или частично отказывается от своих возражений ответчик, выдвигая взамен их новые.

При отказе от иска (когда есть отказ от прав) истец распоряжается своим субъективным правом, не требуя никаких уступок от ответчика, т. е. отказ истца от прав безусловен в отличие от мирового соглашения, где изменение исковых требований истца обусловлено изменением возражений ответчика»¹. Хотя в данном определении и сделан намек на распоряжение материальным правом (когда делается ссылка на субъективное право), под содержанием уступок автор главным образом понимает распоряжение процессуальным правом. В целом определение, даваемое М. Тупчиевым, нельзя признать удачным. Истец частично отказывается от исковых требований не под условием замены ответчиком одних возражений другими (это было бы бессмысленно), а под условием признания ответчиком его измененных требований.

Своеобразно раскрывает содержание уступок П. Я. Трубников: «Заключение судебного мирового соглашения влечет за собой прекращение спорного правоотношения и возникновения беспорного, точно определенного правоотношения. Ответчик освобождается от обязанности, которую, по мнению истца, он должен был исполнить, и принимает на себя новую обязанность. Истец также отказывается от своего права, которое оспаривается ответчиком, и заменяет его новым требованием. Делается это каждой стороной добровольно на основе взаимных уступок»².

Таким образом, речь идет не об отказе от действительного субъективного материального права и не о замене действительной субъективной материальной обязанности ответчика, а об отказе от предполагаемого материального права истца и предполагаемой материальной обязанности ответчика. А это означает то же самое, что и частичный отказ истца от иска и частичное признание иска ответчиком, то есть и по определению П. Я. Трубникова содержание взаимных уступок — распоряжение не материальным, а процессуальным правом.

Такой взгляд советских процессуалистов на содержание уступок, делаемых в течение процесса, вполне правомерен. Иначе быть не может.

Объектом судебного разбирательства является спорное материальное правоотношение. До вынесения судебного решения и вступления его в законную силу не считаются достоверно установленными объем и характер субъективного права истца, объем и характер субъективной обязанности ответчика. На рассмотрении суда находится предполагаемое правоотношение, содержа-

¹ М. Тупчиев. Отказ от иска и мировое соглашение как основание для прекращения производства по делу, стр. 10.

² П. Я. Трубников. Судебное разбирательство гражданских дел, стр. 94.

¹ Д. Силияновски, Ж. Сталев. Граждански процес, стр. 409.

² Leo Rosenberg, указанная работа, стр. 600.

³ Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР, стр. 55.

ние которого определяется исковыми требованиями истца. Действительно лишь само требование истца и возражения ответчика, то есть действительно процессуальное право сторон. Отказаться же можно только от действительных, а не предполагаемых прав. Поэтому содержанием уступки может быть только отказ от процессуальных прав¹.

Следует иметь в виду и другое обстоятельство. Суть гражданских (в широком смысле слова) отношений заключается в том, что праву одного лица соответствует обязанность другого. Поэтому в гражданских правоотношениях, не носящих двустороннего характера, уступка может быть совершена только одной стороной — кредитором. Должник не может уступить в материальноправовом смысле, так как уступка предполагает акт распоряжения, а распоряжаться можно только правами, но не обязанностями. Взаимные уступки возможны только в двусторонних обязательствах. В односторонних обязательствах уступка должника может выразиться в принятии дополнительной обязанности, но это уже не будет акт распоряжения субъективным правом в данном правоотношении.

Иначе обстоит дело с процессуальными правами сторон. Стороны находятся в гражданских процессуальных правоотношениях с судом. По отношению к суду обе стороны обладают процессуальными правами и обязанностями. Поэтому существует реальная возможность взаимных уступок — одновременный акт распоряжения своими процессуальными правами. Истец может отказаться частично от иска. Это действие совершается истцом в интересах ответчика: ответчик освобождается от совершения процессуальных действий в защиту своего интереса. Ответчик, в свою очередь, может частично признать иск. Это — действие совершаемое в интересах истца: истец освобождается от совершения процессуальных действий в защиту своего права. Процессуальные действия сторон одновременно являются актами осуществления процессуальных прав (права на отказ от иска, на признание иска), а также актами распоряжения своими процессуальными правами. Иначе говоря, это процессуальные действия распорядительного характера, совершаемые в интересах другой стороны. Если частичный отказ от иска совершается под условием признания иска в оставшейся части ответчиком или, наоборот, признание определенной части иска ответчиком совершается под условием отказа истца от другой части иска, налицо взаимные уступки.

Но признать, что судебное мировое соглашение может быть заключено только посредством взаимных уступок, значит иска

¹ Конечно, отказ от процессуальных прав влечет и отказ от материальных прав, если они были в действительности. Но материальные права не могут быть предметом уступки, так как их существование спорно.

зять сущность мировых соглашений и их значение в советском гражданском процессуальном праве.

Во-первых, не будет считаться мировым соглашением сторон о разрешении спора на основе полного признания ответчиком исковых требований истца, так как в этом случае будет налицо только односторонняя уступка. Следовательно, если истец правильно, в соответствии с действительными материальными правоотношениями, определит свои исковые требования и ответчик признает исковые требования, стороны будут лишены возможности реализовать свое процессуальное право — разрешить спор на взаимоприемлемых для обеих сторон условиях. Для того чтобы они заключили мировое соглашение, истец должен будет отказаться от иска в какой-то части, а ответчик признать их в оставшейся части. Но разве это для судебных органов ориентир, способствующий претворению в жизнь идеи о всемерном содействии заключению сторонами мировых соглашений? Акцентирование внимания на взаимных уступках не служит правильным направлением для судебных органов и может помешать в защите субъективных материальных прав граждан. Исходя из того, что мировое соглашение не только результат согласованного волеизъявления сторон, но и итог взаимных уступок, суд при утверждении мирового соглашения вынужден будет каждый раз устанавливать наличие взаимных уступок и при отсутствии их отказывать в утверждении мирового соглашения, продолжать судебное разбирательство с последующим вынесением судебного решения.

Во-вторых, взаимные уступки — побочный результат мирового соглашения, процессуальный эффект, сопутствующий в некоторых случаях мировым соглашениям, но не его обязательный элемент. Цель мирового соглашения — разрешение спора на основании волеизъявления самих спорящих сторон. Такое право предоставлено сторонам процессуальным законом — оно их процессуальное право. Заключение мирового соглашения может выразиться во внешней форме, сходной с таким процессуальным действием, как частичный отказ от иска истца и частичное признание иска ответчиком. Но по своему существу они ими не являются, так как действия сторон не обращены к суду. Это уже отказ от притязания и признание притязания, то есть это — волеизъявления сторон, обращенные друг к другу. Процессуальным действием, обращенным к суду, является отказ обеих сторон от судебного решения и на этой основе требование прекращения производства по делу.

Таким образом, взаимные уступки (в процессуальном понимании) не являются признаком, характеризующим существо мировых соглашений. Из определения мировых соглашений данный признак должен быть исключен. Тем более нельзя включать в определение судебных мировых соглашений такой признак, как взаимные уступки в материальном праве.

Судебное мировое соглашение следует рассматривать как соглашение сторон об условиях разрешения судебного спора на приемлемых для них условиях. Главным и решающим в этом определении — указание на то, что спор разрешается на основании волеизъявления самих спорящих сторон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНЫХ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

§ 1.

ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Право — регулятор общественных отношений¹. Механизм правового регулирования общественных отношений состоит из различных элементов, одним из которых являются договоры. Они выступают типичным способом регулирования общественных отношений в сфере «автономного урегулирования». Сущность «автономного урегулирования» общественных отношений заключается в том, что оно осуществляется самими участниками отношений. Возможность автономного урегулирования основана на способности субъектов отношения принимать на себя определенные обязанности. «Такого рода «автономное урегулирование» сравнительно широко распространено в гражданском праве; существенную роль оно играет в трудовом или колхозном праве; оно встречается также в процессуальном праве (мировые соглашения), а также в административном праве»².

Мировое соглашение представляет собой один из способов регулирования общественных отношений. Его особенность заключается в том, что неясное, спорное правоотношение становится четко определенным, бесспорным правоотношением. Таким свойством обладает и судебное решение. В этом и заключается суть судебного решения как индивидуального акта регламентирования общественных отношений³.

В связи с тем что мировое соглашение представляет собой договорный способ разрешения судебного спора, область его применения ограничена сферой действия договора, то есть сферой «автономного регулирования». Следовательно, по общему правилу, споры, возникающие из гражданских, семейных, трудовых и колхозных правоотношений, могут быть предметом мировых соглашений.

Однако общее правило предполагает исключения, о чем за-

¹ См.: Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., Госюриздат, 1961.

² С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 162.

³ См.: С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, стр. 161.

бывают сторонники признания возможности заключения мировых соглашений по любым спорам, возникающим из перечисленных правоотношений¹. Сторонники этого взгляда не учитывают, что в некоторых случаях для получения правового эффекта необходимо наличие судебного решения, что и в сфере перечисленных отраслей прав воле сторон не предоставлено безраздельное господство и что в определенных случаях воля суда не может быть заменена волей сторон. Так, например, обстоит дело с расторжением брака. Вступление в брак зависит от воли брачующихся. Для расторжения брака в большинстве случаев воли супругов недостаточно. Необходима еще воля суда, воплощенная в судебном решении. В процессе по расторжению брака мировое соглашение не может быть заключено. Сторонники признания возможности заключения мировых соглашений по любым спорам не учитывают общего правила, что волеизъявление сторон может быть способом разрешения судебного спора в тех же пределах, в каких оно могло служить основанием урегулирования спора до обращения в суд за судебной защитой. То, что не могут сделать стороны своим волеизъявлением до возбуждения дела, не могут сделать и в процессе.

В связи с тем что сфера применения мировых соглашений в определенных видах правоотношений устанавливается путем определения исключений из общего правила, необходимо обратиться к различным областям материальных правоотношений и попытаться выяснить эти исключения.

Гражданско-правовые споры

Гражданское законодательство регулирует отношения между социалистическими организациями, социалистическими организациями и гражданами, между гражданами². Субъективный состав правоотношений не влияет на возможность заключения мировых соглашений. В болгарской гражданской процессуальной литературе высказано мнение, что споры между социалистическими организациями не могут разрешаться путем заключения мировых соглашений. Эти выводы основываются на том, что мировые соглашения предполагают взаимные уступки, а социалистические организации должны точно исполнять свои

¹ См.: О. Степанова. Судебная мировая сделка. — «Социалистическая законность», 1959, № 10, стр. 31; Г. В. Воронков. Судебные определения об утверждении мировых соглашений сторон и охрана прав граждан в советском гражданском процессе. — «Развитие прав граждан и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства». Саратов, 1962, стр. 228; Е. Г. же. Определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе. Саратов, 1967, стр. 57.

² Ст. 2 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик.

обязанности и реализовывать свои права¹. Нетрудно понять, что эти высказывания являются следствием неправильного понимания сущности мировых соглашений, будто бы в результате заключения мирового соглашения обязательно имеет место отказ от субъективных материальных прав. Между социалистическими организациями, во всяком случае, могут быть заключены мировые соглашения, подтверждающие допроцессуальные материальные правоотношения.

Тем более могут быть заключены мировые соглашения между социалистическими организациями и гражданами². В советской процессуальной литературе имелись высказывания о невозможности заключения подобных мировых соглашений³. Однако это положение вполне справедливо поддержки среди процессуалистов не нашло. Во-первых, мировое соглашение может подтвердить существование допроцессуальных правоотношений. Во-вторых, в отдельных случаях в отношениях с участием граждан социалистические организации могут идти на определенные уступки (например, в спорах из жилищных правоотношений).

В советской гражданской процессуальной литературе существует мнение, будто бы не могут заключаться мировые соглашения в тех случаях, когда те или иные положения твердо урегулированы законодателем⁴. Действительно, в гражданском праве имеются положения, твердо урегулированные законодательством и не могущие быть измененными соглашением сторон. К таким вопросам относятся, например, сроки исковой давности, размер возмещения вреда, причиненного гражданину повреждением здоровья, размеры ответственности железной дороги за утрату груза, багажа и т. д. Мировыми соглашениями не могут быть изменены содержания таких правоотношений. Но из этого нельзя прийти к выводу, что по данным правоотношениям не могут быть заключены мировые соглашения. Необходимо лишь, чтобы мировые соглашения не изменяли содержания правоотношений, а лишь подтвердили их.

Споры, возникающие из семейных правоотношений

Семейное право регулирует главным образом личные, немущественные отношения членов семьи⁵ и вытекающие из них

¹ См.: Д. Силяновски, Ж. Сталев. Граждански процес, стр. 409.

² См.: Das Zivilprozessrecht der DDR, S. 387.

³ См.: К. Анохин. Судебная мировая сделка. — «Советская юстиция», 1959, № 9, стр. 52.

⁴ См.: К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение, стр. 46.

⁵ См.: В. А. Тархов. Советское семейное право. Изд-во Саратовского университета, 1963, стр. III; В. А. Рясенцев. Семейное право. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 28—29.

имущественные отношения. Поэтому роль соглашений как оснований возникновения семейных правоотношений невелика¹. Нормы семейного права носят императивный характер².

Однако императивный характер норм семейного права совершенно не говорит о том, что споры, возникающие из семейных правоотношений, не могут быть разрешены мировым соглашением. Как уже отмечалось, мировые соглашения не обязательно изменяют допроцессуальные материальные правоотношения, они могут их просто подтвердить. Поэтому мировым соглашением может быть разрешен спор о правоотношениях, возникновение и содержание которых носит императивный характер.

Одновременно нельзя не отметить и то обстоятельство, что в семейном праве больше, чем в других отраслях права, регулирующих отношения между гражданами, изменение и прекращение правоотношений взято под судебный контроль и не может осуществляться на основании волеизъявлений сторон³. Поэтому во многих случаях разрешение спора путем заключения мирового соглашения исключается. Так обстоит дело в спорах, возникающих из личных, неимущественных правоотношений⁴. Иски о расторжении брака и признании брака недействительным не могут быть разрешены мировым соглашением⁵. Не могут разрешаться соглашением сторон и споры, связанные с решением вопроса о гражданском состоянии детей⁶. Независимо от того, по чьей инициативе возбуждены гражданские дела о лишении родительских прав, отмене усыновления, подобные дела разрешаются вынесением судебного решения, но не заключением мировых соглашений. Это объясняется тем, что в подобных случаях суд в первую очередь защищает интересы ребенка и с их учетом разрешает гражданско-правовой спор. Суд дает оценку действиям одной или обеих спорящих сторон. Очевидно, что эта оценка не может быть дана самими спорящими сторонами, а поэтому

¹ См.: В. А. Рясенцев. Семейное право, стр. 28—30.

² Там же, стр. 28.

³ См.: М. Т. Оридорога. Расторжение брака. М., Госюриздат, 1958, стр. 27.

⁴ Это обстоятельство отмечается в процессуальной литературе ряда европейских социалистических государств. Так, высказано мнение, что мировые соглашения недопустимы в спорах, связанных с решением вопроса о прекращении брака (см.: *Das Zivilprozessrecht der DDR*, S. 386), в спорах, связанных с признанием гражданского состояния (см.: Д. Силянски, Ж. Сталев. Граждански процес, стр. 410).

⁵ См.: Г. М. Каратыш. Процессуальные вопросы признания брака недействительным. — Тезисы итоговой научной конференции юридического факультета за 1966 г. Изд-во Ростовского университета, 1967, стр. 38.

⁶ См.: П. Елисейкин. Судебные мировые соглашения. — «Советская юстиция», 1968, № 7, стр. 18.

их воля не может служить основанием для решения спора¹.

Иначе обстоит дело с имущественными отношениями супругов, детей и других членов семьи. Любой спор из имущественных правоотношений может быть разрешен мировым соглашением. В частности, это относится к спорам, возникающим из алиментных правоотношений, в том числе по поводу взыскания средств на содержание несовершеннолетних детей. Как известно, регулирование алиментных отношений по поводу содержания несовершеннолетних детей отличается от регулирования других алиментных правоотношений тем, что в первом случае законом твердо установлен размер алиментных платежей². Но из этого не следует, что спор не может быть разрешен мировым соглашением. Мировые соглашения могут быть заключены, но они должны ограничиваться фактом подтверждения существующих алиментных обязательств и не могут изменять их содержания³. В спорах из других алиментных правоотношений мировые соглашения могут не только констатировать наличие определенного правоотношения, но и конкретизировать его содержание⁴.

Споры, возникающие из трудовых правоотношений

Судебные органы разрешают споры, возникающие из применения трудового законодательства: споры, связанные с увольнением, вознаграждением за труд и наложением административных взысканий⁵.

Споры, связанные с наложением дисциплинарных взысканий, не могут заканчиваться заключением мировых соглашений, ибо это область властных полномочий администрации. Согласованное волеизъявление спорящих сторон не может служить основанием разрешения такого рода споров. Необходимо волеизъявление суда.

Остальные две группы споров могут быть разрешены мировым соглашением спорящих сторон. Не имеет значения, что основания увольнения по инициативе администрации и в большинстве случаев размер вознаграждения работника за труд точно определены законом. Споры возникают именно в связи с тем, что работник полагает совершение администрацией действий,

¹ Это обстоятельство в несколько ином плане подмечено А. И. Пергамент (см.: А. И. Пергамент. Опекa и попечительство. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 246).

² См.: Кодекс о браке и семье РСФСР, закон РСФСР от 30 июля 1969 г., ст. ст. 68 ч. 1 и 78.

³ См.: В. А. Рясенцев. Советское семейное право, стр. 33.

⁴ См.: А. Безина, В. Лазарев. Конкретизация права в судебной практике. — «Советская юстиция», 1968, № 2, стр. 6.

⁵ См.: В. И. Смолярчук. Законодательство о трудовых спорах. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 108.

противоречащих действующему законодательству. Если с этим полностью или частично соглашается администрация, — налицо мировое соглашение. Суд должен содействовать урегулированию трудовых конфликтов мирным путем¹.

Поэтому вызывает серьезные возражения решение данного вопроса в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Гражданского процессуального кодекса РСФСР». В пункте 11 постановления отмечается, что не могут иметь юридической силы мировые соглашения по вопросам, «которые твердо регулируются нормами трудового законодательства и не могут разрешаться соглашением сторон». Из приведенного положения можно сделать вывод, будто бы существуют трудовые споры, которые вообще не могут быть разрешены мировыми соглашениями. В связи с указанием Пленума в юридической литературе делаются выводы о необходимости расширения сферы применения данного правила, распространения его на другие отрасли права². Эта тенденция, как противоречащая основному направлению на усиление роли мировых соглашений в гражданском процессе и основанная на неправильном понимании сущности мировых соглашений, не имеет под собой основы.

Теоретической базой для такого вывода в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР служит мнение о том, что мировые соглашения обязательно должны иметь следствием **изменение содержания** допроцессуальных материальных правоотношений. Поскольку содержание правоотношения твердо установлено законом, стороны не могут своим волеизъявлением изменить его.

Но мировое соглашение, как уже неоднократно отмечалось, не обязательно должно изменять содержание материального правоотношения. Оно может ограничиться его подтверждением. Мировое соглашение — это соглашение о разрешении судебного

¹ Особое значение этому придают в гражданском процессуальном законодательстве Польской Народной Республики, в соответствии с которым представителями ответчика по искам трудящихся обязательно должны быть лица, «знакомые с обстоятельствами дела и правомочные заключать мировые сделки» (см.: И. Ю х о, С. Куры л е в. Гражданский процессуальный кодекс Польской Народной Республики. — «Советская юстиция», 1967, № 1, стр. 28). Признают возможность заключения мировых соглашений и не видят оснований для ограничения этого способа разрешения правового спора отдельными видами трудовых дел и представители советской правовой науки (см.: Е. И. Ф и л и п п о в. Судебная защита трудовых прав граждан СССР. М., Госюриздат, 1961, стр. 45; В. И. С м о л я р ч у к. Законодательство о трудовых спорах, стр. 140; А. Э п ш т е й н. Рецензия на книгу В. И. Смолярчука «Законодательство о трудовых спорах». — «Советская юстиция», 1966, № 17, стр. 26).

² См.: К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение, стр. 45.

спора, как справедливо указывает К. Комиссаров¹, но не обязательно соглашение об изменении или же новации материально-го правоотношения.

Иск и предмет мирового соглашения

Предметом мирового соглашения могут быть как споры по искам о признании, так и споры по искам о присуждении и преобразовательным искам². Например, мировым соглашением может быть разрешен спор о соавторстве или же спор о признании права на жилую площадь и т. п. В практике судебных органов большинство мировых соглашений заключается по искам о признании.

На первый взгляд, может показаться, что споры по преобразовательным искам не могут быть предметом мирового соглашения. Но такое суждение было бы неправильным. Действительно, в преобразовательных судебных решениях воля суда компенсирует волю одной из сторон (например, в исках о расторжении договора найма жилого помещения отсутствие воли нанимателя жилого помещения на расторжение договора найма компенсируется волей суда). Однако судебный контроль над большинством правоотношений, составляющих содержание преобразовательных исков, не обязателен. Стороны сами могли бы преобразовать свои правоотношения. Обращение в суд требуется в связи с тем, что одна из сторон не изъявляет воли на преобразование правоотношения. Отсутствует возможность заключения мирового соглашения в том случае, когда судебный контроль обязателен. А это зависит не от вида иска, но от воли законодателя, которая обусловлена характером правоотношения³. Так, когда дело касается брачно-семейных правоотношений, взятых государством под особую охрану, то как по искам о признании (признание брака недействительным), так и по преобразовательным искам (расторжение брака) заключение мировых соглашений невозможно.

При объективном соединении исков, то есть соединении нескольких исковых требований одного истца к одному ответчику, предметом мирового соглашения может быть отдельное исковое требование. Утверждая мировое соглашение сторон относительно

¹ См.: К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение, стр. 45.

² Существование преобразовательных исков в теории советского гражданского процессуального права спорно.

³ Это положение закреплено в гражданском процессуальном законодательстве Чехословакии: «Если характер дела допускает, участники могут закончить производство судебным миром. Суд должен всегда пытаться достигнуть мирового соглашения». (§ 99 Гражданского процессуального кодекса Чехословакии 1963 г.)

по одного требования, суд в этой части прекращает производство по делу, а в остальной части слушание дела продолжает.

Это положение не нашло закрепления в советском гражданском процессуальном законодательстве. В ст. 24 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик содержится указание на то, что стороны могут окончить дело мировым соглашением. Приведенное положение можно понять так, что спор частично мировым соглашением разрешен быть не может, ибо в этом случае дело не оканчивается. Получается, что основная забота законодателя не в том, чтобы способствовать заключению сторонами мировых соглашений, а в том, чтобы лишь использовать их как средство прекращения производства по делу, освобождения суда от разрешения спора. Это не согласуется с ролью мировых соглашений. Поэтому в процессуальное законодательство необходимо внести уточнение, указав, что мировым соглашением может быть разрешена часть спора, а в остальной части суд может продолжать слушание дела по существу¹.

§ 2.

СУБЪЕКТЫ СУДЕБНЫХ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Заключение сторонами мирового соглашения представляет собой способ разрешения правового спора. Право сторон на заключение мирового соглашения — одно из проявлений принципа диспозитивности в советском гражданском процессуальном праве.

Бесспорно, что не могут быть субъектами мирового соглашения прокурор, а также социалистические организации и граждане, участвующие в процессе на основании ст. 30 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Мировое соглашение предполагает возможность подтверждения или же принятия **на себя** определенной обязанности. Эти действия могут быть совершены лишь участниками материальных правоотношений. Ими являются такие участвующие в деле лица, на чьих правах или же обязанностях может отразиться судебное решение, то есть участвующие в деле лица, имеющие к делу материальный (личный) интерес.

Таким образом, теоретически исключается возможность заключения мировых соглашений участвующими в процессе лицами, не имеющими материального (личного) интереса к процессу, то есть прокурором, организациями и гражданами, участвующими в процессе на основании ст. 30 Основ гражданского

¹ Гражданский процессуальный кодекс Болгарии (ст. 125 ч. IV) допускает заключение мирового соглашения в части спора. В оставшейся части процесс продолжается.

судопроизводства Союза ССР и союзных республик. С другой стороны, теоретически допустимо заключение мировых соглашений участвующими в процессе лицами, имеющими материальный (личный) интерес к процессу. Вопрос о том, кто именно допускается к совершению этих действий, разрешается законодательством. Проанализируем, как этот вопрос разрешается в советском гражданском процессуальном праве и насколько имеющееся решение вопроса соответствует роли мировых соглашений.

Стороны как субъекты мировых соглашений

Статья 24 Основ, закрепляя право сторон на заключение мирового соглашения, не уточняет, как обстоит дело в том случае, когда имеет место процессуальное соучастие. Исходя из процессуального положения соучастников (каждый из истцов или ответчиков по отношению к другой стороне выступает в процессе самостоятельно — ст. 25 Основ гражданского судопроизводства), можно прийти к выводу, что при необязательном соучастии каждый из соучастников может самостоятельно заключить мировое соглашение. В отношении соучастников, заключивших мировое соглашение, суд должен производство по делу прекратить, а в остальной части разрешить его по существу¹.

При обязательном соучастии, когда предметом судебной защиты выступает общее право, мировое соглашение может быть заключено лишь в том случае, если все соучастники выразят на это согласие, то есть каждый из соучастников в отдельности мирового соглашения заключить не может².

Третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, как субъекты мировых соглашений

Советское гражданское процессуальное право (ст. 27 ч. 1 Основ гражданского судопроизводства) предоставляет третьим лицам, заявляющим самостоятельные требования на предмет спора, все права истца. В силу этого третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, имеют право на заключение мировых соглашений³.

¹ Такого мнения придерживаются и болгарские процессуалисты, хотя в ГПК Болгарии данный вопрос не решен. «Мировое соглашение, — указывают Д. Силяновски и Ж. Сталев, — между обыкновенными соучастниками в процессе и противоположной стороной имеет значение только для тех, кем оно было заключено, но не для остальных соучастников; процесс в отношении остальных соучастников продолжается» (см. Д. Силяновски, Ж. Сталев. Граждански процес, стр. 409).

² См.: Д. Силяновски, Ж. Сталев. Учебник, стр. 409.

³ См.: К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение, стр. 45; О. Степанова. Судебная мировая сделка. — «Социалистическая законность», 1959, № 10, стр. 32.

Следует иметь в виду лишь отдельные особенности. Мировые соглашения они могут заключать с ответчиками в том случае, если первоначальный истец отказывается от иска или же суд отказывает ему в иске. В противном случае субъектами мировых соглашений должны выступать наряду с третьим лицом, заявляющим самостоятельные требования на предмет спора, ответчик и первоначальный истец.

Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, как субъекты мировых соглашений

Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 27) третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований на предмет спора, не предоставляют права на заключение мировых соглашений. Это положение Основ не согласуется с усилением роли мировых соглашений в советском гражданском процессе и основано на неправильном понимании сущности мировых соглашений и их назначении. Действительно, если роль мировых соглашений видеть только в том, что они служат основанием для прекращения производства по делу, то достаточно того, чтобы право на заключение мировых соглашений было предоставлено сторонам, ибо с заключением ими мирового соглашения производство по делу прекращается.

Но суть мировых соглашений не в этом. Мировое соглашение является способом разрешения гражданскоправового спора, на основании волеизъявления самих заинтересованных лиц. Во многих случаях разрешение спора сторонами зависит от волеизъявления третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора, но материально заинтересованного в исходе дела. Так, ответчик, заключая мировое соглашение на основе полного или же частичного признания иска, заинтересован в том, чтобы третье лицо, участвующее на его стороне, взяло обязанность возместить ему выплаченные суммы. Отсутствие у третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, права на заключение мировых соглашений мешает в заключении сторонами мировых соглашений. Поэтому надлежит внести в действующее гражданское процессуальное законодательство изменения, предоставив третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований на предмет спора, право участвовать в заключении мировых соглашений¹.

¹ Признают право третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, на участие в заключении мировых соглашений стороны болгарские процессуалисты. «Нет препятствий для участия в мировом

Заинтересованные лица, не участвующие в деле, как субъекты мировых соглашений

Мировое соглашение отличается от судебного решения, в частности, тем, что в результате заключения мирового соглашения могут возникать новые гражданские права и обязанности. Поэтому сфера применения мировых соглашений шире, чем сфера использования судебного решения как средства разрешения гражданскоправового спора. Но существующее регулирование мировых соглашений не создает необходимых условий для полного использования этих возможностей. Речь идет о том, что советское гражданское процессуальное право не предоставляет право лицам, не участвующим в деле, участвовать в заключении мировых соглашений.

Для лиц, участвующих в деле, характерно то, что: 1) они заинтересованы в исходе дела и 2) являются участниками гражданских процессуальных правоотношений. Лица, заинтересованные в исходе дела, но к участию в процессе не привлеченные, участвующими в деле лицами не являются. В этих случаях допущенную ошибку легко устранить, достаточно привлечь заинтересованное лицо к участию в деле.

При заключении мировых соглашений может, однако, сложиться такая ситуация, при которой лицо, не заинтересованное в исходе дела, оказывается заинтересованным в заключении мирового соглашения. Поясним это на следующем примере.

В делах о принудительном обмене жилых помещений суды, как правило, привлекают в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, лиц, с которыми должен быть произведен обмен жилого помещения. Как правильно было отмечено в юридической литературе, эти лица не могут участвовать в процессе в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора, так как решение суда ни в какой мере не может повлиять на их права или же обязанности¹. С другой стороны, при заключении мирового соглашения между сторонами может возникнуть необходимость урегулирования определенных условий с этим лицом. Если заинтересованное лицо изъявит согласие на заключение мирового соглашения, суд должен допустить его к участию в деле именно с целью заключения мирового соглашения. Это не обычное участие в деле лицо, заинтересованное в деле. Его интерес возникает в связи и по поводу заключения мирового соглашения.

соглашении сторон и привлеченных или дополнительно вступивших в дело третьих лиц, когда мировое соглашение урегулирует и правоотношение между спорящими сторонами и третьими лицами» (см.: Д. Силановски, Ж. Сталев. Граждански процес, стр. 409).

¹ См.: Д. Р. Джалилов. Лица, участвующие в гражданских делах искового производства. Душанбе, «Ирфон», 1965, стр. 29.

И такой интерес должен быть признан основанием для участия в деле.

На необходимость привлечения к участию в деле лиц, чьи интересы могут быть затронуты мировым соглашением, указывалось в процессуальной литературе. «Судьи не всегда проверяют, затрагивают ли мировые сделки правовые интересы лиц, не участвующих в деле, хотя последних нужно было привлечь в качестве истцов, ответчиков или третьих лиц», — отмечает О. Степанова¹. В то же время автор ограничивается решением вопроса о привлечении к процессу лиц, заинтересованных в исходе дела в обычном понимании. Как уже отмечалось, этим ограничиваться нельзя. Необходимо расширить рамки участия в деле лиц, предоставив возможность вступления в дело лиц, заинтересованных в заключении мировых соглашений². Тогда не будет случаев, когда суды включают в мировые соглашения лиц, «не участвующих в деле, и возлагают на них обязанности, вытекающие из мировой сделки»³. Так обстояло, например, дело при утверждении мирового соглашения между В. А. Малиновским и Е. И. Малиновской. В. А. Малиновский оговорил в мировом соглашении обязанность своей матери С. А. Малиновской подарить часть дачи Е. И. Малиновской⁴. Такое условие могло быть включено в мировое соглашение лишь в том случае, если бы С. А. Малиновская участвовала в деле и приняла на себя эту обязанность.

Полномочия представителей на заключение мировых соглашений

Судебные представители выступают в суде от имени и в интересах участвующих в деле лиц. В соответствии со ст. 46 ГПК РСФСР договорные представители имеют право на заключение мировых соглашений лишь в том случае, если совершение этого действия специально оговорено в доверенности.

Для законных представителей таких ограничений нет. В соответствии со ст. 48 ГПК РСФСР законные представители совершают от имени представляемого все процессуальные действия, право совершения которых принадлежит представляемому, с ограничениями, предусмотренными законом. Следовательно, законные представители имеют право на заключение мировых соглашений⁵.

¹ См.: О. Степанова. Судебная мировая сделка, стр. 32.

² Возможность заключения мировых соглашений с лицами, не участвующими в деле, признают в процессуальной литературе ГДР (см.: Das Zivilprozessrecht der DDR, S. 388).

³ О. Степанова. Судебная мировая сделка, стр. 32.

⁴ См.: «Советская юстиция», 1961, № 7, стр. 29.

⁵ См.: И. М. Ильинская, Л. Ф. Лесницкая. Судебное представительство в гражданском процессе. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 112.

В тех случаях, когда путем заключения мирового соглашения законный представитель распоряжается имуществом подопечного, которым он не может распоряжаться без согласия органов опеки и попечительства (ст. 86 КЗоБСО РСФСР), для действительности мирового соглашения необходимо согласие этого органа.

Орган опеки и попечительства должен вступить в процесс с целью дачи заключения (ст. 30 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

§ 3.

СТАДИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА, В КОТОРЫХ МОЖЕТ БЫТЬ ЗАКЛЮЧЕНО МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Статья 24 Основ гражданского судопроизводства, предусматривая право сторон на окончание дела мировым соглашением, не конкретизирует стадий гражданского процесса, в которых может быть заключено мировое соглашение. Нет такой конкретизации и в большинстве ГПК союзных республик. В силу того что право на заключение мирового соглашения выражает принцип диспозитивности, правило, закрепленное в ст. 24 Основ гражданского судопроизводства, обычно распространяют на все стадии гражданского процесса.

Впервые о возможности заключения мировых соглашений в любой стадии гражданского процесса было сказано в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР от 5 марта 1928 г.¹ С тех пор в юридической литературе это положение прочно утвердилось², оно не оспаривается и после принятия новых гражданских процессуальных кодексов союзных республик³. Однако с этим положением согласиться нельзя.

¹ См.: Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. М., «Советское законодательство», 1935, стр. 52.

² См.: А. Штейнберг. Мировые сделки. — «Советская юстиция» 1940, № 10, стр. 10; Е. И. Филиппов. Судебная защита трудовых прав граждан. М., Госюриздат, 1961, стр. 45; Г. В. Воронков. Судебные определения об утверждении мировых соглашений и охрана прав граждан в советском гражданском процессе. — «Развитие прав граждан СССР и усиление их охраны на современном этапе коммунистического строительства». Саратов, 1962, стр. 231; О. Степанова. Судебная мировая сделка. — «Социалистическая законность», 1959, № 10, стр. 31; Е. Е. же. Мировая сделка в суде второй инстанции. — «Социалистическая законность», 1961, № 9, стр. 52; К. Анохин. Судебные мировые сделки. — «Советская юстиция», 1959, № 9, стр. 53.

³ См.: Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР, стр. 55; Г. В. Воронков. Определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе. Саратов, 1967, стр. 57; К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение, стр. 46.

Стадия гражданского процесса представляет собой «совокупность ряда процессуальных действий, объединенных ближайшей процессуальной целью»¹. Известны такие стадии гражданского процесса, как принятие искового заявления и подготовка дела к слушанию². В этих стадиях гражданского процесса мировые соглашения заключены быть не могут³.

Этот вывод вытекает из сопоставления ст. ст. 129, 141 и 165 ГПК РСФСР. В соответствии со ст. 165 ГПК РСФСР мировые соглашения утверждаются судом в коллегиальном составе, в то время как в стадиях принятия искового заявления и подготовки дела к слушанию все процессуальные действия совершаются судьей единолично.

Что касается остальных стадий гражданского процесса, то в них мировые соглашения сторонами могут быть заключены. Следует лишь иметь в виду, что в таких стадиях гражданского процесса, как пересмотр решений в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам, заключение мировых соглашений почти исключено, в связи с чем ГПК союзных республик не содержат норм, регулирующих порядок заключения мировых соглашений в этих стадиях гражданского процесса⁴.

Заключение мировых соглашений в суде первой инстанции

Порядок заключения мировых соглашений (применяемый с некоторыми особенностями и в других стадиях гражданского процесса) определен ст. 165 ГПК РСФСР.

Условия мирового соглашения, выработанные сторонами, записываются в протокол судебного заседания и подписываются сторонами. Если условия мирового соглашения выражены в адресованных друг другу письменных документах, последние приобщаются к делу, о чем указывается в протоколе судебного заседания.

До утверждения мирового соглашения суд разъясняет сторонам последствия их процессуальных действий.

¹ См.: Советское гражданское процессуальное право. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 25.

² Там же, стр. 25—26.

³ См.: П. В. Логинов. Предварительная подготовка гражданских дел, М., Госюриздат, 1960, стр. 122. По изложенным соображениям нельзя признать удачными указания в ГПК Таджикской ССР (ст. 101) и ГПК Узбекской ССР (ст. 35) о том, что мировые соглашения могут быть заключены в любой стадии гражданского процесса.

⁴ Иначе решается этот вопрос гражданским процессуальным законодательством Польской Народной Республики, согласно которому при рассмотрении дел в порядке чрезвычайной ревизии мировое соглашение сторонами не может быть заключено (см.: И. Юхо, С. Курылев. Гражданский процессуальный кодекс Польской Народной Республики. — «Советская юстиция», 1967, № 1, стр. 28).

При наличии условий, предусмотренных ч. 2 ст. 158 ГПК РСФСР, вопрос об утверждении судом мирового соглашения сторон разрешается и в случаях их неявки.

Утверждая мировое соглашение, суд прекращает производство по делу¹.

Заключение мирового соглашения в суде второй инстанции

Порядок заключения мирового соглашения в суде второй инстанции регулируется ст. 293 ГПК РСФСР. Особенности заключения мировых соглашений в суде второй инстанции обусловлены тем, что в суде второй инстанции не ведется протокол судебного заседания и вопрос об утверждении мирового соглашения связывается с вопросом о юридической силе судебного решения.

В силу этого мировое соглашение представляется в письменной форме. Утверждая мировое соглашение, суд второй инстанции одновременно должен отменить решение суда первой инстанции.

Можно отметить и другие особенности. Содержание мирового соглашения не может быть тождественно судебному решению, ибо в этом случае его заключение становится бессмысленным.

В том случае, когда для утверждения мирового соглашения необходимо выяснение дополнительных обстоятельств, связанных с исследованием новых доказательств, суд второй инстанции применительно к ч. 1 ст. 306 ГПК РСФСР может отменить решение суда и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

На возможность возвращения дела в суд первой инстанции при невозможности разрешить вопрос об утверждении мирового соглашения в суде второй инстанции указывалось в постановлении Пленума Верховного Суда РСФСР № 21 от 20 декабря 1926 г.² При этом предлагалось дело производством в суде второй инстанции приостанавливать. Однако такого основания для приостановления производства в суде второй инстанции, как справедливо утверждает О. Степанова³, советское гражданское процессуальное законодательство не знало и не знает, и вряд ли целесообразно его вводить. Часть 1 ст. 306 ГПК РСФСР дает возможность разумного устранения причин, препятствующих заключению мирового соглашения.

¹ Подробно вопрос об утверждении мировых соглашений излагается в § 4.

² См.: Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. М., «Советское законодательство», 1935, стр. 198.

³ См.: О. Степанова. Мировая сделка в суде второй инстанции, стр. 50.

Стороны, вырабатывая в суде второй инстанции условия мирового соглашения, не изменяют основания и предмета иска, как считает О. Степанова¹, и поэтому не стоит связывать эту проблему с проблемой изменения предмета и основания иска в суде второй инстанции. Мы уже отмечали, что условия мирового соглашения только внешне выглядят как изменение иска. На самом деле они таковыми не являются, ибо не адресованы к суду.

Заключение мирового соглашения в стадии исполнения судебного решения

Заключение мирового соглашения в стадии исполнительного производства обладает рядом особенностей.

Во-первых, обязательным условием заключения мирового соглашения являются материальноправовые уступки сторон. Это объясняется тем, что содержание мирового соглашения должно быть отлично от содержания судебного решения, которое подтверждает допроцессуальные материальные правоотношения. Следовательно, мировые соглашения (по содержанию) возможны только как итог уступок. Иными словами, в основе судебного мирового соглашения в стадии исполнительного производства всегда лежит материальноправовое соглашение об изменении отдельных элементов правоотношения или замене его целиком новым правоотношением.

Второй особенностью мировых соглашений, заключенных в стадии исполнения, является то, что мировые соглашения заключаются не только по делам, рассмотренным судебными, но и иными органами.

В соответствии со ст. 388 ГПК РСФСР гражданское процессуальное законодательство регулирует действия судебного исполнителя и других заинтересованных лиц не только по исполнению судебных решений, но и решений арбитража, товарищеских и третейских судов и т. п. Ст. 364 ГПК РСФСР, регулирующая заключение мировых соглашений в стадии исполнительного производства, никаких ограничений заключения мировых соглашений по признаку органа, разрешившего спор, не знает.

В стадии исполнительного производства действует общее правило о том, что область применения мировых соглашений ограничена сферой «автономного урегулирования». В соответствии с этим не могут быть заключены, например, мировые соглашения по постановлениям комиссий по делам о несовершеннолетних о

¹ См.: О. Степанова. Мировая сделка в суде второй инстанции, стр. 51.

денежных взысканиях в установленных законом случаях, по постановлениям административных органов и должностных лиц, которым законом предоставлено право производить взыскания с граждан в бесспорном порядке, и т. д.

Третья особенность заключается в том, что независимо от того, каким органом был разрешен спор и постановлено решение, мировое соглашение утверждается судом, при котором состоит судебный исполнитель (ст. 366 ГПК РСФСР).

В юридической литературе имеется ошибочное высказывание о том, что мировое соглашение, заключенное в стадии исполнительного производства, утверждается не судом в коллегиальном составе, а судьей единолично¹. Эти суждения основаны на неправильном толковании ст. 366 ГПК РСФСР, в соответствии с которой определение о прекращении исполнительного производства выносится судьей единолично. Но вопрос об утверждении мировых соглашений регулируется не ст. 366 ГПК РСФСР, а ст. ст. 165 и 364 ГПК РСФСР, в соответствии с которыми мировое соглашение, заключенное в исполнительном производстве, утверждается судом в коллегиальном составе².

Заключение мировых соглашений в стадии исполнительного производства — явление редкое. Необходимость его возникает в том случае, если стороны заменяют правоотношение, установленное судебным решением, новым правоотношением и его исполнение отодвигается на более длительный срок или же изменяют способ и порядок исполнения³. Во всех остальных случаях необходимость в заключении мировых соглашений не возникает, так как видоизмененное правоотношение сразу же исполняется должником, а взыскатель заявляет судебному исполнителю об исполнении должником своей обязанности.

Заключение мирового соглашения в стадии исполнительного производства не является отказом от законной силы судебного решения, а представляет собой отказ от субъективных прав, признанных этим решением⁴. В силу диспозитивности гражданского права лицо может распоряжаться принадлежащими ему правами по своему усмотрению в пределах, установленных законом. Цель судебного решения — защитить нарушенное или же оспоренное право. Но достижение этой цели не должно повлечь ограничения в использовании права, защищенного судом. Поэтому

¹ См.: Советский гражданский процесс. Изд-во Московского университета, 1964, стр. 202.

² См.: А. М. Ширшиков. Исполнение судебных решений. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 25; Советский гражданский процесс. М., «Высшая школа», 1967, стр. 336.

³ См.: А. М. Ширшиков. Исполнение судебных решений, стр. 25.

⁴ См.: Д. И. Полумордвин. Законная сила судебного решения. Тбилиси, Изд-во АН Грузинской ССР, 1964, стр. 181.

зыскатель вправе распорядиться своим субъективным материальным правом в стадии исполнительного производства. Это теоретически обоснованное положение находит воплощение в предоставленной советским гражданским процессуальным правом возможности сторонам заключить мировое соглашение в этой стадии гражданского процесса.

Для правильного использования института мировых соглашений в исполнительном производстве необходимо четко различать мировые соглашения, заключенные в стадии исполнительного производства, и иные юридические действия, создающие новые материальные правоотношения. В одном из определений Верховного Суда РСФСР по иску о разделе общего имущества супругов сказано: «Если стороны после первого решения суда продолжали в течение более или менее длительного времени совместное ведение общего хозяйства, то это обстоятельство следует рассматривать как мировое соглашение, погашающее прежнее отношение и создающее новые, вследствие чего суд может признать первое решение утратившим силу и в полном объеме разрешить по существу вновь возникший между сторонами спор». Однако в данном случае мирового соглашения установить нельзя. Налицо новые обстоятельства, имеющие юридическое значение, влекущие возникновение новых материальных правоотношений, спор о которых может быть предметом судебного рассмотрения.

§ 4.

УТВЕРЖДЕНИЕ СУДОМ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

Юридическая природа действий суда по утверждению мирового соглашения сторон

Мировое соглашение, заключенное между сторонами в процессе, само по себе не приобретает свойств, характерных для судебного решения. Оно не превращает спорное правоотношение в бесспорное в той степени, как это осуществляется судебным решением. Такое свойство мирового соглашения приобретает лишь в случае утверждения его судом.

Поэтому утверждение судом мирового соглашения сторон представляет собой акт судебной защиты права². Характерной его особенностью является то, что суд не разрешает своим волеизъявлением спор, находящийся на рассмотрении суда, а проверяет и подтверждает законность разрешения спора самими спорящими сторонами.

¹ «Судебная практика РСФСР», 1931, № 3, стр. 2 (цитирую по книге Д. И. Полумордвинова «Законная сила судебного решения», стр. 185).

² См.: К. Комиссаров. Отказ от иска и мировое соглашение, стр. 45.

Такая форма судебной защиты права существует не только при утверждении мировых соглашений. Она применяется также, когда возникает необходимость принудительного осуществления решений товарищеского и третейского судов. И в этих случаях судья проверяет законность вынесенных решений и, лишь убедившись в этом, выносит постановление о принудительном исполнении решения.

Утверждение судом мирового соглашения придает ему общеобязательную силу и делает годным к принудительному осуществлению. Поэтому судебное мировое соглашение должно удовлетворять многим требованиям, предъявляемым к судебному решению.

Задачи, стоящие перед судом, утверждающим мировое соглашение сторон, заключаются в том, чтобы проверить законность мирового соглашения, его соответствие интересам государства, сторон, отсутствие недостатков, которые бы препятствовали принудительному исполнению мирового соглашения в случае, если стороны в добровольном порядке его не исполнят. Выполнение судом этой задачи обуславливает необходимость исследования в определенных пределах обстоятельств дела. Объем исследования различен в зависимости от характера материального правоотношения, находящегося на рассмотрении суда.

Проверка действительности волеизъявления сторон

Мировое соглашение представляет собой договор заинтересованных лиц об условиях разрешения гражданско-правового спора. Действительность договора зависит от действительности волеизъявления сторон. Гражданское право связывает это с решением двух вопросов: 1) о дееспособности участников соглашения и 2) о свободе волеизъявления дееспособными участниками соглашения.

Исследование первого вопроса при утверждении мирового соглашения практически исключается, так как дееспособность участвующих в гражданском деле лиц проверяется при принятии искового заявления и в случае недееспособности сторон или же третьих лиц обеспечивается участие в процессе их законных представителей. Если же заявление ошибочно принято от недееспособного лица и это установлено при решении вопроса об утверждении мирового соглашения, суд не исследует его в плане решения вопроса об утверждении мирового соглашения, а оставляет иск без рассмотрения (ст. 221 ППК РСФСР).

Утверждая мировое соглашение, суд проверяет свободу волеизъявления сторон, его действительность. При этом суд руководствуется нормами гражданского права. Суд не может утвердить мировое соглашение в том случае, если оно совершено лицом, не способным понимать значение своих действий (ст. 56 ГК).

РСФСР), под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжелых обстоятельств (ст. 58 ГПК РСФСР), под влиянием заблуждения (ст. 57 ГК РСФСР).

Так, народным судом г. Буйнакса было утверждено мировое соглашение, в соответствии с которым ответчик Дырин взял обязательство в определенный срок освободить занимаемое им жилое помещение. Президиум Верховного Суда Дагестанской АССР определение суда об утверждении мирового соглашения отменил на том основании, что организация, из дома которой выселяется ответчик, не включена в перечень организаций, имеющих право на выселение по основаниям, предусмотренным ст. 334 ГК РСФСР¹. Мировое соглашение было результатом заблуждения, неправильного понимания действительных взаимоотношений сторон, и поэтому оно было порочным, хотя по общему правилу стороны могут заключить мировое соглашение, которым на одну из сторон возлагаются обязанности, ранее не существовавшие.

Проверка законности мирового соглашения

Содержание мирового соглашения должно соответствовать материальному праву. Стороны не могут ликвидировать спор на условиях, противоречащих действующему законодательству. В практике судебных органов это правило не всегда соблюдается. Например, суды утверждают мировые соглашения о признании права собственности на самовольно возведенные жилые строения², хотя подобные вопросы не только волеизъявлением сторон, но и волеизъявлением суда разрешены быть не могут, так как относятся к компетенции Советов депутатов трудящихся.

Противоречат закону мировые соглашения, изменяющие точно установленное законом содержание материальных правоотношений. Так, стороны не могут заключать мировых соглашений, в силу которых истица соглашается на взыскание с ответчика алиментов на содержание одного ребенка не в размере $\frac{1}{4}$, а в размере $\frac{1}{6}$ заработка ответчика или же на взыскание с ответчика алиментов на содержание не всех, а только некоторых детей³.

Не будет законным такое мировое соглашение, при котором по иску о возмещении вреда, причиненного здоровью гражданина, стороны соглашаются на выплату ответчиком возмещения в сум-

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Дагестанской АССР от 10 августа 1967 г.

² См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1962, № 11, стр. 2.

³ См.: Г. В. Воронков, Судебные определения об утверждении мировых соглашений и охрана прав граждан в советском гражданском процессе, стр. 230.

ме, не соответствующей норме, предусмотренной законом, хотя бы это и было основано на признании сторонами смешанной ответственности¹.

Незаконными являются и такие соглашения, которые заключаются с целью, противной интересам государства и общества (ст. 49 ГК РСФСР). Так, будет признано незаконным мировое соглашение по иску о снятии с имущества ареста, на основании которого ответчик распоряжается своим имуществом в пользу истца с единственной целью — избежать обращения его в доход государства. Обычно истец или же ответчик могут распорядиться своим имуществом в интересах другой стороны. Но распоряжение имуществом невозможно с целью, противной интересам государства, а поэтому подобная мировая сделка не может быть утверждена судом.

Нельзя признать законным и такое мировое соглашение, которое заключается в сфере, не подлежащей договорному урегулированию. В частности, мировое соглашение сторон по вопросу отмены усыновления не может быть утверждено судом, так как это не сфера автономного урегулирования.

Не соответствует закону и вследствие этого не может быть утверждено мировое соглашение, заключенное представителем стороны, не имеющим полномочий на его заключение².

Соответствие мирового соглашения интересам сторон, других участвующих и не участвующих в деле лиц

Одним из главных оснований возникновения прав и обязанностей граждан и юридических лиц в сфере автономного урегулирования являются соглашения и односторонние акты-сделки. Граждане и юридические лица своими волеизъявлениями принимают на себя обязанности, создавая тем самым для других лиц субъективные права. Поэтому не может быть заключено такое мировое соглашение, в силу которого возлагались бы обязанности на лиц, не участвовавших в деле³. В этих случаях нет необходимости исследовать вопрос о соответствии мирового соглашения интересам не участвующего в процессе лица. Отсутствие его воли является достаточным основанием для отказа в утверждении мирового соглашения.

Несколько иначе складываются обстоятельства, когда лицо участвует в деле, но не имеет полномочий на заключение мирового соглашения. Речь идет о третьих лицах, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора. Гражданское процессуальное законодательство не предоставляет им право на за-

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 10, стр. 2.

² См.: Там же.

³ См.: «Советская юстиция», 1961, № 17, стр. 29.

ключение мировых соглашений. Но мировое соглашение, заключенное сторонами, может отразиться на их интересах. Так, если результатом мирового соглашения сторон будет частичный отказ истца от притязания (принадлежащих ему материальных прав), то третье лицо на его стороне может лишиться части своих требований к истцу. Поэтому суд, утверждая мировое соглашение сторон, обязательно должен проверить, не противоречит ли мировое соглашение сторон интересам третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований на предмет спора. При наличии этого обстоятельства в утверждении мирового соглашения сторон должно быть отказано.

Возможен и такой вариант, когда участвующее в деле лицо имеет право на заключение мирового соглашения, но фактически в заключении мирового соглашения не участвует. Такое положение имеет место, если в деле участвуют соистцы или же соответчики, а также третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора. Перечисленные участвующие в деле лица, имея право на заключение мирового соглашения, фактически могут не участвовать в этом. Заключение мирового соглашения одним из соистцов или же соответчиков может отразиться на интересах других соистцов или же соответчиков, а также третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора. Поэтому суд обязательно должен проверить, не противоречит ли мировое соглашение их интересам, и при наличии этого обстоятельства в утверждении мирового соглашения отказывать.

Общее указание на то, что суд должен отказать в утверждении мирового соглашения, если оно нарушает чьи-либо права и охраняемые законом интересы, содержится в ст. 24 Основ гражданского судопроизводства. Это положение включает в себя не только нарушение интересов лиц, которые не участвовали в заключении мирового соглашения, но и участников (сторон) мирового соглашения, то есть лиц, изъявивших волю на заключение мирового соглашения¹.

Практически установление этого обстоятельства бывает необходимо в тех случаях, когда одна из сторон отказывается от принадлежащих ей субъективных материальных прав или же другая сторона берет на себя дополнительные обязанности. Только в этом случае может возникнуть вопрос о противоречии мирового соглашения сторон (распорядительных материальноправовых действий) их интересам. Если результатом мирового соглашения будет подтверждение допроцессуального материального правоотношения сторон, вопрос о подобном противоречии возникнуть не может.

Отказ истца от принадлежащих ему материальных прав или же принятие ответчиком на себя дополнительных обязанностей само по себе не говорит о противоречии мирового соглашения интересам одной из сторон. Так, нельзя считать противоречащим интересам истца мировое соглашение, в силу которого истец (владелец дома на праве личной собственности), предъявивший иск о выселении ответчика без предоставления жилого помещения, берет на себя обязанность предоставить ответчику комнату в этом же доме¹. По существу, в данном случае имеет место выселение из дома личного собственника с предоставлением выселяемому жилого помещения за счет собственника. Если истец такое решение вопроса считает для себя приемлемым, суд не может отказать в утверждении мирового соглашения.

В судебной практике часты случаи, когда предъявляются иски о выселении лиц из подлежащих сносу строений. Выселение в соответствии с законом возможно только с предоставлением благоустроенного жилого помещения². Однако стороны могут заключить мировое соглашение на условиях, предусматривающих освобождение ответчиком жилого помещения без предоставления истцом на момент освобождения ответчиком жилого помещения — другой жилой площади с обязательством предоставить квартиру в строящемся доме. Ответчик в этом случае отказывается от принадлежащего ему права на немедленное получение квартиры, но в результате этого его интересы не нарушаются: он получает квартиру во вновь строящемся доме по постоянному месту своего жительства³.

Нельзя признать противоречащим интересам истца такие условия мирового соглашения, при которых истец отказывается от части своих исковых требований. Во-первых, отказ от части исковых требований еще не говорит о том, что истец отказывается и от действительно существующего материального права, ибо истец может и не обладать в действительности правом в том объеме, в котором он определен в исковом заявлении. Во-вторых, даже если частичный отказ от иска включает в себя и отказ от материального права, то такой отказ от права возможен в интересе самого истца. На это обстоятельство указывал в постановлении от 5 марта 1928 г. Пленум Верховного Суда РСФСР: «...присужде-

¹ Постановление президиума Саратовского областного суда от 28 марта 1961 г. по иску Шелковой к Тереховой о выселении.

² Ст. 61 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик.

³ Ряд таких мировых соглашений был утвержден Октябрьским районным народным судом г. Саратова в 1965 г. Дела № 2—1330; 2—1329; 2—1333 и др.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Гражданского процессуального кодекса РСФСР», п. 11; Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР, стр. 56.

ние — это еще не есть полное взыскание, и иногда истцу выгоднее получить хотя бы и некоторую сумму, но реально, чем исполнительный лист на полную сумму и ничего не получить»¹.

Например, нельзя усмотреть противоречия интересам истца мирового соглашения, в силу которого ответчик обязуется уплатить истцу за мотоцикл 100 руб., в то время как иск был предъявлен на сумму в 200 руб.²; мирового соглашения, в силу которого ответчик обязуется уплатить истцу 555 руб., в то время как иск был предъявлен на сумму в 744 руб.³ Точно так же нельзя усмотреть нарушения интересов истца мировым соглашением, согласно которому в возмещение вреда, причиненного имуществу, ответчик берет обязанность возместить истцу 40 руб. при предъявлении иска на сумму в 70 руб.⁴ Если в перечисленных выше случаях истец даже и отказывается от своих материальных прав в интересах ответчика, то делает это сознательно. Такое противоречие мирового соглашения материальным интересам истца не может служить основанием для отказа в утверждении мирового соглашения, так как лицо свободно в распоряжении своим материальным правом и единственным основанием для совершения действий является его собственная воля.

Поэтому вопрос о противоречии мирового соглашения интересам лиц, заключивших его, одновременно и вопрос о достаточности волеизъявления для получения материальноправового эффекта, вопрос о том, является ли воля стороны достаточным основанием к возникновению или же изменению правоотношения или же требуется еще и соответствие воли интересам стороны. Как правило, воля лица соответствует его интересам. Несоответствие воли лица интересам или же волеизъявления лица действительной воле является следствием либо непонимания действительного положения вещей и решения вопроса в противоречии со своими интересами, либо влияния внешнего фактора, парализующего в какой-то степени его волю. Поэтому отказ лица от принадлежащих ему субъективных прав можно рассматривать как противоречащий его интересам в том случае, когда отказ является следствием заблуждения лица (в том числе неосведомленности в юридических последствиях своих действий) или же когда лицо совершает действия вынужденно, вопреки воле.

Президиум Верховного Суда РСФСР отменил определение народного суда об утверждении мирового соглашения между Га-

¹ Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, стр. 152.

² Архив Калининского районного народного суда за 1967 г. Дело № 2—517.

³ Архив Калининского районного народного суда за 1967 г. Дело № 2—235.

⁴ Архив Волжского районного народного суда г. Саратова за 1965 г. Дело № 1—2182.

лиакбаровым и предприятием, в соответствии с которым истец отказался от иска о восстановлении на работе на том основании, что ответчик освобождает его от работы по собственному желанию. Президиум исходил из того, что согласие истца «на заключение мирового соглашения было вынужденным, он справлялся с работой инженера-конструктора и свое увольнение считает неправильным»¹.

По этим же основаниям отменил определение областного суда об утверждении мирового соглашения между Игнатъевой и заводом «Стекловолокно» Пленум Верховного Суда Белорусской ССР. В постановлении Пленума указывается, что истица «согласилась работать упаковщицей вынужденно, так как в течение пяти месяцев нигде не работала и, имея на иждивении четырехлетнего ребенка, была лишена средств к существованию»².

Можно привести и другой пример. Между Петровым Н. И. и Петровой А. Б. было заключено мировое соглашение, в силу которого в пользование сторон были закреплены отдельные части домостроения. При этом ответчица отказалась от своего права на денежную компенсацию за лишнюю жилую площадь, оказавшуюся в пользовании истца. Отказ ответчицы от денежной компенсации был следствием заблуждения, неправильного понимания юридических последствий решения вопроса о праве пользования жилым помещением. В данном случае не было раздела общей собственности, а поэтому не мог стоять вопрос о денежной компенсации. Отказываясь от денежной компенсации, Петрова А. Б. в противоречии со своими интересами лишилась права на удовлетворение своих требований в будущем. По этим причинам определение народного суда об утверждении мирового соглашения было отменено областным судом³.

Определенность и безусловность прав и обязанностей, установленных мировым соглашением

Утверждая мировые соглашения, суды должны иметь в виду, что условия мировых соглашений должны быть ясны и определены и не допускать споров при исполнении⁴.

Неопределенность вытекающих из мирового соглашения прав и обязанностей может быть результатом того, что неконкретно определен предмет требования. Определением судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР было отменено определение народного суда об утверждении мирового со-

¹ См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1965, № 5, стр. 12.

² См.: «Социалистическая законность», 1965, № 12, стр. 79.

³ Архив Калининского областного суда за 1967 г. Дело № 1127.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 12 декабря 1964 г. «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Гражданского процессуального кодекса РСФСР», п. 11.

глашения, в соответствии с которым истец обязался уплатить ответчику стоимость произведенного им ремонта дома и выстроенного флигеля, а ответчик, в свою очередь, освободить занимаемый им жилой дом, принадлежащий истцу на праве личной собственности. Основанием для отмены определения народного суда послужило то обстоятельство, что инвентаризационное бюро не смогло оценить стоимость дома¹.

Мировое соглашение должно быть заключено на условиях, которые разрешают спор между сторонами окончательно и не содержат поводов для возбуждения новых споров. Так, президиум Саратовского областного суда отменил определение народного суда одного из районов города Саратова, которым было утверждено мировое соглашение между сторонами, на том основании, что в мировом соглашении конкретно не указан срок и порядок исполнения, в результате чего во исполнение определения об утверждении мирового соглашения вынесено еще два определения и одно решение².

Мировым соглашением должны быть подтверждены существующие (или созданные мировым соглашением) права и обязанности, но не права и обязанности, которые могут возникнуть в будущем. Нельзя признать правильным утверждение мирового соглашения, которым истец принимает на себя обязанность «...оформить в нотариальном порядке договор дарения дачи на имя Е. И. Малиновской (ответчицы по делу. — Р. Г.) и своей матери С. А. Малиновской (вообще не участвовавшей в деле. — Р. Г.), оговорив в нем отказ от права наследования после смерти матери, которая при жизни должна составить «дарственную запись» в пользу Е. И. Малиновской»³. Не говоря о том, что здесь нарушены права лица, не участвовавшего в рассмотренном деле и не изъявившего своей воли по этому вопросу, существенным недостатком данного судебного мирового соглашения является то, что подтверждено не существующее (или же созданное мировым соглашением) правоотношение, а правоотношение, которое, возможно, возникнет в будущем. По существу, мировым соглашением подтверждено не имеющее юридической силы **обещание** истца совершить в будущем **волевой акт**, который послужит основанием для возникновения правоотношения (оформить договор, составить «дарственную запись» и т. п.). Бесспорно, что подобные условия не могут составить содержание мирового соглашения. Мировое соглашение с таким содержанием не может быть принудительно осуществлено.

¹ См.: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР 1941 г. М., 1947, стр. 155.

² Постановление президиума Саратовского областного суда от 28 марта 1961 г. по иску Шелковой к Тереховой о выселении.

³ См.: «Советская юстиция», 1961, № 7, стр. 29.

Не вызывает сомнений, что содержание мирового соглашения должны составлять **права и обязанности сторон**. Суды не всегда учитывают это обстоятельство, в результате чего допускают ошибки при утверждении мировых соглашений. По делам о выселении за невозможностью совместного проживания нередко стороны заключают мировые соглашения следующего содержания: стороны обязуются не оскорблять друг друга¹, ответчик обязуется не употреблять спиртных напитков². Подобные заявления сторон не подтверждают и не создают конкретных правоотношений между сторонами. Об этом свидетельствует, в частности, то, что при неисполнении должником своего обещания суд не в состоянии в принудительном порядке осуществить его. Желая создать какую-то реальность исполнения такого обещания, суды иногда в решениях указывают, что в случае неисполнения должником взятой на себя обязанности истцу будет выдан «исполнительный лист на принудительное выселение ответчика из квартиры»³. Но исполнительный лист выдан быть не может, так как ответчик не взял на себя обязанности освободить спорное жилое помещение. Но если даже такая обязанность и была взята ответчиком под условием нарушения в будущем правил социалистического общежития, то и в этом случае исполнительный лист не мог быть выдан, так как требовалось бы новое судебное разбирательство для установления новых фактов нарушения ответчиком правил социалистического общежития.

Пределы исследования судом обстоятельств дела при утверждении мирового соглашения

Проверка законности мирового соглашения сторон, соответствия его интересам государства и участвующих в деле лиц, действительности волеизъявления сторон предполагает исследование в определенных пределах обстоятельств дела. Не имея ясного представления о характере правоотношения, находящегося на рассмотрении, суд не в состоянии всесторонне обсудить мировое соглашение сторон, сделать правильные выводы. Но из этого не следует, что при утверждении мирового соглашения «дело подлежит исследованию в полном объеме»⁴.

Исследование дела в полном объеме предполагает в первую очередь доказательственную деятельность суда, установление

¹ Архив Кировского районного народного суда г. Саратова за 1965 г. Дело № 2—271.

² Архив Кировского районного народного суда г. Саратова за 1967 г. Дело № 2—611.

³ Архив Волжского районного народного суда г. Саратова за 1965 г. Дело № 2—1362.

⁴ См.: М. Тупчиев. Отказ от иска и мировое соглашение как основание для прекращения производства по делу, стр. 10.

действительных взаимоотношений сторон. При утверждении мирового соглашения сторон эта деятельность суда сокращается до минимума.

Во-первых, нет необходимости устанавливать допроцессуальное правоотношение, если стороны своим волеизъявлением изменили его или же прекратили.

Во-вторых, если даже стороны лишь подтверждают допроцессуальные правоотношения, доказательственный материал не используется с такой полнотой, как при вынесении судебного решения, ибо стороны признают фактические обстоятельства дела и нет нужды их устанавливать с использованием других средств доказывания.

Поэтому при заключении сторонами мирового соглашения, как правило, не производится допрос свидетелей. Иногда сохраняется необходимость исследования письменных доказательств. Объясняется это тем, что письменными доказательствами (официальными документами) подтверждаются такие обстоятельства (юридические факты), которые являются актами соответствующих органов власти в сфере, не подлежащей «автономному урегулированию». Письменными доказательствами подтверждаются и иные обстоятельства, в существовании которых суд должен убедиться при утверждении мирового соглашения. Например, решая вопрос о возмещении вреда, причиненного предприятием работнику, стороны не вправе изменять содержание обязанности предприятия по возмещению вреда. Поэтому при утверждении мирового соглашения должны быть исследованы такие письменные доказательства, как справка бухгалтерии о заработной плате истца, документ о степени утраты истцом трудоспособности и т. д. Исследуя эти документы, суд убеждается в правильности определения сторонами содержания правоотношения.

Увеличивается объем исследования обстоятельств дела, если у суда возникают сомнения в законности и действительности самих волеизъявлений сторон. В этом случае признания сторон не могут служить достаточным доказательством их взаимоотношений. Возникает необходимость исследования дела в полном объеме. В соответствии с добытыми данными суд либо утверждает мировое соглашение, либо отказывает в этом и выносит судебное решение.

Процессуальная форма утверждения судом мирового соглашения

В связи с тем, что, утверждая мировое соглашение, суд не разрешает гражданско-правового спора по существу, процессуальной формой утверждения мирового соглашения является не решение, а определение. Такой вывод вытекает из сопоставления ст. 191 и 223 ГПК РСФСР. В соответствии со ст. 191 ГПК РСФСР в форме решения выносятся постановления суда первой инстанции, кото-

рыми дело разрешается по существу. Постановления суда первой инстанции, которыми дело не разрешается по существу, выносятся в форме определений (ст. 223 ГПК РСФСР).

Гражданские процессуальные кодексы союзных республик не конкретизируют содержание определения суда об утверждении мирового соглашения сторон. Общее указание об этом имеется в ст. 224 ГПК РСФСР, из содержания которой справедливо делается вывод, что определение должно состоять из четырех частей: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной¹.

В связи с тем что определение суда об утверждении мирового соглашения сторон во многом имеет те же последствия, что и судебное решение, необходимо особенно внимательно подходить к его составлению.

В соответствии с п. 3 ст. 31 Основ гражданского судопроизводства основанием для отказа в принятии искового заявления служит вступившее в законную силу, вынесенное по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям определение суда об утверждении мирового соглашения. Это обязывает суд в описательной части определения указывать, какой иск был предметом рассмотрения суда, индивидуализировать его по сторонам, основаниям и предмету. Отсутствие такой индивидуализации иска затруднит в будущем установление тождества исков и отказ по этим основаниям в принятии искового заявления.

В мотивировочной части определения должны быть указаны мотивы, на основании которых суд приходит к выводу об утверждении или же об отказе в утверждении мирового соглашения. При этом суды не должны ограничиваться трафаретной фразой: «Условия мирового соглашения не противоречат закону и подлежат утверждению». Необходимо конкретно указать, относится ли правоотношение, находящееся на рассмотрении суда, к сфере «договорного урегулирования»; не изменены ли соглашением сторон такие правоотношения, которые стороны своим соглашением изменить не могут; не противоречат ли условия мирового соглашения интересам государства, а также сторон и других лиц; являются ли условия мирового соглашения ясными и определенными; разрешает ли мировое соглашение спор окончательно.

Конечно, не все перечисленные вопросы должны обсуждаться в каждом конкретном случае. Но некоторая часть в различном сочетании должна быть разрешена при утверждении мирового соглашения.

Особенно важное значение имеет резолютивная часть определения, в которой должны быть точно отражены условия мирового соглашения, сказано об утверждении его судом и прекращении производства по делу (п. 5 ст. 41 Основ гражданского судопро-

¹ См.: Г. В. Воронков. Определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе. Саратов, 1967, стр. 81—82.

изводства). Если стороны, заключая мировое соглашение, не решились вопрос о распределении судебных расходов и расходов по оплате помощи адвоката, этот вопрос должен быть решен судом и отражен в резолютивной части определения (ст. 93 ч. 2 ГПК РСФСР).

Решение судом вопроса о распределении судебных расходов и расходов по оплате помощи адвоката должно быть исключено. Как правило, данный вопрос должен быть разрешен самими спорящими сторонами и представлять собой часть условий мирового соглашения. Оставление вопроса нерешенным во многом осложняет положение суда, так как иногда содержание мирового соглашения не дает достаточного материала для распределения судебных расходов и расходов по оплате помощи адвоката применительно к ст. ст. 90 и 91 ГПК РСФСР.

Безусловность, четкость, ясность, определенность условий мирового соглашения имеют решающее значение для его исполнения. Поэтому суд в ходе судебного разбирательства не должен ограничиваться лишь разъяснением сторонам их права на заключение мирового соглашения (ст. 164 ГПК РСФСР) и последствий заключения (ст. 165 ч. 3), но должен им помогать в правильном формулировании условий мирового соглашения.

Законная сила судебного определения об утверждении мирового соглашения

Судебное определение об утверждении мирового соглашения может быть в десятидневный срок обжаловано участвующими в деле лицами или же опротестовано прокурором (ст. 315 ГПК РСФСР). По истечении срока на обжалование определение вступает в законную силу.

Вступая в законную силу, определение суда об утверждении мирового соглашения приобретает свойства неизменности, неповержимости, обязательности, исключительности и исполнимости¹. Они аналогичны свойствам законной силы судебного решения, что вполне понятно, так как и при заключении сторонами мирового соглашения имеет место разрешение гражданскоправового спора по существу, с той лишь разницей, что спор разрешается не судом, а спорящими сторонами.

Свойство исключительности судебного решения предполагает и его преюдициальность. В соответствии со ст. 39 Основ гражданского судопроизводства по вступлении решения в законную силу стороны и другие лица, участвовавшие в деле, а также их правопреемники не могут заявлять в суде те же иски и требования,

¹ См.: Г. В. Воронков. Определения суда первой инстанции в советском гражданском процессе, стр. 105.

на том же основании, а также оспаривать в другом процессе установленные судом факты и правоотношения.

Указания ст. 39 Основ гражданского судопроизводства о невозможности предъявления тождественного иска относятся и к мировым соглашениям. П. 3 ст. 31 признает наличие вступившего в законную силу определения суда об утверждении мирового соглашения сторон основанием для отказа в принятии искового заявления по тождественному иску. Относительно преюдициального значения судебного определения об утверждении мирового соглашения никаких указаний ни в Основных законах гражданского судопроизводства, ни в ГПК союзных республик не имеется. Однако можно считать бесспорным, что определение суда об утверждении мирового соглашения сторон обладает свойством преюдициальности, ибо преюдициальность — это следствие свойства исключительности. Правоотношение, подтвержденное или же преобразованное мировым соглашением, является для сторон обязательным и в другом процессе между сторонами по поводу того же правоотношения. Так, если в соответствии с мировым соглашением признано право лица на данное жилое помещение, то этот факт не может быть оспорен в другом процессе теми же сторонами.

Однако свойство преюдициальности судебного определения об утверждении мирового соглашения сторон распространяется только на лиц, которые участвовали в заключении мирового соглашения, то есть на стороны. Для третьих лиц, не заявлявших самостоятельных требований на предмет спора, утвержденное судом мировое соглашение сторон преюдициального значения не имеет. Это объясняется тем, что спор разрешается волеизъявлением сторон. Обязанности стороны могут брать только на себя. В соответствии с действующим законодательством третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований на предмет спора, не могут участвовать в заключении мирового соглашения. Поэтому полностью исключается возможность распространения на них преюдициальности судебного определения об утверждении мирового соглашения сторон. Следовательно, субъективные пределы преюдициального свойства судебного определения об утверждении мирового соглашения уже, чем судебного решения.

Если после вступления в законную силу решения, которым с ответчика присуждены периодические платежи, изменяются обстоятельства, влияющие на определение размера платежей или на их продолжительность, каждая сторона вправе путем предъявления нового иска требовать изменения размера и сроков платежей (ст. 208 ч. 5 ГПК РСФСР).

Это правило распространяется и на вступившее в законную силу определение об утверждении мирового соглашения сторон. Если, например, стороны заключили мировое соглашение по вопросу об уплате алиментов на содержание нетрудоспособного и

нуждающегося родителя, а впоследствии обстоятельства, влияющие на размер платежей, изменились, бесспорно, любая из сторон имеет право обратиться в суд с иском об изменении размера платежей, если мирным путем стороны этого вопроса не разрешат.

§ 5.
МИРОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ СТОРОН И РАЗЛИЧНЫЕ
ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Гражданское судопроизводство — одна из форм защиты гражданских прав. Защита гражданских прав может осуществляться также арбитражем, третейским судом, товарищеским судом, профсоюзными и общественными организациями, в административном порядке (ст. 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик).

Возможность разрешения спора соглашением сторон не связана с формой защиты гражданских прав, а основана на характере материальных правоотношений. Мирное соглашение возможно там, где предусмотрено «автономное урегулирование» общественных отношений.

Нормы права, регулирующие деятельность государственных органов (кроме суда) и общественных организаций, разрешающих гражданскоправовые споры, нечетко решают вопрос о возможности заключения сторонами мировых соглашений.

Правила, регулирующие деятельность арбитража по разрешению гражданскоправовых споров, предусматривают возможность разрешения спора соглашением сторон, не называя его «мировым»¹. Но это не меняет сущности соглашений: они направлены на разрешение спора самими спорящими сторонами. Лишь в том случае, если остаются разногласия или же соглашение сторон не соответствует требованиям закона, решение по спору принимается государственным арбитражем.

Такой порядок разрешения гражданскоправового спора в арбитраже представляет собой выражение принципа арбитражного, в силу которого «арбитр обязан совместно с ответственными представителями сторон стремиться к выработке в заседании арбитража законного соглашения на основании тщательного изучения всех относящихся к делу доказательств и фактов»².

Нечетко решен вопрос о заключении мировых соглашений По-

¹ См.: Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами, утв. постановлением Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 1 июля 1963 г., ст. 85.

² Советское гражданское процессуальное право. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 422.

ложением о товарищеских судах РСФСР, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 г. В соответствии с ч. III ст. 16 Положения при рассмотрении имущественных и других гражданскоправовых споров товарищеский суд прекращает дело за примирением сторон.

Но примирение — это понятие не юридическое, а фактическое. Примирение возможно на базе полного отказа истца от иска, а также на базе признания иска ответчиком или же заключения мирового соглашения. В первом случае товарищеский суд может ограничиться прекращением производства по делу ввиду примирения сторон. В остальных случаях необходимо либо вынесение товарищеским судом решения, либо утверждение мирового соглашения сторон. Представляется, что в тех случаях, когда стороны пожелают заключить мировое соглашение, товарищеский суд должен ограничиться утверждением последнего, если оно не содержит ничего противозаконного, а не выносить решение. Желательно, чтобы в Положении о товарищеских судах было включено правило о возможности заключения сторонами мировых соглашений и порядке их утверждения судом.

Порядок рассмотрения трудовых споров комиссиями по рассмотрению трудовых споров, фабричными, заводскими, местными комитетами профессиональных союзов регулируется Положением о порядке рассмотрения трудовых споров, утвержденным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1957 г.¹ Положение не предусматривает возможность заключения сторонами мировых соглашений, что нельзя рассматривать в качестве достоинства правового регулирования деятельности профсоюзных органов по разрешению трудовых споров.

Как совершенно справедливо указывает В. И. Смолярчук, нередко случаи, когда на заседании комиссии по рассмотрению трудовых споров стороны приходят к соглашению, и на этой основе спор снимается с рассмотрения, в то время как, по существу, имеет место достижение мирового соглашения. В связи с тем что Положение о порядке рассмотрения трудовых споров не знает института мировых соглашений, эти соглашения, заключенные между администрацией и трудящимся, ускользают из поля зрения комиссии по рассмотрению трудовых споров. Поэтому совершенно правильно В. И. Смолярчук предлагает в нормативном порядке закрепить правило, в силу которого «после поступления заявления в КТС стороны могут исчерпать спор мировым соглашением, но это соглашение не должно противоречить нормам трудового права и фактическим обстоятельствам дела»².

В предусмотренных законом случаях гражданские права защищаются исполкомами местных Советов депутатов трудящихся.

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 4, ст. 58.

² В. И. Смолярчук. Законодательство о трудовых спорах. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 140.

В частности, исполкомы разрешают споры между социалистическими организациями о возмещении ущерба, причиненного поправой посевов и насаждений¹.

Порядок разрешения гражданскоправовых споров исполкомами местных Советов депутатов трудящихся строго не регламентирован. Не предусмотрено право сторон заключить мировое соглашение, однако заключение такого соглашения не исключается. В ходе рассмотрения исполкомом спора стороны могут прийти к взаимоприемлемому соглашению. В этом случае исполком местного Совета депутатов трудящихся может ограничиться утверждением мирового соглашения и прекратить производство по делу².

Окончание дела мировым соглашением предусмотрено нормами права, регулирующими деятельность Внешнеторговой арбитражной комиссии³, одной из разновидностей третейских судов. Временные правила рассмотрения хозяйственных споров третейскими судами не предусматривают право сторон заключать мировые соглашения. В юридической литературе вполне обоснованно такая возможность признается⁴. Во временные правила необходимо внести дополнения, регламентирующие порядок утверждения третейским судом мировых соглашений сторон.

Не содержит указаний на возможность заключения мировых соглашений и Положение о третейском суде⁵. Представляется, что к этому нет никаких препятствий. Поскольку единственной формой разрешения спора в третейском суде служит вынесение решения, мировое соглашение сторон не может быть утверждено определением, а должно быть включено в содержание решения третейского суда⁶.

Заключение мировых соглашений в принципе допустимо и при решении вопроса об административном выселении. Однако мировое соглашение не может быть санкционировано прокурором, так как эти действия выходят за пределы его компетенции. Прокурор правомочен в предусмотренных законом случаях лишь санкционировать выселение лица, но не разрешать гражданскоправовые споры иным способом.

¹ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1965 г. «Об ответственности за поправы посевов в колхозах и совхозах». — «Ведомости Верховного Совета СССР», 1965, № 1, ст. 4.

² См.: В. Воложанин. Защита гражданских прав исполкомами Советов депутатов трудящихся. — «Советская юстиция», 1967, № 11, стр. 3—5.

³ См.: Правила о производстве дел во Внешнеторговой арбитражной комиссии. — Внешнеторговая арбитражная комиссия. М., «Внешторгиздат», 1954, стр. 5—9.

⁴ См.: П. В. Логинов. Третейские суды в СССР. Изд-во Московского университета, 1963, стр. 32.

⁵ Приложение № 3 к ГК РСФСР.

⁶ См.: В. Воложанин. Больше внимания третейским судам. — «Советская юстиция», 1968, № 5, стр. 13.

ВНЕСУДЕБНЫЕ МИРОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

§ 1.

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ВНЕСУДЕБНЫХ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Соглашение (договор) — институт различных отраслей материального права, и в первую очередь гражданского. Договорами называют двух- или многосторонние сделки, то есть действия граждан и организаций, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав или обязанностей (ст. 41 ГК РСФСР). Мировое соглашение — договор особого рода. Во-первых, внесудебное мировое соглашение — это соглашение о разрешении материальноправового спора на определенных условиях. В советской гражданскоправовой литературе при определении внесудебных мировых соглашений на указанный признак обычно внимание не обращается¹. Лишь в учебнике советского гражданского права 1965 г. заключение внесудебного мирового соглашения связывается со спорностью правоотношения². Обычно признаком, характеризующим внесудебное мировое соглашение, рассматривают взаимные уступки сторон³. Но взаимные уступки, как уже отмечалось, хотя и возможны в соглашении сторон, но сущность как судебных, так и внесудебных мировых соглашений не выражают⁴.

Если из определения мирового соглашения исключить признак спорности правоотношения, по поводу которого заключается мировое соглашение, то оставшиеся признаки будут характери-

¹ См.: Научно-практический комментарий к ГК РСФСР, стр. 273; Комментарий к ГК Казахской ССР, стр. 282.

² См.: Советское гражданское право. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 539.

³ См.: Научно-практический комментарий к ГК РСФСР, стр. 273; Комментарий к ГК Казахской ССР, стр. 282.

⁴ Гражданский кодекс Польской Народной Республики, посвящая мировым соглашениям целую главу, дает им широкое определение. В соответствии со ст. 917 мировые соглашения имеют своей целью устранение неопределенности требования, обеспечение его удовлетворения либо исключение существующего или могущего возникнуть спора. Еще более конкретно этот вопрос решен Гражданским кодексом Чехословакии 1964 г. (§ 92). Мировое соглашение сторон определяется как «соглашение об урегулировании существующего между ними спора». Допускается такой способ урегулирования спора и между социалистическими организациями. «Если содержание обязательства

зовать его как обычное соглашение, юридический факт материального права, изменяющий или прекращающий правоотношение.

Во-вторых, внесудебное мировое соглашение не обязательно является юридическим фактом, изменяющим или прекращающим правоотношение. Оно не является обязательно и фактом новации. Мировое соглашение сторон может ограничиться подтверждением существующего материального правоотношения, приданием ему определенности и тем самым созданием реальной возможности его исполнения.

Поэтому главным и решающим признаком внесудебного мирового соглашения служит то, что оно является способом разрешения правового спора.

Последствие заключения внесудебного мирового соглашения — разрешение спора и снятие спорности правоотношения для **самых спорящих сторон**. Этим внесудебное мировое соглашение по своим последствиям отличается от судебного мирового соглашения, которое, снимая спорность, придает правоотношению характер общеобязательности и создает возможность принудительного исполнения обязанности должником.

На сказанное в юридической литературе обычно внимание не обращается. Понятие спора о праве исследуется, исходя из потребностей гражданского судопроизводства, только в одном направлении — определения круга дел, подлежащих судебному рассмотрению.

Такой процессуальный уклон исследования понятия «спор о праве» в конечном итоге приводит к тому, что «спор о праве» вообще рассматривается как процессуальная категория¹ и, по существу, сводится к понятию иска².

Не избежал процессуального уклона и М. А. Гурвич, определяя спор о праве как помеху в осуществлении права, устраняемую через суд³. Из определения, даваемого М. А. Гурвичем, можно сделать вывод, что если помеха в осуществлении права устра-

является спорным или сомнительным и если точно установить его представляется хозяйственно нецелесообразным, оно может быть уточнено соглашением сторон» (§ 127 Хозяйственного кодекса Чехословацкой Социалистической Республики 1964 г.).

¹ См.: В. Смоллярчук. Совершенствовать теорию и практику разрешения трудовых споров. — «Социалистическая законность», 1966, № 5, стр. 35; Е. Г. же. Законодательство о трудовых спорах, стр. 12; И. А. Жеруолис. К вопросу о сущности исковой формы советского гражданского процесса. — «Правоведение», 1966, стр. 61.

² На такую подмену одного понятия другим указывали в русской дореволюционной литературе по гражданскому процессу (см.: Е. В. Васильевский и др. Учебник гражданского процесса. М., 1914, стр. 193).

³ См.: М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., ВЮЗИ, 1950, стр. 160.

няется не через суд, то спора о праве нет. Понятие спора о праве определяется не через раскрытие содержания самого понятия, а через орган, призванный разрешать гражданско-правовые споры, что нельзя признать удачным.

Логическим завершением процессуального уклона в исследовании понятия «спор о праве» явился вывод о том, что термин «спор о праве» имеет условный характер, «ибо к составу дел «о споре гражданском» относятся и такие, по которым никаких разногласий между сторонами нет, требование кредитора должником признано, но, несмотря на это, последний обязательства добровольно не исполняет, что и вызывает необходимость обращения к суду в целях принудительного осуществления бесспорного права»¹. «Спор о праве» из полнокровного правового понятия превращен в **условный термин**, означающий, что право для осуществления нуждается в судебной защите.

Исследование процессуальной стороны, процессуального значения понятия «спор о праве» имеет значение для правильного применения норм гражданского процессуального права. Но это значение понятия «спор о праве» не должно заслонять другой его стороны. Понятие «спор о праве гражданском» имеет материально-правовое содержание, поэтому в корне неправилен вывод о том, что, «пока спор о праве не стал рассматриваться компетентным органом в определенной процессуальной форме, он с точки зрения права не существует»². Правильен был бы подобный вывод в том случае, если бы автор отметил, что спор не существует с точки зрения **процессуального права**.

Необходимо отличать понятие «спор о праве» и «спорность права». Они близки по значению, но не тождественны. Спор о праве в гражданско-правовом смысле включает в себя два момента. Во-первых, разномыслие между двумя или более лицами о существовании или несуществовании правоотношения, его объеме и характере³, несоответствие мнений спорящих сторон⁴. Во-вторых, вызванные разномыслием, несоответствием мнений спорящих сторон помехи в осуществлении кредитором своего права. Таким образом, спор о праве включает в себя два момента: субъективный и объективный⁵.

¹ См.: Советское гражданское процессуальное право, М., «Юридическая литература», 1965, стр. 9.

² См.: И. А. Жеруолис. К вопросу о сущности исковой формы советского гражданского процесса, стр. 61.

³ См.: В. Л. Исаченко. Гражданский процесс. Практический комментарий на вторую книгу Устава гражданского судопроизводства. Минск, 1890, стр. 5.

⁴ См.: Д. М. Чечот. Судебная защита субъективных прав и интересов. — «Советское государство и право», 1967, стр. 48.

⁵ Поэтому нельзя согласиться с М. А. Видутом, что спор о праве — категория субъективная (см.: М. А. Видутов. Субъекты гражданско-правового спора и правовое регулирование защиты их прав. — «50 лет Советской власти и актуальные проблемы правовой науки». Саратов, 1967, стр. 110).

Спор о праве создает **спорность права**, то есть его неопределенность и невозможность реализации, осуществления. Устранение спора о праве устраняет спорность права и создает возможность реализации, осуществления материального права.

Если спорность правоотношения устраняется самими спорящими сторонами, то устраняются оба момента: спор о праве и спорность правоотношения, то есть субъективный и объективный моменты. Однако устранение спорности имеет место только в отношении самих спорящих сторон, что вполне достаточно для реализации права, ибо реализация будет осуществляться по воле обязанного лица.

Если же спорность правоотношения устраняется судебным решением, возникает возможность принудительного, **помимо воли должника**, исполнения его обязанности, осуществления права кредитора. Но устранение спорности правоотношения не всегда влечет и устранение спора между сторонами, что выражается в заявлении о пересмотре судебных решений в надзорном порядке, неисполнении решения суда добровольно и т. п.

В связи с тем что внесудебные мировые соглашения устраняют спор между сторонами и устраняемая на этой основе спорность правоотношения служит лишь предпосылкой **добровольного** исполнения должником своей обязанности, мировое соглашение не придает отношениям сторон обеспеченности государственным принуждением, как при вынесении судебного решения, возникает необходимость исследования вопроса о придании внесудебному мировому соглашению сторон обязательной силы.

§ 2.

ПРИДАНИЕ Внесудебным мировым соглашениям ОБЩЕОБЯЗАТЕЛЬНОЙ СИЛЫ

Внесудебное мировое соглашение выступает в качестве предмета судебного исследования в двух случаях: 1) когда одна из сторон в судебном процессе как на одно из обстоятельств, подтверждающих искомые требования или же возражения против иска, ссылается на внесудебное мировое соглашение, 2) когда одна из сторон обращается в суд с заявлением об оспаривании или же утверждении внесудебного мирового соглашения.

Практика судебных органов прошлых лет¹ и отдельные юристы-практики² рассматривают внесудебные мировые соглашения как один из видов доказательств.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР № 70 от 7 декабря 1923 г. — «Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР». М., «Советское законодательство», 1935, стр. 151.

² См.: К. А н о х и н. Судебные мировые сделки, стр. 54.

Очевидно, что такое понимание правовой природы внесудебных мировых соглашений в гражданском процессе неправильно.

Доказательства не являются юридическими фактами, которые подлежат доказыванию в данном процессе. Они служат лишь средством установления юридических фактов, входящих в предмет доказывания. Внесудебные мировые соглашения таких функций выполнять не могут. Они не служат средством установления юридических фактов, они сами есть юридические факты, подлежащие доказыванию, ибо внесудебные мировые соглашения представляют собой волевые акты сторон по разрешению гражданскоправового спора. А в тех случаях, когда внесудебное мировое соглашение еще и изменяет содержание материального правоотношения, оно (мировое соглашение) выступает и как волеизъявление сторон по изменению или же частичному прекращению существующих материальных правоотношений, находящихся на рассмотрении суда.

Поэтому доказательствами в процессе могут служить письменные документы, в которых изложен текст мирового соглашения, но не сами мировые соглашения как волеизъявления сторон на разрешение материальноправового спора.

Правильнее поступают авторы, рассматривающие внесудебное мировое соглашение как одно из обстоятельств дела. «Мировая сделка, заключенная вне суда и не представленная суду для утверждения или оспариваемая одной из сторон на суде, может иметь значение только в качестве одного из обстоятельств по делу, и тогда наличие сделки, ее содержание должны быть доказаны по общим правилам, в зависимости от формы сделки, с соблюдением правил о допустимости тех или иных доказательств»¹.

Нетрудно заметить, что, рассматривая внесудебное мировое соглашение как одно из обстоятельств дела, автор исходит из того, что внесудебное мировое соглашение — это обычная гражданскоправовая сделка, и суд должен оценивать ее лишь с одной стороны — со стороны влияния на гражданскоправовые правоотношения, совершенно игнорируя другую сторону — разрешение гражданскоправового спора. Автор исходит из того, что гражданскоправовой спор разрешается лишь судебным мировым соглашением.

Такое решение вопроса полностью согласуется с действующим и действовавшим ранее гражданским процессуальным законодательством, не предусматривавшим утверждения судом внесудебных мировых соглашений. Лишь в одном случае Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. предусматривал возможность утверждения судом несудебного мирового соглашения: когда в целях предотвращения признания кооперативной

¹ О. Степанова. Судебная мировая сделка. — «Социалистическая законность», 1959, № 10, стр. 33.

организации несостоятельной правление ее заключало с кредиторами мировое соглашение, предоставляющее кооперативной организации отсрочки и рассрочки платежей с долгов (ст. 433). Эта норма Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1923 г. в связи с изменившейся социально-политической обстановкой в стране фактически прекратила действие задолго до отмены кодекса¹.

Существующее в настоящее время положение, когда обязательная сила придается лишь мировым соглашениям, заключенным в процессе, не способствует развитию инициативы сторон в разрешении возникающих между ними конфликтов, гражданско-правовых споров. Поэтому в юридической литературе все настойчивее звучат требования о придании внесудебным мировым соглашениям обязательной силы.

В целях придания внесудебным мировым соглашениям устойчивости и определенности предлагается установить порядок, при котором внесудебные мировые соглашения удостоверялись бы нотариусом или органом, выполняющим нотариальные функции². За это в свое время высказывался Пленум Верховного Суда РСФСР³. Но такое решение вопроса нельзя признать удачным.

Удостоверение мирового соглашения нотариусом, если оно представляет собой акт изменения правоотношения, в принципе допустимо и в настоящее время. Никаких специальных указаний во многих случаях не требуется. Но удостоверение мирового соглашения нотариусом есть лишь акт **подтверждения волеизъявления сторон**. Обязательная сила внесудебному мировому соглашению не придается, спор окончательно не разрешается. Даже в том случае, если нотариус совершает исполнительную надпись, не исключена возможность оспаривания ее в суде.

Заслуживает внимания предложение о распространении на стадию подготовки дела к слушанию всех процессуальных гарантий судебного разбирательства, установление специального судебного заседания, в котором возможно было бы утверждение мирового соглашения⁴. Такие изменения в советском гражданском процессуальном законодательстве значительно способствовали бы развитию инициативы граждан в разрешении гражданско-правовых споров.

¹ Поэтому нельзя согласиться с утверждением, будто в период действия ГПК РСФСР 1923 г. внесудебные мировые соглашения могли быть утверждены судом (см.: К. С. Юдельсон, Советский гражданский процесс. М., Госюриздат, 1956, стр. 267).

² См.: В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное правоотношение. Докторская диссертация. Томск, 1967, стр. 187 (Рукописный фонд Библиотеки им. Ленина).

³ См.: Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР, стр. 151.

⁴ См.: С. В. Курылев. Объяснение сторон как доказательство в советском гражданском процессе, стр. 45.

Однако и оно не решает вопроса об утверждении внесудебных мировых соглашений, то есть соглашений, заключенных вне процесса и до его возникновения.

Наиболее удачно вопрос о придании общеобязательной силы внесудебным мировым соглашениям разрешается гражданским процессуальным законодательством некоторых европейских социалистических государств, предусматривающим специальную стадию гражданского процесса — примирительное производство. Стороны, заключившие внесудебную мировую сделку, представляют ее суду для утверждения. Суд, проверив законность и действительность мирового соглашения, утверждает его, после чего оно приобретает силу судебного решения¹.

Подобное правило должно быть включено в советское гражданское процессуальное право, должна быть предусмотрена возможность утверждения судом внесудебных мировых соглашений. Они должны утверждаться судом в коллегиальном составе с применением тех же правил, что и при утверждении судебных мировых соглашений. В связи с тем что по правовому значению внесудебное мировое соглашение, утвержденное судом, будет приравнено к судебному мировому соглашению, суд обязан помогать сторонам в выработке его условий. Заключение внесудебных мировых соглашений необходимо стимулировать незначительными размерами государственной пошлины, уплачиваемой при обращении в суд с заявлением об утверждении мирового соглашения.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Чехословацкой Социалистической Республики 1964 г. предусматривает особую стадию гражданского процесса — примирительное производство. Оно носит строго добровольный характер. Его целью является достижение мирового соглашения, которое имеет такую же обязательную силу, как и мировое соглашение, заключенное в течение собственно процесса, и представляет одно из оснований для принудительного исполнения (см.: Зденек Чешка. Новая правовая регулировка Чехословацкого гражданского процесса. — «Бюллетень Чехословацкого права», 1965, № 3—4, стр. 183). Гражданский процессуальный кодекс не указывает на то, что стороны могут обратиться в суд с заявлением об утверждении уже заключенного мирового соглашения. Однако это право, на наш взгляд, входит составной частью в право на обращение в суд с заявлением о том, чтобы суд попытался достигнуть мирового соглашения.

Так же разрешается вопрос об утверждении внесудебных мировых соглашений Гражданским процессуальным кодексом Польской Народной Республики 1965 г. С заявлением об окончании дела миром стороны могут обращаться в районный суд. Примирительное производство осуществляется судьей единолично. Мировое соглашение сторон, утвержденное в стадии примирительного производства, имеет силу судебного мирового соглашения (см.: И. Юхо, С. Курылев. Гражданский процессуальный кодекс Польской Народной Республики. — «Советская юстиция», 1967, № 1, стр. 28).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ЧАСТЬ I	
ИНТЕРЕС КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ	5
Глава 1. Интерес как социологическая категория	7
§ 1. Объективный характер интереса	7
§ 2. Классификация интересов. Соотношение личных и общественных интересов	13
Глава 2. Охраняемый законом интерес как предмет судебной защиты	17
§ 1. Опосредствование интереса субъективным правом как форма охраны интереса	17
§ 2. Охрана интересов, не опосредствованных субъективными материальными правами	19
§ 3. Охраняемый законом интерес как предмет судебной защиты в делах искового производства	24
§ 4. Охраняемый законом интерес как предмет судебной защиты в производстве по делам, возникающим из административноправовых отношений	31
§ 5. Охраняемый законом интерес как предмет судебной защиты в делах особого производства	33
§ 6. Понятие охраняемого законом интереса как предмета судебной защиты	36
Глава 3. Юридический (процессуальный) интерес	39
§ 1. Понятие юридического (процессуального) интереса	39
§ 2. Юридический интерес как основание для вступления в процесс	47
§ 3. Юридический интерес как критерий для определения процессуального положения лица в гражданском процессе	52
§ 4. Юридический интерес как основание для отвода судей, прокурора, эксперта, секретаря судебного заседания, переводчика, представителя общественной организации и коллектива трудящихся	59

ЧАСТЬ II

ВОЛЯ, ИНТЕРЕС И ПРИНЦИПЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ДВИЖЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА 63

Глава 4. Воля, интерес и принцип диспозитивности 65

§ 1. Диспозитивность — принцип, определяющий источник движения гражданского процесса 65

§ 2. Содержание принципа диспозитивности — распоряжение процессуальными, а не материальными правами 68

§ 3. Принцип диспозитивности гражданского процессуального права — не следствие диспозитивности гражданских прав 71

§ 4. Обусловленность воли лица интересом — предпосылка принципа диспозитивности советского гражданского процессуального права 77

§ 5. Воля материально (лично) заинтересованного лица — движущее начало гражданского процесса 79

Глава 5. Категория интереса и принцип активной помощи в защите права 95

§ 1. Принцип активной помощи в защите права — самостоятельный принцип гражданского процессуального права 95

§ 2. Деятельность прокурора, органов государственного управления, социалистических организаций и отдельных граждан по оказанию помощи в защите права 101

§ 3. Деятельность суда по оказанию активной помощи в защите права 107

ЧАСТЬ III

ВОЛЯ, ИНТЕРЕС И МИРОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ 123

Глава 6. Сущность и содержание судебных мировых соглашений 125

§ 1. Мировое соглашение — поощряемый законом способ разрешения правового спора 125

§ 2. Мировое соглашение как процессуальный акт 129

§ 3. Материальноправовое действие мирового соглашения 136

Глава 7. Заключение судебных мировых соглашений 147

§ 1. Пределы применения мировых соглашений 147

§ 2. Субъекты судебных мировых соглашений 154

§ 3. Стадии гражданского процесса, в которых может быть заключено мировое соглашение 159

§ 4. Утверждение судом мирового соглашения 164

§ 5. Мировые соглашения сторон и различные формы защиты гражданских прав 178

Глава 8. Внесудебные мировые соглашения 181

§ 1. Сущность и правовая природа внесудебных мировых соглашений 181

§ 2. Придание внесудебным мировым соглашениям общеобязательной силы 184

Лукасян Рафаэль Егишевич

**ПРОБЛЕМА ИНТЕРЕСА
В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ
ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ**

Редактор *Д. М. Гусева*
Художественный редактор *В. К. Бутенко*
Технический редактор *Л. И. Борисова*
Корректор *К. В. Маслова*

НГ20393. Сдано в набор 2.IV.70 г.
Подп. в печать 27.VII.70 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆,
типографская № 3. Усл.-печ. л. 12, Уч.-изд. л. 12,23.
Тираж 2000 экз. Цена 73 к. Заказ 2542.

Приволжское книжное издательство,
Саратов, Братиславская, 81.
Типография издательства «Коммунист», пр. Ленина, 94.